

Д. Самойлов
В КРУГУ СЕБЯ

Давид Самойлов

В КРУГУ СЕБЯ

Таллинн
Авенариус

Составитель, редактор: Юрий Абызов

Художник: Сирье Тоома

Корректор: Ольга Белобровцева

Компьютерная верстка: Станислав Балакин

Иллюстративный материал подобран

Юрием Абызовым

Фотографии:

передняя обложка – Виталий Белобровцев;

задняя обложка – Виктор Перелыгин;

в тексте – Виктор Перелыгин, Лев Быстров

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Эстонии и
Фонда Kultuurkapital

© Юрий Абызов
© Авенариус, 2001
ISBN 9985-834-35-6

"О, какие то были года!.."

Книга эта создавалась, точнее, складывалась ровно полвека - с 1940 по 1990 год. Как в мозаике в ней находили место фрагменты недописанного, забытые черновики, письма в стихах, псевдонаучные трактаты, шуточные мистификации, юбилейные поздравления, "потешки", созданные стрезва и спяна. Многие из этого было рассеяно, разбросано, разослано - и мне понадобились известные усилия, чтобы склеить это в нечто целое.

В утверждении, что труд этот совершался мною единолично, нет самовосхваления. Просто Д.С. с большой охотой взвалил на меня обязанность подбирать и собирать все то, что являлось, как я называл, "стружками и опилками с верстака мастера". В процессе этого занятия ни я, ни Д.С. даже и помыслить не могли, что это может быть издано или вынесено на широкую аудиторию. Пределом дерзости тогда был замысел выступить с программой "В кругу себя" совместно с З. Гердтом в Доме ученых. Но проект этот так и не был осуществлен.

Прошло уже достаточно времени, чтобы взглянуть на "шутливое наследие" поэта как на полноправный материал для издания, поскольку и в нем отразился Д.С., причем отнюдь не в таком уж отрыве от его "серьезной" поэзии.

Как подлинный Мастер Д.С. сам знал цену своим изделиям и не особенно нуждался в похвалах, часто набрасывая на предмет разговора веселый флер. И это выражено в его стихотворении "Мастер":

...Но мастеров немного
Ему под стать придется.
И если не найдется,
Он выпьет с кем придется.
Не верь его веселью,
Ведь мастера лукавы
И свосму изделью
Желают вечной славы,
А не похвал в застолье
Под винными парами.
Зачем? Ведь он же мастер,
И смерть не за горами.

За россыпью, вроде бы хаотичной, этих "стружек и опилок" можно видеть все "круги жизни" Д.С. Сначала идет молодое озорство начинающего поэта, так сказать, шабашника от литературы, берущего заказы в детской редакции радиовещания и в редакциях газет, которым всегда требуются моментальные исполнители по случаю очередной декады или фестиваля в числе молодых и веселых "гениев".

Вспоминается рассказ Д.С. о том, как на них со Слуцким свалился заказ за сутки перевести что-то вроде поэмы с китайского, разумеется, по

подстрочнику. Разделив подстрочник пополам, они забыли условиться, каким размером будут пользоваться, и на другой день выяснилось, что один орудовал хореем, а другой амфибрахием. Но как люди бывалые, бравшие Берлин, быстро нашли решение: на одной половине поставили 1, на другой - 2, вроде так автор и замышлял. Поскольку в газете китайского никто почему-то не знал, это сошло.

Все еще пока непризнанные, незначимые, толпятся эти друзья Д.С. в квартире Ю. Тимофеева - см. "Памятные записки" и "Юлий Кломпус". Но уже видно, как расширяется круг друзей и знакомых, редакционных, издательских, театральных, музыкальных деятелей. Декорации все время меняются, - то филармония, то коридор Гослитиздата, то ресторан "Арагви", то Дом литераторов. Кипение и бурление московской жизни, жизни молодой. Год за годом.

Но вот Москва отступает на второй план. Начинается пярнуская жизнь - "я сделал свой выбор, я выбрал залив". Но если Д.С. отодвинулся от Москвы, то это не значит, что Москва сама не наплыла в Пярну. Дистанция сказалась в том, что общение все больше принимало эпистолярный характер, все больше литературы входило в дружеские послания и шуточные подтрунивания - с одной стороны, круг расширялся, с другой стороны, - он становился более однородным.

Еще при жизни Д.С. я предположительно выводил его раннюю "веселость едкую литературной шутки" (Ахматова) из годов, проведенных в ИФЛИ. И лишь после смерти его, уже вчитываясь в книгу "Памятные записки" (в свое время со слуха не все западало в память), я увидел, что так оно и было.

Шутливо называемый "красным лицом" ИФЛИ и впрямь являл нечто лицейское в исконном понимании этого слова: академичность в преподавании исторического и литературного материала, основательный подход к языкам, атмосфера влюбленности в поэзию, за которую начальство даже снисходительно смотрело на академические задолженности стихотворцев и недостаточное знание предмета.

В "Памятных записках" Д.С. то и дело проговаривается, указывая на то, что он уже тогда проявлял себя как остроумец: "Марк записывал мои остроты и меткие словечки".

В институтской стенной газете, как правило, длиною в несколько метров, всегда помещались шуточные зарисовки и пародии друг на друга, именно тут и вошел в практику образ вымышленного поэта, от лица которого трагестировалась типично ифлийская поэзия.

Оказывается, именно тогда Д.С. и сочинил две пародии на переводчиков, которые потом, отряхнув с них пыль, извлек из небытия и включил в фонд "курзюпской поэзии".

Сопоставляя образ зрелого Д.С. с тем молодым начинающим стихотворцем, я, кажется, понял, что заставляло его уже тогда "резвиться". Так он признавался: "Я внутренне робел, боялся ринуться в поэзию, потому что пони-

мал, что это опасное ремесло, требующее тебя всего без остатка. По природе не будучи склонен к рефлексии и к раздрающим душу противоречиям, я оставлял себе пути для отступления. Я страшился несчастья не быть поэтом... Рядом с живостью и горячностью чувств была во мне и какая-то их поверхностность, и некая вялость натуры, и боязнь делать решительные шаги".

Словом, как сказал Николай Глазков: "...Если молодой, Так он Валяет дурака. И как поэт незавершен, И не поэт пока".

Боязнь выявить себя в "серьезном стихе" сказывалась в своеобразной компенсации: некая вседозволенность стиха шутиwego, свобода веселой игры, которая как бы ни к чему не обязывает.

Именно здесь, в "красном лицее", и творилось то же, что в Лицее Царскосельском: взаимное подтрунивание в стихах, дружеские послания, эпиграммы и пародии. То, чего фактически не было за стенами ИФЛИ, там, где не было поэтического братства, а было служение идеологии и веку, который стихами Багрицкого внушал: "Если он скажет "солги" - солги, если он скажет "убей" - убей!..".

Колесание исторического маятника вызывает различное отношение друг к другу. Для дружеского общения поэтов нужна если не определенная эпоха, то хотя бы определенная среда, определенный бульон. В пушкинские времена правильно понимали, что "цель поэзии - поэзия". И поэты как бы спешили обняться.

А вот ведущие поэты Серебряного века служили не столько Поэзии, сколько Идее - Софии, Прекрасной Даме, России, у которой "плат узорный до бровей", идее спасения культуры в катакомбах, идее вседозволенности Сверхчеловека: "И Господа и Дьявола равно прославлю я", - и в эту эпоху, естественно, каждый поэт "встречал другого надменной улыбкой". Характерно ведь, что у символистов было так мало шуток и в эпистолярном наследии, и в быту.

В советское же время процветал лишь юмор ангажированный, служебный, на самовольный же смех смотрели весьма косо, почитая его "утробным".

В моем дневнике (1 февраля 1986 года) имеется запись о том, как мы мирно беседовали за коньяком в номере гостиницы "Каякас" и Д.С. сказал, что пишет небольшую поэму "Разговор студента Николая Языкова с лютеранским Богом о свободе воли в дерптском пивном погребе". Как обычно, замышлялось это в жанре легкой мистификации. И тут же Д.С. добавил, что под влиянием как-то оформившегося "В кругу себя" в нем прорезалось чувство игры и свободы от непременных канонов того или иного жанра и стиля, "обрелось умение валять дурака на уровне искусства".

Так что вхождение в поэзию совершалось как бы исподволь, с примеркой "святого ремесла" к себе, с подшучиванием над собой и близкими. И, оставаясь верным игре в бытовом общении, Д.С. долгое время не впускал игру в "серьезную поэзию". И лишь спустя годы стал позволять ей просачиваться в стих. "И это все в меня запало И лишь потом во мне очнулось".

В Д.С. было много от лицедея, но не в смысле актерской фактуры, а в смысле радостной готовности влезть в чужое естество, поговорить другим языком, довести мысли изображаемого персонажа до предельной выразительности. То и дело перед вами вспыхивал Театр Одного Актера, предлагающего присоединиться к этой игре. Постоянная нацеленность на игру невольно втягивала в нее близких, в число их входили Леон Тоом, Рафаил Клейнер, Лев Копелев, Вадим Баевский и др. С каждым возникал свой дуэт, свои характеры, отрабатывалась своя лексика и фразеология.

С живущим сейчас в Париже Сергеем Артамоновым они творили непередаваемый дуэт Мони и Васи, соседей по коммунальной квартире. Мони был интеллеktуал: работал в издательстве курьером. Он шепелявил, глотал слова, считал себя крупным идеологом Коминтерна, поскольку родился в Перу, хотя страны этой не знал, так как был привезен в Москву во младенчестве. Вася был не то шоферюга, не то грузчик, натура бесхитростная, грубоватая, по-детски непосредственная. Нельзя было без смеха слушать этот диалог, в ходе которого Мони как марксист разъяснял Васе все сложности нашей жизни, на что Вася откликался малопечатными словами и пускался в косноязычные примеры совсем не по существу.

Порой Д.С. напускал на себя вид умудренного творца глубокомысленных трактатов и сочинял их по самому неожиданному поводу. Или вдруг принимался разрабатывать историю вымышленной страны, слепленной из польско-литовско-остзейских мнимостей. А началось все с мимолетной шутки. Д.С. с Леоном Тоомом приезжали в Ригу на очередную декаду. И когда я провожал их, они, высовываясь в окно вагона, продолжали набрасывать штрихами очередной замысел: "Страна Курзюпия - и ее великий поэт Индрис Палдис". Страна была замечательна тем, что здесь можно было устраивать винегрет из истории, мифов, псевдонаучной чепухи, якобы переводов, якобы документов, якобы лингвистических изысканий, можно было цитировать несуществующее и приписывать это кому угодно. Тема эта начала оформляться от письма к письму - и с этого, собственно, начала формироваться будущая книга, пока что в виде "I тома" в самиздатском оформлении.

А там мы как раз затеяли антиалкогольный роман, который сочинялся в виде переписки двух ветеранов войны и труда, чей образ жизни трудно было назвать праведным из-за приверженности к спиртному, но которые были уверены, что как ранее "пайку надвое ломали", так и сейчас "все на свете понимают". Туда лезло все, что влезало. Даже афиша Пензенского театра, в котором, как оказалось, играет мой однофамилец - Ю. Абызов.

На этот материал стал наплывать другой - забытые послания и "стихи на случай", валявшиеся в старых папках или хранившиеся у друзей. И "II том" как-то сам собой слепился, с коллажами и фотографиями.

А по мере втягивания в игру Д.С. все охотнее начинает сочинять такие шуточные стихи, которые являются своего рода "рецензиями" на творче-

ство, на поведение человека, на его роль в обществе и на его образ. К ним относятся хотя бы стихи, связанные с именами Мих. Козакова, З. Гердта, Ю. Тимофеева, наконец, широкоформатный образ Рафаила Клейнера (он же Рафаэль Малых).

Иногда он только не наносил на бумагу подобную рецензию. Вспоминается, как он "рецензировал" А. Межирова:

"И про то пишет, и про это, а все сводит к тому, что он автор бессмертных стихов "Коммунисты, вперед!" Делает вид, что давно отрешивается от них, а сам то и дело читает на пафосе. Мог бы, не меняя ни слова, хоть интонацией от них отделяться. Скажем так: "Коммунисты?! Ну так вперед!" (Дневник, 3.2.81).

Или хотя бы взять пастиш в "Струфиане", представляющий идею Солженицына, выраженную в "Письме к вождям". Поскольку отрывок оттуда в 2-томнике выброшен цензурой, позволю себе привести его здесь:

...Но завершив исход синайский,
Во все концы пресечь пути.
А супротив стены китайской -
Превыше оной возвести.
В Руси должна быть только Русь.
Татары ж и киргиз-кайсаки
Пусть платят легкие ясаки,
А там, как знают, так и пусть...
...В провинции любых времен
Есть свой уездный Сен-Симон...

Зимой и летом Пярну навещали многочисленные друзья и просто знакомые, и в "натурщиках" нехватки не было. Один Михаил Козаков давал пищи на целый том. А были еще Юлий Ким, Лев Копелев, Зиновий Гердт, Яков Костюковский, Рафаил Клейнер и многие другие. Кроме того, свалилась вдруг злополучная горбачевская кампания борьбы с алкоголизмом, на которую нельзя было не откликнуться, так что последовало гневное самойловское "Не могу молчать!". И еще один совместный труд - рассказ "Раз в сто лет", который родился из пустякового эпизода: в день Победы у меня в Пярну украли фотоаппарат и бутылку коньяку. Но мы были так рады встрече: солнечная весна, мы, бывшие вояки, дожившие до таких вот лет, вокруг музыка, вьются молодые друзья, звонки из Москвы и Ленинграда, мы беспрестанно шутим и несем веселую чепуху, - словом, к этой пропаже мы отнеслись юмористически, сели и, перебивая друг друга, сочинили этот рассказ, в котором можно узнать и нас и жену Д.С. Галину Ивановну, хотя все это погружено в атмосферу веселой фантазмагии, которая, впрочем, мало чем отличалась от тогдашней действительности.

А так называемый "IV том", заключительный, создавался уже в последний год жизни Д.С. В нем многое порождено нашей "пикировкой".

"О, какие то были года!.."

Дело в том, что я присвоил себе амплу "Друг Обличитель". Но если я обличал Д.С. в презренной прозе, то бумеранг возвращался ко мне в виде стихотворных поношений. Я пытался урезонить Д.С. тем, что мне все-таки присвоено звание Заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР (которой уже нет), на что получил послание, умаляющее мое достоинство, и сообщение, что ему присвоено звание з.д.к. Эстонской ССР (которой также ныне нет). Когда же я послал сообщение, что мой труд издается в Америке, он с присущей ему ненавязчивой скромностью преподнес, что ему зато пожаловано звание лауреата Государственной премии СССР (которого ныне тоже нет!), и еще закончил словами: "Ты, брат, лучше со мной не тягайся, всегда мой верх будет. И даже если ты сейчас с горя и от зависти уйдешь в монастырь, то знай, что игумном там окажусь я". И к нему прилагал поношения в баснях.

Осень 1988 года Д.С. провел в Доме творчества в Дубултах (которого тоже ныне нет!). Чувствуя себя беззаботным и легким, он сочинял "античные частушки" и напыщенные афоризмы. Увидев в "Крокодиле" подборку стихов Н. Доризо, он преобразовал его в Никифора Тверезо и тут же принялся диктовать мне назидательные строфы, вроде:

Грязь прилипает к башмакам,
Дождь прилипает к башлыкам,
Коль снизу грязь,
А сверху мразь, -
То ты, мой друг, не безобразь.

И еще был год - уже последний - такой же беспечный, когда в конвертах из Пярну разлетались приветствия, философемы, шутки и шуточки. И казалось, конца этому не будет.

В новогоднем письме он заклинал:

Не спи, не спи, Абызов,
Готовь себя к труду.
А я, как башня в Пизах,
Пока не упаду.

Но именно в начале этого года башня рухнула.

Удивительно точно выразил суть явления Блок, когда сказал "Веселое имя - Пушкин". Через это определение лучше всего видится и Д.С. Я не имел здесь в виду уравнивать этих поэтов. От того, что тот и другой "писали в рифму", они не равны. Но и разным по величине поэтам может быть присуще одно и то же свойство. И ведь не всем русским поэтам оно присуще. Не назовешь же веселыми Лермонтова, Фета, Брюсова, Северянина, Мартынова, Слуцкого, словом, многих других.

Известны пушкинские слова: "Шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрой воображения, может показаться безнравствен-

ною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие".

И Д.С. в интервью "И поэзии трудно без улыбки" (ЛГ, 7.9.83) как бы подхватывает это:

"Поэты нашего времени очень дорожат своими словами, очень настаивают на серьезности своего труда в литературе. Слишком боятся показаться легкими и легкомысленными.

Почти совсем исчезли дружеские послания, веселые стихотворные письма, ироническая переписка, реплика в рифму в адрес тех, с кем полемизируешь, - то, что так ярко, ренессансно процветало в веселую пушкинскую пору".

И молодая пора Д.С. была отмечена чем-то сходным с пушкинской порой, когда поэты встречали друг друга простой, а не надменной улыбкой.

Несомненно, дополнительным заражающим началом для Д.С. служил Глазков, в котором он видел привлекательный образ органичного поэта.

"Глазков рано впитал в себя многие слои русской поэтической культуры и является одним из законных ее наследников. Он создал стих естественный и органичный... Он вообще склонен к игре в самых разных значениях этого слова... Игра составляет одну из сущностей его поэтической природы".

И когда Д.С. разыгрывал театр для себя, наверняка он был подготовлен к этому естественным вхождением в самые разные образы Николая Глазкова.

Глазков же рано оценил Самойлова, входившего в "мир литинститутский... Где котировались Слуцкий, Кульчицкий, Кауфман (Д.С.) и Коган".

Верный себе, готовый включить в стих каждого, кто произвел на него впечатление, Глазков мало того, что отметил самого Д.С., но и написал послание "Ляле Фогельсон" (в замужестве Самойловой)", - привожу его здесь из опасения, что оно так никогда и не станет достоянием гласности, а будет все еще храниться в бумагах Д.С.:

Выхожу погулять -
Вижу: в небе - луна.
Что луна по сравнению с Вами?
Вы прекрасна и фешенебельна,
Так что трудно сказать словами.

Вы - как водка, что не разбавлена,
Как сказал Пастернак: "Просто жуть!"
И немножко похожи на Байрона,
Только женственнее чуть-чуть.

Вы поэта мечта в его милых ночах,
После Вас, - если выйти из дома, -

"О, какие то были года!.."

Все небо покажется в "полмитричах",
Восхитительно и бездонно!..

И множество разных глазковских посланий - Коржавину, Межирову,
Смелякову, Слуцкому, Луконину..

Луконин Миша, ты теперь,
Как депутат почти,
И я письмо пишу тебе,
А ты его прочти...

Во всех сборниках можно прочитать такое начало:

Один поэт, издав свой сборник,
Резвиться начал, словно школьник,
И так беспечно загулял,
Что даже паспорт потерял.

А ведь оно было написано так:

Однажды, книгу напечатав,
Поэт Сережа Наровчатов
Так загулял, запирировал...

Поскольку Наровчатов был человек обидчивый, пришлось сделать стихотворение безымянным.

Разумеется, подобное втягивание друзей в стих не могло не повлиять на Д.С.

Представляя собою сценическую площадку для Personalia своего времени, книга в равной мере говорит о самом Д.С., позволяет увидеть его в бытовом течении дней с накоплением "сора", из которого порой "растут стихи, не ведая стыда".

В послании З. Гердту Д.С. писал, что в нашей жизни "есть многое за кадром".

И за кадром основного корпуса этой книги есть еще много материала, который является как бы непроросшим зерном, просто это не попало в обработку, хотя и взято было на заметку. Приведу несколько примеров вспомнившегося, обнаруженного в дневнике или в бумагах друзей.

Так в бумагах покойного Б. В. Шуплецова была обнаружена "Справка":
"Настоящим удостоверяется, что т. Шупцев Б. В. находился весь вечер у своего друга Д. Самойлова, страдающего болезнью сердца и прострелом. Пил умеренно, ел еще более умеренно. При сем присутствовали наш общий друг Грибанов Б. Т., наша жена Фогельсон О. Л., работник Министерства культуры.

Дана для ликвидации семейного конфликта.

Подписи: Д. Самойлов, Б. Грибанов, О. Фогельсон".

В отличие от булгаковской справки, выданной Бегемотом, дата представлена: 1 декабря 1961 г., но зато нет печати "уплочено".

Из оброненного в 1981 году:

- Раньше я любил женщин крупных, а сейчас маленьких, черненьких - уже не персики, а урюк.

Как-то в Опалихе, в Троицын день, мы, позволив себе вздремнуть после хорошего застолья, проснулись от песни за забором: "По Дону гуляет". Потом оказалось, что у обоих песня связана с детством и одна из любимых.

Но пусть и любимая, а спустя некоторое время, кажется уже в Пярну, Д.С. вдруг запел:

- Подонок гуляет, казак молодой.

Для игры ему достаточно было легкого "сдвига" слова. Так в июле 1989 года за столом он стал обстоятельно излагать правильное прочтение пушкинских рукописей, в частности "Письма Татьяны", где в результате ошибочного прочтения утвердилось "Не спится, няня", тогда как Пушкин писал "Не спиться б, няня". И в ответ на недоумение присутствующих, могла ли юная Татьяна произносить такое, доказывал, что в том-то и подлинный реализм и даже трагизм образа, что совсем еще юная дева отлично понимает пагубность этой страсти, которая порождена активным неприятелем "брусничной воды" ("Боюсь, брусничная вода Мне б не наделала вреда"). И лучше уж здоровый крестьянский самогон, хотя страшновато, отсюда и: "Не спиться б, няня!" И няня хорошо понимает ее, так как и сама частенько принимается за поиски: "Где же кружка?"

Все это излагалось как несомненное, чего не знают лишь профаны, со ссылками, именами, датами и прочим. Почему-то ссылался он на Нащокина, который это знал и даже кому-то рассказывал, но вот кому - забыл. И тут начиналась другая история: "Однажды Пушкин за чаем у Нащокина потребовал послать за бубликами..."

Тут все загалдели - а знал ли Пушкин слово "бублик", было ли оно в ходу наряду с "баранкой" - и текстологическая тема утонула в этимологической...

5 февраля 1981 года мы шли по Пярну, направляясь в школу, где учился сын Д.С. Павел. На ходу болтали о том, о сем. Разговор зашел о Баевском. Я произнес в качестве "затравки":

Чем занимаются евреи?

Считают ямбы и хорей.

Д.С. тут же подхватил:

Которые слагать по силам

Лишь молодым славянофилам.

"О, какие то были года!.."

Потом сочинили еще:

Один воскликнул: - Ба! Баевский!..

Другой: - Ужели Бабаевский?!

Из-за ничтожнейшего "ба"

Другая видится судьба.

А под вечер появилось еще одно "стиховедческое", уже "славянофильское":

Я вечер, млада-младешенька,

Все пиррихии считала,

Одного не досчиталась -

Диссертация пропала.

Оброненное 25 марта 1987 года:

- Пугачева всегда поет в форме скандала.

В связи с Пугачевой в семейный обиход вошла одна фраза.

Ролан Быков пригласил Д.С. на премьеру фильма "Чучело", где главную роль играла ее дочь. Дочь Д.С. Варвара, ярая "пугачевка", потребовала, чтобы отец взял ее с собой да еще с подругой впридачу. Подругу удалось отместить, вместо нее пошел секретарь Д.С. Гена Гутман. После просмотра был банкет, на который даже Варваре прорваться не удалось, и она сновала в толпе других "пугачевок", чающих увидеть свою обожаемую.

Посидев какое-то время за столом, Д.С. решил откланяться. При выходе на улицу его, как всегда, поддерживали из-за его ухудшившегося зрения, так что в дверях образовалось некоторое церемониальное замешательство. И тут из толпы "пугачевок" послышалось пронзительное:

- Папашу выводят!

Фраза эта так понравилась Д.С., что он потом часто, облачаясь в торжественный костюм для выхода в свет и вставляя челюсть, которую дома носить избегал, приговаривал с удовольствием:

- Пап - па - шу выводят!..

Пребывание в ленинградской больнице (январь 1989 года) породило цикл изречений в "суворовском" духе. К сожалению, все они были устного характера и вовремя не были зафиксированы. В памяти остались лишь такие:

Пилюля - дура, шприц - молодец.

Тяжело в лечении, легко в раю.

В каждой баталии береги гениталии.

Во время пребывания в Пярну И. Губерман (сентябрь 1987 года) с Д.С. за выпивкой состязались в сочинении всякого смешного вздора. Галина Ивановна пыталась записывать, но в отрывочной записи юмор часто не схватывался и восстановить его на другой день не удавалось.

Запечатлелся лишь образ югославской поэтессы Поебанки Навзнич, рамолички, живущей старчески-сексуальными иллюзиями. В вымышленном письме к Д.С. она намекала на якобы имевшие в прошлом интимные связи.

Д.С., притворяясь еще большим рамоликом, на это не откликнулся, а гнул на поэзию:

- Вся жизнь благодарен Вам за Ваши изумительные переводы из меня с их гениальной адекватностью: "В сороковата херовата имам я серба и хорвата".

Пристегивая к привязи Томика, черного кобелька добродушного нрава с постоянной улыбкой от уха до уха, который за день обегал весь Пернов, Д.С. приговаривал, войдя в образ резонера-самородка:

- Животная, оне свободу любить, потому их на цепь сажать надоть (24.10.87).

Дубулты. За завтраком Ира Архангельская с восторгом живописала, как героически проявил себя "Апрель" и как он лихо захватил газету "Московский литератор".

Д.С. тут же принялся перекладывать ее рассказ на язык реляций.

- Здорово, молодцы! - крикнул Бенедикт Сарнов, придерживая маузер...

...К вечеру сопротивление "глушковцев" было сломлено...

...Судьба Переделкина была решена...

...Ура! - кричали "новомирцы". - Боже царя храни! - запели в ответ обскуранты. Некоторые "новомирцы" подтянули было, но тут же опять закричали: - Ура! (20.4.89).

Наигравшись в "Пантрягина", вскоре Д.С. загорелся другой идеей:

- Давай издавать журнал для двоих, вроде эйхенбаумовского "Временника". Только делать его не серьезно и не занудно, а так - свободно, раскованно, в неглиже с отвагой... И назовем его "От руки".

И, не откладывая дела, тут же принялся диктовать набросок программы:

"Наш журнал является журналом дружеского общения, т.е. касается прежде всего нас самих, наших проблем, размышлений и творчества и других лиц по мере их общения с нами и в силу значения их в нашей жизни.

Журнал не является идеологическим, потому что у него нет специальных идеологических задач, наша идеология - явление внутреннее, а не внешнее, а, вернее, равнодействующая двух личных идеологий, и является содержательным стержнем журнала.

Той же степенью близости к нам определяется и круг читателей и тираж журнала. В известном смысле нашим предшественником является Б.Эйхенбаум с его "Временником", однако мы гораздо ближе к форме

"О, какие то были года!.."

журнала. Если у нас хватит сил заполнить все разделы, то мы предполагаем иметь отдел поэзии и художественной прозы, критики и литературоведения, документальный, исторический и хроники. Впрочем, без всякой обязательности для каждого номера наличия того или иного отдела и совершенно необязательной периодичности издания.

И все же мы настаиваем на названии "журнал", а не "альманах", поскольку наше издание не связано никакой тематической направленностью, а представляет собой ту именно смесь, которой является в наше время литературный журнал.

Еще одно замечание: "ОТ РУКИ" - ни в коем случае не является органом, и слово "рука" следует понимать как способ полиграфического оформления, а не орган действия, типа: рука карающая, рука дающая, рукоприкладство.

На Руси было выражение "смотреть из чьих-то рук". Мы постараемся этого не делать, а смотреть из собственных рук, что не означает однако "смотреть сквозь пальцы".

Вот собственно и все, что мы хотели друг другу сказать, готовя первый номер нашего журнала.

Рукописи не возвращаются".

Жаль, не дошли наши руки до этого дела, иначе наш журнал явился бы пионерским в галдящем строю современного журнального мира.

Игра ему была так же нужна, как выпивка. Можно представить, как он мрачнел бы, как скисал, впадал в угрюмство, если бы его насильно поместили в безулыбную среду.

И наряду с трагической нотой: "Прощание века со мною, прощание времени с нами", - то и дело звучало в стихах его: "Я сделал вновь поэзию игрой. В своем кругу. Веселой и серьезной..."

Качание коромысла было уравновешенным. Последние два года перед смертью он резвился как ребенок, особенно в Дубултах, где как бы окунулся в филиал Московской жизни. И Государственная премия свалилась, и двухтомник вышел, так что он горделиво-смушенно твердил:

- Я - Богатый Старик! - И умер в неведении, что "богатство" его обесценится, дом в Пярну придется покинуть, что Союз писателей развалится, что комиссия по наследству не состоится... И слава Богу, видеть все это ему не пришлось.

Так что он уложился в эпоху, как бы замкнув ее года. И отразилась она не только в его стихах и поэмах, но и в том, что втягивалось в орбиту многолетней игры.

"Прощание времени с нами" все ускоряется. Скоро уже не останется тех, кому Д.С. посвящал стихи, с кем и над кем шутил и кто способен был оценить эту манеру шутить, которая была органичной и созвучной эпохе. Боюсь, что с уходом этих последних внукам, "которые из жизни вытесняют нас", может книга показаться не очень близкой из-за пестрого разноцветья, из-за того,

что многие персонажи уже малоизвестны, мало что говорят аллюзии и парафразы. И тем более был смысл поторопиться с ее изданием - по свежим следам, пока еще витают тени минувшей эпохи. Ведь это тоже своего рода фотография - хоть и любительская, но достоверная.

И листая эти страницы, сверстники и ровесники Д.С. будут как бы твердить про себя Блока:

...За окном, как тогда, огоньки,
Милый друг, мы с тобой старики.

Все, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?..

...Как когда-то, ты помнишь тогда...
О, какие то были года!

Ю. Абызов

От составителя

Первоначально один за другим возникали машинописные "самиздатские" сборники, высокопарно называвшиеся "томами". Всего 4 тома. Но с ходом времени они утрачивали жесткие рамки, обрастая дополнительным материалом из откликов, переключек, стихов и посланий, некогда утраченных или забытых. Так что внутри всего корпуса рамки "четырёх томов" почти условны. Хотя бы еще и из-за того, что какой-то материал перебра-сывался из одного тома в другой ради более закономерного совмещения близких текстов.

Первые два тома составлялись в более игровой манере, и примечания "издателя", "редактора" и "дотошного читателя" не имели, конечно, ничего общего с истинными редакторскими примечаниями - сочиняли их совместно - и Д.С., и Ю.А. Все они, как правило, несерьезны и легкомысленны.

Но сейчас, когда многое требует более или менее конкретного комментирования, уже нельзя обойтись без "истинного" редактора - и в этом случае примечание снабжается пометой - "Ю.А."

Также нельзя считать полностью серьезными примечания, касающиеся персоналий в конце книги. Они по возможности выдержаны в духе всей книги, в манере оценочных характеристик, присущих манере Д.С.

В КРУГУ СЕБЯ

Том I

Автобиография

Я родился в год Льва под созвездием Близнецов и даже под известным влиянием Юпитера. В моем гороскопе не хватало лишь Козерога, чтобы я стал общественным деятелем или ре-

форматором пожарного дела в России. Тут сыграло, впрочем, роль и еще одно обстоятельство. С младенчества я был прозван Дезиком, а поскольку с таким именем не бывает генералов, президентов и великих путешест-

венников, а бывают только скрипачи, вундеркинды и поэты, я избрал последнее, как не требующее труда и больших знаний.

Став поэтом, я начал писать стихи, чем и занимаюсь (и буду заниматься) до своей безвременной (а лучше бы своевременной) смерти, которая, к счастью, еще не наступила.

В школе я узнал, что в биографиях поэтов часто роковую роль играют женщины, и сам стал на этот путь.

Первой моей любовью были Наташа, Роза и Анечка.

Второй - другая Наташа, Наташа-Третья и Рита.

Третьей - Ира, Муся, Наташа-Четвертая и еще, кажется, Таня Циколовская, отличавшаяся особым очарованием.

Так, продвигаясь от любви к любви, я окончил школу. С детства меня как ребенка из интеллигентной семьи обучали французскому, немецкому и музыке. Имей я меньшие способности, я бы, вероятно, преуспел в этих занятиях.

Впрочем, несмотря ни на что, я поступил в институт, где уже серьезно влюбился в двух подруг, Зину и Веру. Неизвестно, к чему бы привела эта удвоенная страсть, если бы не началась война.

В войну меня продолжали называть Дезиком и это помешало мне сделать военную карьеру, как я к этому ни стремился. Я вынужден был остаться поэтом.

С детства я жил в окружении людей замечательных и знаменитых. У меня были общие знакомые с Бернардом Шоу, Рабиндранатом Тагором, японским императором. На школьной скамье я познакомился с астрономом фон Зигель-Тарелкиным¹, будущим председателем Добровольного общества воспитателей бездомных собак В. А. Бабичковым, французом Жозефом ля Гренуй и Фимой Шварцем, переложившим всего "Евгения Онегина" на неприличный лад.

Немалое влияние оказали на меня В. Лукин из мозгового треста, Ю. Диков, скромнейший из стеклодуев, В. Кнорре, ученый из Швеции, все с женами и детьми, а третий также и с братом.

¹Увесистый эквивок, связанный с тем, что Феликс Зигель был в то время агентом учения о Летающих Тарелках.

Я знал шестерых академиков, девятерых членов-корреспондентов, из которых двое, правда, были медицинских наук. Знал великого Ландау и одного его однофамильца, о котором лучше не вспоминать. Неоднократно встречался с тремя почетными докторами Оксфордского университета и - не вру! - однажды примерял мантию. Бывал в мастерских двенадцати скульпторов, из которых только трое были реалисты. Беседовал с профессором Лившицем и его оппонентом, индийским философом Григорием Померанцем. Поддерживал знакомство со многими режиссерами, балеринами, исполнителями цыганских романсов. Могу считать себя другом феноменального Рафаэля Малых¹, которого в провинции называют Неистовый Лев Художественного Слова.

Лев Ландау

Храню дружеские письма румынского поэта Георгиу Майореску, сенегальского президента Л. С. Сенгора и самого незабвенного Моти Лейбзона. Не скрою, хотя это принято сейчас скрывать, что несравненный Мотя был моим близким другом еще до того, как он сделал свое открытие, суть которого, как говорят, понимают всего лишь семь человек в мире, за исключением самого Моти.

Не говорю уже о том, что сам, будучи поэтом, был почтен дружбой многих моих выдающихся братьев и современников, из которых первым долгом должен назвать поэта суровых чаяний Слуцкого, поэта личного отчаянья Левитанского, гениального Глазкова, Наровчатова всех запойных периодов его творчества и т.д. и т.п. Однако, конечно, никого из названных, при всей любви к ним, я не могу сравнить с блистательным Мотей Лейбзоном, который и в поэзии оказался понятым всего лишь семью человеками на земле - и чем горжусь - в том числе мной.

Именно мне посвящена строка из гениального "Скальпеля":

Такой, который был как таковой...

Думаю, что это определение раскрывает мою натуру с исчерпывающей ясностью и позволяет дальше не касаться вопроса о моей карьере и направлении мыслей.

Мне довелось путешествовать по Венгрии, Польше и Чехословакии, где я повидал немало превосходных пейзажей, исторических местностей и людей значительных и приятных. Не стану их упоминать, ибо даже самый краткий список составил бы целую энциклопедию.

На особое место я ставлю свои многократные путешествия по Курзюпии, ибо эту страну считаю как бы второй своей родиной, а титанического Индриса Палдиса своим духовным отцом. Этого небывалого человека, в котором заключена вся тонкость курзюпского гения, я узнал на пороге

¹ Имеется в виду Рафаил Клейнер, о котором см. дальше.

моей юности, когда великий Индрис находился в изгнании. Ему было восемьдесят лет. Сидя на берегу подмосковной речки Самынки, великий старец излагал мне главные принципы курзюпской философии, обучал курзюпской речи и пел курзюпские песни. Его влюбленным слушателем был также незабвенный Мотя Лейбзон.

Индрис дожил до падения реакционного режима Ябайлов и был первым президентом демократической Курзюпии. Мне удалось видеть его на вершине славы и почета.

- Пошли они, знаете куда! - сказал он мне, улыбаясь, в последнюю нашу встречу на веранде президентского дома. Мир праху твоему, великий курзюп!

Индрис завещал мне курзюпское дело, в котором участвовали такие люди, как покойный Леон Тоом, и доньше участвуют Юрий Абызов и Борис Шуплецов, мои друзья, а также не подозревающий об этом Ю. П. Тимофеев.

До нынешнего дня я изредка пишу стихи, хотя главным своим делом считаю курзюпологию. Не мне судить о моем значении в этой обширной отрасли духа.

Леон Тоом

Юрий Абызов

В заключение краткой своей автобиографии, написанной по просьбе моего издателя и друга Ю. Абызова, хочу отметить, рассчитывая на женского читателя, что я женат дважды и оба раза удачно, имею четверых детей, из коих трое - сыновья. Впрочем, мой друг поэт Левитанский при том же количестве браков имеет троих детей, которые все дочери. Я хочу этим сказать, что в жизни много загадочного. Особенно в моей.

Данная автобиография является наиболее полной, и ошибки, допущенные по вине Британской Энциклопедии в других моих жизнеописаниях, здесь устранены.

Д. Самойлов

Предисловие ко 2-му изданию

Ввиду отсутствия первого издания, мы начинаем прямо со второго, исправленного и дополненного.

Отсутствие иногда важнее присутствия. Именно отсутствие первого издания этой книги сыграло свою роль во всемирном размежевании двух идеологий - оптимистически-прогрессивной и пессимистически-реакционной.

Академик Чхална Ваас писал об этой книге: "Она доказывает, что до всего можно дойти своим умом".

С другой стороны, один поэт, впрочем книги не читавший и поэтому способный оценить ее объективно, сказал: "Неплохо задумано, недурно исполнено".

Это относится главным образом к моему другу Ю. И. Абызову, собравшему эту книгу и выпустившему ее в свет.

Я не люблю предисловий, где объясняется последующее содержание произведений. Чаще всего это бывает, когда последующего содержания нет. Надеюсь, что это не тот случай.

Вот и все, собственно.

Д. Самойлов

Вместо вступления

В сей книге все благополучно,
Здесь благонравен каждый стих,
Здесь выражений нет таких,
Чтоб вы не вымолвили лично.

Трудна задача у творца -
На столько строк ни грамма мата.
Ей-Богу, очень трудно вато
Одним глаголом жечь сердца.

Боюсь, что я трудился зря
На поприще литературы,
С ограничением словаря
Не выразить моей натуры.

Мысль изреченная есть ложь...
Да, Тютчев прав, едрена вошь!

Обстоятельства, при которых написан сонет, не выяснены. Точная дата написания неизвестна. Приблизительную датировку можно произвести на основании выражения "Вы лично" (терминология так называемого сталинского времени). Поскольку выражение это сочетается со свободой выражений, следует полагать, что стихотворение относится к началу 60-х годов.

В целом сонет можно отнести к разряду чистой лирики. Чувствуется влияние Поля Валери, что, впрочем, не доказано.

Очень хорошо выражает дух всей книги, посему и вынесен в качестве вступления (Прим. редактора).

Самое-самое первое

1.

Раз спросил макаку лось:
- Как тебе покакалось?
И ответила макака:
- Погляди, какая кака!¹

2.

...Горя высоким чувством,
Сей князь ударом дерзким

¹Фрагмент, а может быть и самостоятельное произведение детского периода (Прим. редактора).

Разбил врага на Чудском,
За что был назван Невским!¹...

Ода

на приезд бывшего гвардейского майора, кавалера отечественных и иностранных орденов и медалей, коему разрешено за особые воинские заслуги ношение погон и регалий, Слуцкого Бориса Абрамовича в столицу из Харькова-на-Лопани

Привет тебе, о, Слуцкий наш,
Ты, видно, Маху здесь не дашь!
Хотя, всего скорее, тут
Тебе, как Маху², не дадут.
Наплюй же, Слуцкий, на провал,
Ты, злобы женской ярый враг.
Здесь будут горлышки у фляг
(Как Пеца некогда сказал)
Разбиты о штурвал³.
Почто весь Харьков вопиет!
Почто сей вопль, и рык, и стон⁴!
Ах, Боря Слуцкий, адиед,
Зачем в Москву уехал он!
Супруга Лейтеса⁵ скорбит
По вечерам и по утрам.
Никто ее не ободрит,
Не скажет: "Мать твою едрит,
Не се ль Минервы Росской храм"⁶?"
А здесь ликующий Долгин⁷,
М. Львовский, Ксюшка и Глазков -
Столпы ямбических вершин,
Освобождаясь от оков,
Кричат подобьем голосков,
Что ты "подрок" и крепок стал,
"Как синий камень скал"
(Как Пеца далее сказал)⁸
Уже с восторга обалдел

¹Фрагмент из несохранившегося произведения отроческих лет. Весьма характерно как образец тематики, проблематики и противоречивости эпохи (Прим. редактора).

²Философ-позитивист, которому почему-то не дают.

³Из известного единственного стихотворения П. Горелика "Пираты", они же "Проховосты".

⁴См. "Плач Ярославны" в переводе И. Козлова.

⁵Лейтес Л. М., по прозвищу "Олзбек", владелец очаровательной супруги. Ах! Ах! Ах!

⁶Из классиков.

⁷Долгин Ю. - поэт-небывалист. Ксюшка - Ксения Некрасова.

⁸См. примечание 3.

Весь детский радиоотдел.
Уже Сережке¹ пить не лень
Твое здоровье ночь и день.
От финских хладных скал
До пламенной Чукотки².
Тебя припомнив, он икал
За хладной стопкой водки.
Приди сюда на этот крик!
Ждем указаний мы, пииты.
Привет тебе, "Старик
Слегка на пенсии, подагрой чуть разбитый!"
Привет от женщин и от баб.
"Ты - Боб, я стервь, ты царь⁴, я - раб⁵."

Русская народная песня

Было у тешеньки семеро зятьев,
Эх, было у ласковой семеро зятьев:
Мойсейчик-зять, Евсейчик-зять,
Арончик-зять, Соломончик-зять,
Нафтали-зять, Гедали-зять,
Ванюшенька-душенька любимый был зятек!..

Стала их тешенька в гости приглашать,
Стали зятчики в гости приезжать:
Мойсейчик на метро, Евсейчик на метро,
Арончик на метро, Соломончик на метро,
Нафтали на метро, Гедали на метро,
Ванюшенька-душенька на "Зиме" прикатил.

Стала их тешенька, стала угощать
Стала их ласкова, стала угощать:
Мойсейчику мацу, Евсейчику мацу,
Арончику мацу, Соломончику мацу,
Нафтали мацу, Гедали мацу,
Ванюшеньке-душеньке - кусочек холодцу!..

Стала им тешенька анкету заполнять,
Стала им ласкова анкету заполнять:
Мойсейчик - Рабинович,
Евсейчик - Рабинович,

¹Сергею Наровчатову.

²До слова "Чукотки" - из классиков.

³Из стихотворения Слуцкого "Генерал Миаха, переодетый, наблюдает интернирование испанских республиканских войск через Франко-испанскую границу".

⁴По буквам: "Цня, Арон, Рувим с мягким концом".

⁵Слово "Раб" - сокращенное "Рабле".

Арончик - Рабинович,
Соломончик - Рабинович,
Нафтали - Рабинович, Гедали - Рабинович,
Ванюшенька-душенька один из них - Каплан!..

Булат Окуджава в то время (1954 - 1955) еще размышлял, писать ему песни или нет, поэтому приходилось пробавляться самодеятельностью. Так что и это пели.

Из цикла "Джо Кагер"

1. Эпитафия

Джо Кагер здесь зарыт. Его довел
До гибели, конечно, слабый пол.
Когда Джо Кагер пел и веселился,
Взял слабый пол под ним и провалился.

2. Эпитафия

Он спит в объятьях Матери-Природы.
Бедняк себя работой доконал.
Он на земле оставил переводы,
А под землей лежит оригинал.

3. Эпитафия

Под камнем сим лежит профессор Тагер.
Как хорошо, что он, а не Джо Кагер.

4. Опровержение эпитафий

Наш Джо, от пьянства чуть живой,
Гостил у некой мисс
И вдруг метнулся головой
С высокой башни вниз.
С ним не случилось ничего,
Чего боялись вы:
Как хорошо, что зад его
Тяжеле головы.

(1956-1958?)

Кагер Джо (Ю. И. Кагарлицкий) - литературовед, критик, переводчик, известный тем, что долго и безуспешно пытался изменить своей жене и добился этого лишь благодаря творчеству Самойлова¹.

¹Именно в эту пору я сообщил ему, что одна наша общая знакомая беременна от него.
- Этого не может быть! - воскликнул Кагер, в ужасе от того, что бросил тень на репутацию женщины. Потом побледнел и упал в обморок. А очнувшись, изменил жене (Прим. автора).

Здесь в творчестве Д. Самойлова впервые проявилось влияние "Озерной школы", что, впрочем, не доказано.

Сам поэт настойчиво утверждает, что в тот период испытывал влияние Поля Валери, что весьма странно, так как книг Валери он в руках не держал. Возможно, это следует считать редким примером передачи поэтической мысли на расстоянии¹ (Прим. редактора).

Из мирной лирики поэта-фронтовика

Я был в Германии и в Польше,
Я там любил не без огня,
Но Вас люблю настолько больше,
Насколько больше Вы меня.

А Вы, коварная из женщин!
И у меня на этот раз
Благих надежд настолько меньше,
Насколько сам я меньше Вас.

1948

Посвящено доктору юридических наук Анне Львовне Ефимовой. На всякий случай. Поскольку посвящение было устное, в дальнейшем стихотворение посвящалось ряду других женщин, принося свои плоды, если только женщина оказывалась в ряду монументальных совершенств (Прим. редактора).

Из забытого, но вспомнившегося

Спросил однажды я ханжу:
- Зачем же ты, развратник старый,
Не поглядев под паранджу,
Ты лезешь под шальвары?

Сказал ханжа, жуя чубук:
- Лицо с лицом не схожи,
А под шальварами, мой друг,
Всегда одно и то же.

(50-е годы)

О, наивная юность!

Кто подразумевался здесь, неизвестно. Да мало ли таких! (Прим. автора).

¹Поля Валери я действительно не читал, но влияние его испытал. Чтение и влияние - разные вещи. Я знал одного человека, который вообще ничего не читал, но оказывал влияние на литературу. И еще одного поэта, который ничего не читал, а на него влияли все, особенно И. Кобзев.

У меня получилось иначе - я читал того, а подвергался влиянию - этого (Прим. автора).

Вокруг Ирины Ф.

1. Воспоминание

Ирина! Ты у нас была
Приправой пресного стола.
Ты - хрен, ты - перец, ты - горчица.
И как же мне не огорчиться,
Что ты ушла.
Так обстоят дела.
Но до тех пор не обрету покоя,
Пока не дам напутствие такое,
Друзьям советом помогать привык,
Надеюсь, что и этот пригодится:
Есть хрен в тебе, есть перец, есть горчица -
Теперь расти в себе шашлык!

Цикл создан в Красной Пахре, где протекал роман с Ириной Ф., втянувшийся в свою орбиту столько эпизодических лиц.

Ирина Ф. - молодая (в ту пору) актриса, так и не выполнившая наказ поэта. Ввиду незанятости на театре играла роль героини лирической поэзии. Впрочем, была худа, прожорлива и ленива. Ее никак нельзя числить в ряду ведущих возлюбленных поэта. Цикл публикуется исключительно для того, чтобы передать лирический напор автора даже в частных случаях (Прим. редактора).

2. Посв. М.М.

Михал Макарыч! Ты мой сотрапезник,
Солидный малый, вовсе не скабресник,
Не вертопрах, бурбон и фанфарон,
Не развратитель, даже член профкома,
Порядочность твоя давно знакома,
Тебе стихов моих хвалебный звон.
Спортсмен, красавец, человек с масштабом...
Я похвалил тебя. Теперь пошли по бабам!

Послание было написано с той лишь целью, чтобы якобы случайно попало в руки Ирины Ф., и та узнала бы, что поэт может встречать более благосклонный прием у других женщин ("пошли по бабам").

Сам Михал Макарыч - лицо сугубо эпизодическое и отнюдь не являющееся поэтическим объектом (Прим. редактора).

А еще говорят, что гений и коварство - несовместны! (Прим. дотошного читателя).

3.

Пей с утра и до ночи,
Глуши вино весь век,
Василий Парамонович,
Русский человек.

Василий Парамонович - лицо также эпизодическое, но тем не менее также старавшееся добиться благосклонности блистательной Ирины Ф.

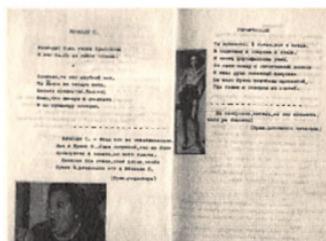
"Русский человек" - ирония, ибо настоящее имя соперника было Моисей Соломонович (Прим. редактора).

4. Изольде С.

Изольда! Быть твоим Тристаном
Я мог бы. Но не вышел станом.

*

Изольда, ты как клубный зал.
Ты пьеса на четыре акта.
Билеты продаются. Так-то!
Жаль, что де-юре и де-факто
Я на премьеру опоздал.

Так выглядит один из разворотов машинописной "рукописи" книги "В кругу себя"

Изольда С. - лицо также эпизодическое. Как и Ирина Ф., была прозорлива и ленива, но зато толста. Написав эти стихи, поэт хотел, чтобы Ирина Ф. ревновала его к Изольде С. (Прим. редактора).

5. Героическое

Ты крепость! Я готовился к осаде,
Я подходил и спереди и сзади.
Я вновь фортификацию учил,
Но снял осаду к собственной досаде
И лишь урок полезный получил:
Не надо брать подобных крепостей,
Где башни и эскарпы из костей.

Да взобрался, небось, на эту крепость, чего уж темнить! (Прим. дотошного читателя).

6. Баллада

Друзья, я вам прочту последнюю балладу,
Последнюю из тех, что писаны в Пахре.
Мы выпьем за меня по первому разряду -
И я покину вас на утренней заре.

Прощайте вы, леса, и ты, библиотека,
Вы, пресные супы, ты, рыба и пюре,
И все, что уморить способно человека...
Я покидаю вас на утренней заре.

Остроты с бородой и анекдот старинный,
Казенная постель на холостом одре¹
И все мои друзья из Голубой гостиной...
Я покидаю вас на утренней заре.

Вы, дни моих забав, что были очень редки,
И странный дефицит сугробов в декабре,
И шесть моих любвей - блондинки и брюнетки,
Я покидаю вас на утренней заре.

Прощай, вечерний чай и завтрак из сосисок,
И речка под горой, и зданье на горе...
Не буду продолжать я этот длинный список -
Я покидаю вас на утренней заре.

Сергею Северцеву

Я становлюсь сентиментален,
А Северцев наоборот
Но, как сказал товарищ Сталин,
Останусь я, а он уйдет.

1961

Северцев С. Л. - переводчик, известный своей малоодаренностью. В период написания эпиграммы работал в Малеевке над поэмой "Патрис Лумумба". Поэма благодаря вмешательству Д. Самойлова была убита, как и ее прототип. В отместку Северцев решил завоевать сердце женщины, уже завоевавшей сердце Д. Самойлова. Остроумная и блестящая (по определению самого поэта) эпиграмма свела на нет все шансы Северцева на успех. Но и Д. Самойлов не остался.

Сталин И. В. (1879 - 1953) - отец знакомой поэта (Прим. редактора). Ты бы при нем попробовал, башибузук! (Прим. дотошного читателя).

Е. Н. Костровой

Елена Николавна, я
Считаю, что Вы славная.

¹ Можно рассматривать как аллюзию на суровую военную молодость, проведенную на Одере, но тогда имеет место логическая неувязка. В целом чувствуется влияние Франсуа Вийона (Прим. редактора).

Да чего там - "на холостом одре"! Приводил, небось, Ирку! (Прим. дотошного читателя).

В Вас что-то есть такое,
Что для мужчины главное.

(1960-61)

Кострова Е. Н. - редактор в издательстве "Иностранная литература", обладавшая в ту пору небольшим и старомодным очарованием (Прим. редактора).

Вокруг Майи

1. Тонкий ответ на гнусные инсинуации

В смысле умственным хромая,
Инна К. сказала всем:
- Эти вирши не о Майе,
Не о ней они совсем... -
Ты б училась лучше, жопа,
Понимать язык Эзопа!

В биографии Д. Самойлова немалую роль играли высшие чины русской армии, о чем он часто умалчивал, видимо, из скромности. А между тем он любил дочерей шестерых генералов, двух маршалов и одного генералиссимуса.

Данное стихотворение считалось единственным уцелевшим из цикла, связанного с именем М. И. Коневой и утраченного по вине последней. Многолетние поиски были бесплодными. В свете этого становилось понятным, почему советское правительство доверило командование фронтом не ей, а ее отцу, маршалу И. С. Коневу: не одна армия была бы потеряна так же, как эти стихи. К счастью, узнав об этой оценке ее возможностей и способностей, М. И. Конева отыскала стихи в рекордно короткий срок - за два года и к самой сдаче сборника в печать.

Майя Конева

Что касается Инны К., иносказательно, но тем не менее справедливо уподобленной здесь жопе, то речь идет об Инне Николаевне Каринцевой, некогда редакторе "Иностранной литературы", а ныне парторге секции переводчиков (Прим. редактора).

2. Майе. № 1.

Майя, Майя, вы такая!
Вы таеё всех таких!
Я, врагам не потакая,
Сочиняю этот стих.

Не глаза у вас, а очи,
И не губы, а уста.
Я хвалю с утра до ночи
Ваши лучшие места.

Только Каринцева может
Не заметить ваших черт.
То ли зависть Инну гложет,
То ли Инна - не эксперт.

Видно, Инна не читала
Эстетических статей,
К достиженью идеала
Не нашла она путей.

Не о том моя поэма!
Да погибнет клеветня.
Вы - практическая схема
Идеала для меня.

3. Майе. № 2.

Она прекрасна¹, эта Майя,
Однако жаль, что не моя²,
И это точно понимая,
Сонетом ограничусь я.

Что ж, у меня судьба такая
И неустройство бытия!
Люблю грозу в начале мая!
(Ты эту рифму ждал, свинья)³

Сонет, он вовсе не касыда,
Сонет, он именно сонет.
Касыда пишется для вида,
А вот сонет, конечно, нет!

И помни, Розанов⁴, об этом,
Коль хочешь сделаться поэтом.

¹Эпитет условный, взят из арсенала Розанова. Может быть заменен словом "прелестна" (Прим. автора).

²Автор ничего фривольного не имел в виду. В поэзии вообще редко имеется в виду что-нибудь конкретное (Прим. автора).

³Постоянный ласковый эпитет, применяемый автором к Розанову (Прим. автора).

⁴Розанов - бывший редактор бывшего издательства "Иностранная литература". Переводил с китайского и пописывал стишки, но безуспешно. Более преуспел в другом: имея троих детей от жены, периодически уходил к другим, приживая с каждой очередной такое же количество (Прим. редактора).

4. Майе. № 3.

Я из-за вас попал в неволю!
Я испытал позор и плен!
Забыл Ларису, Ксенью, Олю,
Пяток циркачек, трех Елен,
Псевдоплемянницу сурковскую¹
И мл.редактора Бобковскую,
Казачий хор, кордебалет² -
Все заблужденья прежних лет.
В печальном сердце нет аншлага,
В душе разогнан лишний штат.
Какой, однако, я бедняга,
И сам я в этом виноват.
Зачем в момент беды суровой
Я не женился на Костровой³!

Именно по поводу этого стихотворения Инна К. и позволила себе выразиться: "Эти стихи вовсе не о Майе", в результате чего и оказалась увековечанной поэтом (см. выше).

5.

Я негодяй,
И скупердяй,
И бюрократ,
И старый гад,
И сукин кот,
И живоглот,
Я схема смерти,
Я свинья...
А ты, мой друг?
И ты, как я.

Точно определив неблагоприятную роль Каринцевой, поэт счел необходимым поставить на свое место и редактора Розанова.

Блистательный образец применения диалектики в полемике (Прим. редактора).

¹Редактор Лида Суркова, отвергавшая родство с поэтом Алексеем Сурковым (Прим. редактора).

²Ну уж тут он хватил! Эка наперечислял, столько баб на целый полк хватит! (Прим. лотошного читателя).

³См. стр. 29.

На В. Никулина

Никулин ездил в Минск е...
За тыщу верст кисель хлебать.
Мораль понятна и дубине:
Какая е... на чужбине?!
Уж лучше б, душу веселя,
Хлебал бы дома киселя.

1965 - 1967

Никулин В. - актер-неврастеник. В Минске был влюблен в девушку геркулесового сложения, игравшую на домбре-басе. Любил ее за мужественность (Прим. редактора).

Вокруг Бориса Шуплецова

1. Дар

Шуплецов, любитель дачи¹,
Друг деревьев, птицам брат,
Раз в неделю он ишачит
До Загорска и назад.

Притомившись, он садится
У дороги на лужок,
Достает из сумки птицу²,
Из кармана пирожок,

Из авоськи полбутылки³,
Из рюкзака огурцов,
И без ножика и вилки
Ест бедняга Шуплецов.

Жаль его, культурный малый,
Друг природы, птицам брат⁴,
А рукой хватает сало,
Пьет вино, как азиат⁵.

В этой маленькой корзинке
Есть и вилки, и ножи,

¹Дача продана. Еще один идеал утрачен.

²Имеется в виду курица.

³Имеется в виду водка.

⁴См. примечание 2 (Прим. автора).

⁵Азиаты, поскольку мусульмане, пьют поменьше твоего, пьяная образина (Прим. дотошного читателя).

И масленки, и тартинки, -
Что угодно для души.

Шуплецов, любитель дачи,
Друг природы, моралист,
Заживет теперь иначе,
Как спортсмен и как турист.

Он тарелочки разложит
Под деревьями в лесу,
Он нарежет, взявши ножик,
На дощечке колбасу.

Он из термоса толково
Выпьет водки в холодку,
А из термоса другого
Он нацедит коньяку¹.

А вокруг него - природа,
Птичка разная поет!
Шуплецов - слуга народа!
Пусть достойно отдохнет!

Шуплецов Борис Всеволодович - известный богемист, богемный образ жизни которого был хорошо известен в литературных кругах 50-60-х годов, и с моральной разнужданностью которого пришлось изрядно побороться Д. Самойлову и Б. Грибанову, хотя это и стоило им немало здоровья, так как Б. В. Шуплецов любил больше закусить, тогда как они - больше выпить.

Борис Шуплецов

Стихотворение написано как приложение к именинному подарку (Прим. редактора).

2. Послание

Зачем, о Боря Шуплецов,
Усы завел ты против моды?
Усы - не выдумка природы,
А измышленья подлецов.

Усы, они в конце концов
Не признак чести и породы²,

¹И, небось, оставит после себя банки, склянки, бумагу, а не то еще лес подожжет! (Прим. лотошного читателя).

²Времена изменились: уже можно было упоминать прилюдно о своем дворянстве, и Шуплецов выводил свою родословную от Готфрида Бульонского (Прим. автора).

Любые мелкие уроды
Готовы отрастить усов.

Но я - поскольку либерал¹ -
Готов твои зубные щетки
Признать, как некие красотки -
Твои усы. Но идеал
По-моему, конечно, в том,
Чтобы ходить с побритым ртом².

И Послание, и следующий за ним Сонет написаны еще в ту пору, когда Д. Самойлов не признавал усов. С тех пор мнение его на этот счет изменилось. Но это не означает, что изменилось его отношение к усам Шуплецова, который имел наглость отпустить заодно и бороду. Оно тем более справедливо и принципиально, что Ш. под влиянием справедливой критики побрился (Прим. редактора).

3. Сонет

Усы Бориса Шуплецова
Прекрасны - в этом спору нет.
И я за них пишу сонет,
Поскольку в них семья основа.

Его усатого такого,
Мужчину очень средних лет,
Обнимут Нина и Жанет³
И обоймут его без слова.

Но стоит ли за те объятья
Неосновательных девиц
Испортить выражение лиц,

Верней лица?! Мое понятие
В вопросе этом таково,
Что надобно побрить его.

4. Инскрипт на книге "Равноденствие"

Вере и
Боре -
В беде

¹Признался, сукин сын! (Прим. дотошного читателя).

²А по-моему, с набитым ртом! (Прим. дотошного читателя).

³А по-моему, с закрытым! (Прим. строго дотошного читателя).

⁴Помню обеих. Ах, эта свежесть юношеского стиля! Ах, эти тонкие чувства! Теперь и я ношу усы (Прим. автора).

И в горе -
Нас уже малость
В мире осталось¹.

Вера - жена Бориса Всеволодовича Шуплецова.
Боря - муж Веры Сергеевны Шуплецовой.
Живут на Большой Молчановке (Прим. Вера и Борис Шуплецовы редактора).

5. Инскрипт на книге Рабиндраната Тагора "Искры"

Получите от Дезика,
Веруня, Ира, Ната -
От известного трезвенника²
Стихи Рабиндраната.

8.3.71

Веруня - Вера Сергеевна Шуплецова.
Ира - дочь Веры Сергеевны.
Ната - дочь Веры Сергеевны и Бориса Всеволодовича Шуплецова, ныне жена Сергея Федоровича Артамонова, живущего в городе Париже.

Сергей Артамонов

Краткий карманный матримониальник для девиц³

- § 1. Девица есть лицо, намеревающееся выйти замуж, независимо от прочих обстоятельств. Возраст девицы начинается от 12 лет.
- § 2. Мужчина есть лицо не готовое, но возможное для сего уготовления. Иные лица не суть мужчины.
- § 3. Мужчину отличает способность склониться и стремление уклониться.
- § 4. Женщину отличает способность решиться и умение пресечь.
- § 5. Умение пресечь состоит в том, чтобы определить состояние.
- § 6. Состояние есть момент аффекта и готовность быть.
- § 7. Готовность быть есть краткая готовность быть мужем.
- § 8. Готовность быть мужем есть готовность подчиняться. Но и не хотеть.
- § 9. Тут и есть главный пункт.
- § 10. Мужчины возбудимы и склонны к словам.
- § 11. Слово можно превратить в дело посредством ума и обаяния.

¹Малость-то малость, а выпить все еще здоровы, не прибедняйтесь! (Прим. дотошного читателя).

²Понимать иносказательно (Прим. автора).

³Это единственный сохранившийся трактат, посвященный прикладной этике. Утрачены мои работы "О хотении", "О нехотении", "Краткий разговорник с девицами", "Наступление и отступление" и др. (Прим. автора).

- § 12. Ум состоит в логике, обаяние в неопределенности.
- § 13. Надо ждать.
- § 14. Мужчины любят назначать свиданья.
- § 15. Пускай.
- § 16. Свиданья должны быть назначаемы под часами для наглядности.
- § 17. Мужчины торопятся, женщины - нет.
- § 18. Женщины опаздывают. Пёрвый раз на 20 минут, второй - на 30 минут, третий - на 40 минут.
- § 19. Опоздание на 40 минут означает любовь.
- § 20. Мужчина, если он мужчина, ждет.
- § 21. Главное возбудить в мужчине мысль.
- § 22. Мысль состоит в том, что данная женщина отличается от всех прочих в лучшем смысле.
- § 23. Мысль должна свербить, возбудив ее, не следует питать.
- § 24. Отличие женщины от всех прочих состоит в сходстве со всеми остальными.
- § 25. Надо:
- а) избегать разговоров;
 - б) стояния в подъезде.
- § 26. Подъезд - твоя гибель или счастье.
- § 27. Подойдя к подъезду, следует, слабо махнув верхней конечностью, означая сим "пока", упорхнуть.
- § 28. Не упорхнувши, попадешь в сети.
- § 29. Следи из окна.
- § 30. Если, закурив, уходит, значит - сволочь.
- § 31. Если, закурив, глядит на свет окна, значит - достоин рассмотрения.
- § 32. Стоящий под окном 10 минут - легкомыслен, стоящий 20 минут - нетерпелив, стоящий 30 минут - основательный, стоящий 40 минут - зануда. Избирай тридцатиминутника.
- § 33. Мужчины делятся на достойных и недостойных. Женщины на молодых и старых.
- § 34. Достойный мужчина уклоняется достойным образом, недостойный сбегает.
- § 35. Пускай.
- § 36. Достойный удаляется, договорив, не надо давать договорить. Не договорив, достойный не удаляется. В этом суть.
- § 37. Достойный говорит: "Я готов, но..." Тут его следует прервать.
- § 38. Прерывать следует тактично, обращая его внимание на явления природы (луна, дождь) или на общественные явления (недостатки нашего общества или общих знакомых).
- § 39. Прервавшись, мужчина теряет нить.
- § 40. Конец прерванной нити надо держать в руках.

§ 41. Мужчины любят объясняться. Объяснившись, растрачивают чувство. Не надо объясняться для сохранения чувства.

§ 42. Главное звено - видимость конкуренции. Если нет соперника, его надо выдумать.

§ 43. Опасный момент - провозжание. Самое удобное время для объяснений. Чтобы пресечь - бери с собой подругу.

§ 44. Подруга должна быть безобразна и глупа, дабы оттенять.

§ 45. Коварные методы мужчин:

- а) смотреть;
- б) прикасаться или поглаживать;
- в) говорить на темы;
- г) читать стихи.

§ 46. Одно средство: отвлекать.

§ 47. Если смотрит пристально, скажи: "Смотри, какой милый..." (цветок, дом, троллейбус или иное), сим намекая - гляди в другую сторону.

§ 48. Если возьмет за руку, ею покажи на отдаленный предмет со словами: "Смотри, какой милый (закат, пожар, гора)". Варьируй по обстоятельствам.

§ 49. Если начнет говорить на темы, говори: "Возможно", "Любопытно", "Да, ты прав", но тут же добавь, что Петя (или Коля), предполагаемый соперник, говорил иное. Мужчина, узнав, что его мнение не единственное, смотрит на вещи реальнее.

§ 50. Самое опасное - стихи. Особенно свои, т.е. его. Читая стихи, мужчина воспаляется и готов на поступки.

§ 51. На стихи Пети (или Коли) тут ссылаться не следует, ибо в пункте поэзии мужчина самолюбив.

§ 52. Говори: "Для поэзии нужно особое настроение". Можешь зарыдать.

§ 53. Тут он растеряется и, дабы успокоить, предложит.

§ 54. Быстро отерев слезы, скажи: "Пойдем огорчим маму" (хуже - папу).

§ 55. Приведя к маме (хуже - к папе), пусть скажет сам. Мужчины редко отказываются от слов.

§ 56. Мама (хуже - папа), отерев скупую слезу, говорит: "Но она слишком молода (вариант - "стара"). Впрочем - согласна".

§ 57. Тут уж нужен глаз да глаз. Уверь его, что он счастлив.

§ 58. Счастье - это разумная загруженность. Загрузи его, обращая внимание на недостатки его внешнего вида (ногти, шея, носки и пр.), указывая пути исправления.

§ 59. Через десять дней, представив ему, что он исправился под твоим влиянием, - бери голыми руками. Последнее есть метафора.

§ 60. Будешь счастлива некоторое время.

Приложение первое

Краткий перечень мыслей и замечаний

У девицы должен быть кругозор и мысли. Вот они:

1. О жизни

Жизнь имеет множество аспектов.

Увы! Так бывает.

Не говорите мне, я испытала...

2. О любви

Смешно, но это так.

Негр побледнел.

Страсть - это чувство, доведенное до степени эмоций. Правда?

Я не верю, что верите в любовь. Ах!

3. О литературе

И все же в Евтушенко что-то есть.

Помните, у Мандельштама...

Перелистайте Кафку и вы убедитесь...

По Москве ходят рукописи Пушкина.

Анна Андреевна написала это после третьего инфаркта.

Как можно любить Аксенова?

Как можно не любить Платонова?

4. О кибернетике

Мое хобби - информация.

5. Об искусстве

Жемчужный колорит, как у Ренуара.

Вы любите Пикассо оранжевого периода?

Когда видишь Леже, становится легче жить.

Абстракционизм хорош в галантерее. Это надо признать.

У Матисса меня не удовлетворяет линия. Все остальное удовлетворяет.

6. Об общественной жизни

Раньше это было невозможно.

Сейчас это невозможно.

Как вам не стыдно!

Румыны любят китайцев.

Я все время забываю фамилии...

7. О знакомых

Я знакома с Эдитой Пьехой.

В одном доме бывает Тарковский, отец Тарковского.

И вот Женя говорит Андриюше...

Она умна. Но с ней не интересно.

Он глуп. Но с ним интересно.
Устаешь от общения...

Приложение второе

Каким должен быть типовой мужчина

1. Рост

От 170 см и выше. Или карлик.

2. Масть

Блондины лысеют позже, но вяловаты.

3. Возраст

От 1 курса до 1 инфаркта.

4. Семейное положение

Неженатый холостяк.

5. Родственники

Хотя бы один на Ново-Девичьем.

6. Социальное происхождение

Его бабушка была французенка. Дядю хорошо знали еще до революции.

7. Образование

Читает, пишет. Говорит по-английски. Учится или намерен учиться.

8. Репутация

Интересный писатель. Талантливый физик. Занимается кибернетикой (электроникой, бионикой, машинным переводом). Серьезный социолог. Берут сниматься в кино. Ушел из "Современника". Перешел во ВГИК. Член ВТО. Слаломист I разряда. Был в Индонезии. Пишет труд. Переписывается с Жаном Габеном. Не печатают. Встречал делегацию. Пуловер из Англии. Бывает в концерте. Оригинальная натура. Мама говорит: обаятельный.

Трактат был написан примерно в 1966 году с благородной целью - помочь литературоведу И. Огородниковой выдать дочь замуж. Результат был достигнут на 200%: Татьяна Щириковская (девичья фамилия) вышла замуж дважды (Прим. редактора).

Поступальник для абитуриентов

Наука сокращает...

А. С. Пушкин

Общая часть

§ 1. Поступление - мать учения.

§ 2. Учись до, а не потом.

§ 3. Знания еще не образование.

§ 4. Если твой отец должен позвонить - пусть позвонит; если должен подъехать - пусть подъедет; если должен сходить - пусть сидит дома.

§ 5. С этим пунктом все ясно.

§ 6. Поступать по способностям глупо. Поступают по конкурсу.

§ 7. Поступать по конкурсу еще глупее. Дружба украшает жизнь. Поступай по дружбе.

§ 8. Спорт способствует образованию. Если ты этого не понял с детства, не трать время на зарядку во время экзаменов.

§ 9. Помни: средний человек способен к высшему (образованию).

Выбор призвания

§ 1. Решив учиться, подумай, где. Лучше всего ближе к дому.

§ 2. Если не можешь удержаться, поступай по увлечению. Наплачешься.

§ 3. Заявленье - мать поступленья, если нет достойного отца.

§ 4. В анкете души усопших предков и заслуги отцов должны вопиять в твою пользу. Если не могут вопиять, не указывай их.

§ 5. Как и прежде. Далее.

§ 6. Автобиография хороша краткостью. Меньше слов - меньше ошибок.

§ 7. В приемной комиссии сидят люди, цель которых - не принимать. Принимают, если не принять неудобно. Создавай неудобства.

§ 8. Знание - наименьшее неудобство. Знать мало, надо мочь.

§ 9. Впрочем, не горячись.

§ 10. Справедливость - это наибольшее неудобство, приносящее наилучшие результаты. Так это и рассматривай.

§ 11. Справедливость снизу - от экзаменатора и сверху - от лиц. Окажись посередке.

§ 12. Итак, ты выбрал себе призвание. Теперь жди.

Экзамены

§ 1. Трепещи, но не бойся.

§ 2. Наука не беспредельна. Главное - знать границы наук.

§ 3. Не эмигрируй за эти границы. Вспомни судьбу эмиграции.

§ 4. В границы наук входит программа и нечто сверх. Это нечто знает экзаменатор. Хорошо бы узнать, что он знает.

§ 5. Тем не менее не бойся.

§ 6. Нет умных вопросов, есть умные ответы.

§ 7. Экзаменатор перестает быть подлецом и болваном, если он твой знакомый. Спаси его от глупости и от подлости. Даже во время экзамена надо быть гуманным. И Бог тебя наградит.

Примечание: Выражение "Бог" понимать фигурально. Бога нет.

§ 8. На конкурсе побеждает тот, кто выражение "Бог" понимает фигурально.

Поступальник для абитуриентов

§ 9. Гуманитарные науки труднее. Помни: поступление - дочь сочиненья.

§ 10. Знай тему заранее. Можно ли говорить о знаниях, не зная тему?

§ 11. Стиль - это не человек. Бесчеловечно требовать стиля, когда есть грамматика. Человек - это знание темы + грамматика.

§ 12. Ошибки надо исправлять. Это главный принцип. Пусть исправит их тот, кто читает твоё сочинение. Ничего дурного в этом нет.

§ 13. Шпаргалка - вопрос не нравственный, а технический. Техника решает многое. Но не все.

§ 14. На устных экзаменах иди первым либо последним.

§ 15. От неверных мнений отмежевывайся решительно и достойно.

Скажи: "Позвольте мне развить эту мысль. Мнение, высказанное мной, принадлежит не мне. А я согласен (сна) с Вами".

§ 16. Соскучь экзаменатора обстоятельным ответом. Ему надоест.

§ 17. Все же пусть папа снова позвонит или съездит. Не развалится.

§ 18. Если тебе удалось не провалиться, все зависит от конкурса лиц. Надо иметь хорошее лицо.

§ 19. Если у тебя хорошее лицо - поздравляю.

Примечание: Не забывай малых сих.

"Поступальник" был написан для девицы Татьяны Горелик. Трактат помог: папа ездил. Впрочем, все мои трактаты всегда были действительны (Прим. автора).

Парадокс: Плохой педагог лучше хорошего

§ 1. Хорошим педагогом считается тот, кто может внушить ученикам хорошие понятия.

§ 2. Хорошие понятия хорошим педагогом обычно внушаются на основе хороших примеров.

§ 3. Человек усваивает добро лучше, если он видит перед собой примеры зла.

§ 4. Хороший педагог не является примером зла.

§ 5. Плохой педагог, сам являясь примером зла, внушает к нему жгучую ненависть.

§ 6. Плохой педагог лучше обучает ненависти ко злу. Пользы от него больше, чем от хорошего.

Написание парадокса было вызвано желанием опровергнуть неосновательное мнение о педагогике девицы Татьяны Горелик.

Под воздействием неоспоримых аргументов она девица пошла именно в Пединститут и благодаря этому сделала карьеру: работает теперь в музее Пушкина (Прим. автора).

Б. Т. Грибанову

Не в том беда, Борис Грибанов,
Что ты родился не от панов¹,
Что вполвину ты еврей²
И чином не архиерей³,
Что слава ветхая заплата, -
Беда, что денег маловато⁴!

(1960)

Грибанов Борис Тимофеевич - ближайший друг и собутыльник автора, считающего его также ближайшим другом в числе других собутыльников.

В эпиграмме все соответствует исторической правде, что лишний раз характеризует поэта как сугубого реалиста.

На Ю. Абызова

Абызов был абызобразен,
Как Разин или Пугачев,
Теперь же стал благообразен,
Как Казин или Щипачев.

1973

Юрий Абызов

Курзюпия -

её история, достопримечательности и поэзия

Почерпнутое из изысканий по истории курзюпского народа

*

...первого курзюпского князя нашел в опаре пекарь Срална Ваас. На все вопросы князь отвечал: "А пошел ты, знаешь куда". Потому и был поставлен князем. Когда к сему князю явился Канцлер за указаниями, тот сказал: "Пошел ты, знаешь куда!" Канцлер сказал: "Знаю". И пошел исправлять должность. Тех же, кто не знал куда, князь оставлял при дворе.

*

...к Ябайле Первому пришла девица из знатного рода. "Пошла ты знаешь куда!" - сказал ей князь. - "Знаю, - ответствовала девица, - а ты, знаешь?" Вопрос сей смутил князя и он взял ее в жены.

¹Верно: отец Грибанова был гильдейским купцом.

²Верно: по матери.

³Верно: смотри "Роспись духовных чинов Московской епархии", где имя его не значится.

⁴Устарело: ныне положение резко изменилось (Прим. редактора).

*

...любимое изречение первого князя стало первой строкой и рефреном государственного гимна, написанного пастором Д. Йобисом в 18...году.

Рефрен такой:

Мы счастливы,
Горе не беда!
А пошли вы -
Знаете куда!

Впрочем, он был немец.

*

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона так характеризует первого курзюпского князя:

"Первый курзюпский правитель из династии Ябайлов - великий князь Большой, Средней и Малой Курзюпии и окрестных земель. Создатель курзюпского права. Реформатор и военачальник".

*

У знаменитого пекаря было два сына - Ссална и Клална Ваасы. Сын последнего, Чхална основал в 18...году курзюпскую академию. Первоначально она называлась Бурбонско-Парижской Академией Всех Наук в Курзюпилсе. После победы почвеннической теории "эбенефенизма" стала называться Курзюпилская Уездная Академия народных рукоделий. В других уездах были основаны другие академии.

Именно Чхална Ваас был основателем "эбенефенизма", что по-русски означает "пошел-ты-знаешь-кудизм". Его ближайшим сотрудником был первый курзюпский еврей, член-корреспондент Академии Юдко Фоб, более известный под псевдонимом Юда Фил.

*

У академика Чхална Вааса было два сына - Клална Ваас-младший и Ссална Ваас. Сей последний был первым мужем красавицы М. Вошкэ.

*

В немецком издании "Ди курзюпише Унтерgrundсабенддротцуамменгешлехттрундшафт" публикуют прелюбопытные мемуары. Автор их жена академика Ч. Вааса - Аяна Ваас.

*

...переводчик, сиречь драгоман турецкой миссии при курзюпском дворе, татарин Ишак Удинов, в следующих строках разоблачает коррупцию высокого курзюпского чиновничества:

Ишак - вай-вай!
 Курзюп - вай-вай!
 А бишбармак -
 Давай-давай!
 (Здесь в переводе Бориса Максвахера)

*

...когда их спросили, как их звать, ответили, что не знают, ибо друг другу просто говорят: "Эй, ты!"

На вопрос, кто они, - ответили: "Мы курзюпы".

Когда же любопытствующие англичане спросили курзюпа-мужчину, чем он занимается, тот ответил: "Ставлю пистоны".

Тогда стало ясно значение термина "курзюпские пистоны", бытующего у соседних народов. Курзюпы издавна изготовляли пистоны и продавали их владетельным особам...

*

Немец Гумбольдт, путешествуя по этим местам в начале прошлого века, поражен был многочисленностью курзюпского народа, а также видом процветания города Курзюпилса, столицы Курзюпского княжества. Он поинтересовался у одного курзюпского дворянина, откуда взялось столько народа в краю, недавно столь мало обитаемом.

Да вот услышали и приехали, - отвечал сей дворянин. А откуда приехали и зачем, сказать не мог.

*

Гумбольдт составил первый курзюпско-немецкий словарь и установил, что курзюпский язык принадлежит к числу древнейших. Составлять словарь ученому немцу помогал первый курзюпский просветитель пастор Долбар Йобис, переводчик библии на родной язык. Словарь состоял из сорока трех слов. Было еще одно слово, но Йобис его позабыл.

*

Столица сперва называлась Курвзюпилсом. Однако Ябайло Шестой велел именовать его Курзюпилсом.

- Мне-то насрать, - сказал он, - а перед иностранцами неудобно.

Эти слова начертаны на главной башне городских укреплений...

Сохранившийся фрагмент из "Путешествия по Испании" Индриса Палдиса

...В Мурсии дешевы апельсины. Вкусом они напоминают мандарины, но превышают их весом. На апельсиновых корочках можно настаивать любую водку. Испанцы ужасно удивились, узнав об этом. Вообще испанцы склонны удивляться, а также многие играют на гитаре. К сему приведу следующий пример. Одна испанка, у коей я провел вечер до самого утра в го-

роде Гренада, сперва играла на гитаре, а потом весьма удивилась, когда я собрался уходить, позабыв оставить ей 20 дурито, как было сперва договорено... За гитару, разбитую о мою голову, я заплатил еще 20 дурито, итого 40 дурито. Жизнь в Испании дорогая, хотя апельсины действительно дешевы.

...Интересно вот что: прованское масло здесь именуют оливковым, что вернее, ибо добывается из оливок, а не из капусты-провансаль.

...Друг мой Хуан, здешний матадор, отвел меня на бой быков. Зрелище впечатляет, особенно терпением матадора, пять минут просидевшего на рогах задом, размахивая шпагой. Курзюпский способ убиения скотины кажется более гуманным в отношении людей. Бифштекс был жесткий и здесь называется лангет.

...Был представлен в Эскуриале испанскому королю. Он собирает марки. Курзюпская марка привела его в восторг. Просил меня спеть по-курзюпски "Приди, Инезилья". Назначил грандом. Попросил взаймы двести эскудо. Хороший человек.

...Курзюпское дело побудило меня принять титул гранда. Я полагал, что возможно присоединение Курзюпии к Испании на основе личной унии. Однако британская дипломатия сделала свое черное дело. Король Альфонс отобрал у меня титул и вернул сто семьдесят эскудо. Тридцать он проиграл в карты герцогу Альба. О, несчастные курзюпы!

...Многие города в Испании называются по маркам вин, например - Малага.

...В гостинице "У Дульциней" клопы необычайной силы и темперамента. Полагаю, что страстность испанок в большой мере зависит от них. Мукаясь бессоницей, написал следующие стихи:

Испанке

Томит меня, съедая,
Клопиный легион.
О, выйдем на балкон,
Испанка молодая!

Ты скажешь: "Мой курзюп,
Будь наконец мужчиной!"
И осмелев, клопиный
С себя я сброшу труп.

И тут, ожесточась,
Сложу я эти строки:
Клопы не так жестоки
В Курзюпии у нас!

...О, Курзюпия! Я тоскую по тебе!..

Из наследия Индриса Палдиса
Твой петушок

*Посвящается небезызвестной
красавице М. Вошкэ*

Грустит, грустит
Твой петушок.
Он испытал
Ужасный шок.

Тебя хотел он
Поклевать.
А ты сказала:
"Наплевать!"

Не плюй, дитя,
На петушка.
Он автор этого
Стишка.

Баллада о пасторе

Жил добрый пастор Йобис
В кругу своих друзей.
К тиранству приспособься,
Он уважал князей.

А князь, ценя науку,
Сказал ему: "Пиит!
Гляди на эту штуку -
Зачем она стоит?"

Тот, не смутясь нисколько,
Ответил: "Князь! Ты храбр.
Она ж стоит, поскольку
Она есть канделябр".

Князь молвил: "Ну-ка, ну-ка!
Разумен ты, пиит.
Ну, а вот эта штука -
Зачем она стоит?"

"Она стоит, покуда
Ты не велишь ей лечь.
А ну, ложись, паскуда,
А князю не перечь!.."

"Я лечь сама бы рада, -
Ответила Марго, -
Когда бы то, что надо
Стояло у него".

Из стихов старого курзюпского поэта Ссалны Вааса

1... Эпоха - мать! Ее эти-
ческое назначение смутно.
И сколько задом не верти,
а все равно тебе воткнут... Но
однако счастье впереди!..

2... Живи на радость детям,
Живи на радость всем.
Живи! Но между тем,
А также между этим,
Не оставляй трудов,
Не будь вторым и третьим,
А только первым будь
В любом курзюпском деле.
И помни, что на теле
Всего важнее грудь.
И в руки грудь беря,
Держи как можно крепче.
И знай: ты жил не зря,
Хоть от того не легче!..

Ссална Ваас - старинный курзюпский поэт - сын пекаря Сралны Вааса. Творил в темную эпоху, что не мешало ему быть оптимистом, хотя и наивным (Прим. редактора).

Из переписки Абызова с Самойловым

...Ах, Самойлов, Самойлов! Умы пребывают в смятенном состоянии. Дело в том, что недавно обнаружили неизвестную рукопись Индриса Палдиса. Повестка от судебного исполнителя. А на другой - стороне бессмертный Палдис набрасывал названия своих стихов. Пока что удалось прочитать строки: "Курзюпки стан рождает стон". Потом сенсационное: "Как царь Давыд на балалайке". И, наконец, оказывается Палдисом был написан такой шедевр: "Поэт - безмен народных тягот..."

Д.С. и Юрий Абызов

Дорогой Абызов!

...Твое открытие относительно "Курзюпки стан" - большой вклад в науку. До сих пор стихотворение без всяких оснований приписывали Тулдису Пилдису, который, как мы с тобой знаем (ха! ха!), не мог связать двух слов по-курзюпски. Посылаю тебе полный текст стихотворения, найденный в архивах Юсуповых.

Теперь понятно, почему клика Распутина ненавидела незабвенного Индриса...

Курзюпки стан
Рождает стон,
Но если заглянуть под юбки,
Там есть такое у курзюпки,
Что может вызвать аморальные поступки,
Как утверждает граф Эльстон.

Там есть такое, что и Пал-
Дис Индрис замертво б упал,
Когда бы гордый дух курзюпов
Не поддержал его в стоячем состоянии.
А честь мужчины есть стояние,
Как утверждает князь Юсупов.

Абызов - Самойлову:

"...разбирая скудный (ибо многотерпевый) архив упраздненного в свое время издательства "Academia" (филиал его имелся и в Курзюпилсе), я обнаружил папку с надписью "Варианты переводов И. Палдиса". К сожалению, там уцелело только три страницы: два перевода и обрывок рецензии, из которой можно понять, что переводчики разные. Но кто они? И что за стихотворения переводили? Вернее было бы поставить вопрос так: каков же оригинал? Потому что степень отклонения довольно значительна.

Вот первый перевод:

Курзюпки молодые,
Я с вами "на ты":
Ланиты и выя,
Власы и персты,
О, чресла и перси,
О, лядвей восторг,
Особенно если
Ты что-то исторг.

Переводил, видимо, какой-то псевдоклассицист, выросший на Вячеславе Иванове.

Второй перевод:

Люблю в курзюпке я
Два мощные бедра,
Две груди (емкость каждой два ведра),
Две ягоды тыквенно крутые...
И пусть их по две -
С ними (эс) "на ты" я!

Неужели это сам Илья Львович баловался?

P.S. М. Вошкэ утверждает, что был перевод самого И. Палдиса. Как всегда заявляет, что и это посвящено ей. Конечно, врет. К старости она во всей курзюпской литературе видит только себя...

Самойлов - Абызову:

"...стихотворение "Курзюпки молодые" хорошо известно курзюпскому читателю и даже ходит в виде романа, часто исполняемого в концертах (музыка Мудо-Звониса). В переводе, однако, текст и смысл прелестной пьесы сильно искажены.

Первый перевод принадлежит учителю столярного дела из города Винса господину Шэру. Шэра Винского не следует путать с капитаном Шэром Голландским, который известен больше под именем Шэр Моржовый. Это знаменитый курзюпский полярный исследователь. Кусок Северного полюса, привезенный им, хранится в Национальном музее рукоделий в гор. Курзюпилсе.

"Курзюпки молодые" в виде сонета "Курзюпки средних лет" существуют еще в переводе Льва Ийка. Лев Ийк так передает первую строфу:

Курзюпки средних лет, прелестные курзюпки,
О вас пишу сонет, способный на поступки.
Почти уж сорок лет толку я воду в ступке,
И никогда - о нет! - не лезу я под юбки.

В переводе Лев Ийк пытался точно передать форму так называемого "курзюпского сонета с прибором". И как всегда неудачно.

В переводе "Люблю в курзюпке я" до того явственно слышится бодрый голос И. Удинова, что и не придумаешь, кто еще мог бы так перевести...

Известный переводчик Лев Ийк оставил любопытные образцы своего раннего мастерства:

Из "Лесного царя" Гете

Кто скачет, кто мчится ночным путем?
Это папа с своим дитем...

Из "Лорелей" Гейне

Воздух чист и темнеет,
И тихо течет Райн.
Вершины гор светлеют
Im Abendsonnenschein¹.

Как сочинять стихи

§ 1. Стихи может сочинять каждый, кто не способен заниматься иными видами искусства по тупости, либо по лени.

§ 2. Таковой называется в просторечьи поэт, по-научному - стихотворец.

§ 3. Большинство стихотворцев хотят сочинять стихи, но не знают, как за это браться. Таковые слывут новаторами или оригиналами.

§ 4. Те, которые знают правила сочинения, слывут рутинерами либо философами.

§ 5. Нельзя быть поэтом, не думая о себе в превосходной степени.

§ 6. Стихотворцы делятся на честных и беспринципных. Честные признаются, что им не нравится никто. Беспринципные хвалят старых или бездарных.

§ 7. Дарование в поэзии не мешает, но и не помогает. Посему оставим его без внимания.

§ 8. Стихи пишут, чтобы выразить чувства или соображения. Чувства выражает лирика, соображения все прочие виды стихотворства - эпос, сатира, мадригалы.

§ 9. Главное в стихе - рифма, поэтому начнем с нее.

§ 10. Рифма бывает устаревшая и свежая. Устаревшая сочиняется по концу слова, свежая - по началу.

§ 11. Если слово кончается, к примеру, на "ма", то и рифма к нему тоже так должна кончаться. Например: мама-дама или панاما-пижама. Однако бывают исключения: пижама-саркома не рифмуется. Непонятно почему. Это есть первая тайна поэзии.

§ 12. Свежая рифма или корневая образуется по началу. Например: паровоз-паратиф. Это звучит хорошо. Неизвестно почему. Это есть вторая тайна поэзии.

§ 13. Далее есть размер. Малый размер - ямб и хорей. Большой - дактиль, амфибрахий и анапест...

Руководство, к сожалению, осталось незаконченным. Очевидно, автор понял, что все Ars poetica, начиная с Аристотеля и кончая Шенгели, служат лишь для того, чтобы уважали составителя, но не подражали образцам. А поскольку уважением автор был обеспечен ("Приходит, приносит

¹ Непереводимая игра слов (Прим. переводчика).

бутылку коньяку - значит уважает, - формулировал Д.С. - Приносит две - значит очень уважает. А вот если приносит три - это подозрительно: стало быть ему от меня чего-то надо".) по первому разряду, то окончанием труда можно было и пренебречь (Прим. редактора).

Ассоциативные рифмы

Это кто там очень толстый
Шел с авоськой в магазин?
В это время Кагалицкий
Шел и думал о еде.

Это кто там, очень умный,
Игнорирует к блядам?
В это время К. Рудницкий
Отправлялся в институт.

Это кто такой красивый
Загляделся на сервант?
В это время Т. Бачелис
Ищет ножницы в буфете.

Почему-то нас лошак
Не везет на Потомак.
В это время Р. Рождественский
Ехал в город Вашингтон.

Почему-то он, лукавец,
Постоянно порет дичь.
В это время Саша Межиров
Отправлялся на охоту.

Ну, давай с тобою выпьем,
Мой товарищ дорогой.
В это время мы бутылки
Поменяли на дубленку.

Принцип рифмовки не по созвучию, а по ассоциации родился во время переписки с Константином Рудницким.

По этому принципу слово *круглый* рифмуется со словом *дурак*. Но поскольку тот же *Рудницкий* отнюдь не дурак, то хорошо рифмуется со словом *Вольтер*.

По словам известного стиховеда В. Баевского - "весьма перспективная идея" (Прим. автора).

Хворый сонет

Покойный нувелист И.З. считал, что сонет - более или менее короткое стихотворение со сравнительно неприличным содержанием.

Не пишется давно. В уме короста.
Пегас весь день не продирает глаз.
И льется не в хрусталь, а в плексиглас
Напиток для очередного тоста.

Вам, стиховедам, все на свете просто.
К алмазу подбираете алмаз
И пишете не для народных масс,
А для изданий вроде "Алконоста".

Меж тем червивый гриб, моченый глист,
Коровий блин, гермафродит, имлист¹
Алмазы ваши не возьмет и даром.

Простите, рифму я пустил не ту,
Поскольку лучшей рифме предпочту
Прохвосту зад намазать скипидаром.

Дополнение:

А Пастернак при сем писал про арум,
Бальмонт про челн, который чуждый чарам,
И про Москву, объятую пожаром,
Сам Лермонтов когда-то сочинил...
В стране у нас достаточно чернил.

1977

Сонет написан в качестве иллюстрации к одному теоретическому положению, касающемуся темных мест науки о версификации (в которой читатель все равно ничего не смыслит), каковым Д.С. делился со стиховедом В. Баевским (который, как показывает суть сонета, тоже только прикидывается, будто что-то в этом деле понимает).

В отличие от всех стиховедов, Д.С. ясно и убедительно доказывает, что писать, вообще-то, можно и так и этак, и с рифмой и без рифмы, лишь бы получалось хорошо.

А вот что значит "хорошо", это даже всеведущий Д.С. в личной беседе с издателем отказался определить. "Дело это темное, - заключил он, - и под разговор о нем можно много выпить" (Прим. редактора).

¹Тот, кто подвизается в Институте мировой литературы (Прим. редактора).

Из Ионы Нежданова

1.

Твоей сплавной любви троякость,
В которой плюсованья дикость,
Зонтам кубическим не в тягость,
Вшумевшимся в равновеликость.

Разлуки встреч не равнозначны,
А в клочьях клетоты полночны,
Объяття звучны или жвачны,
И поцелую позвоночны.

И все ж они разноязычны
Как наводнения и серванты,
Но и не так категоричны,
Как петухи и сикофанты.

Но надо упираться в стены,
Дремучие, как наваждение.
И спазм сосудистой системы
Воспринимать как день рожденья.

2.

Преддверьем дерева в округе банок
Зашемлена дождливость одеял,
Как семечки в корсете хулиганок,
Фуганок кудри стружек колебал
И стряхивал, свистя, на полустанок.

Сухим дождем гороховая снедь
Перебрала ваганьковские ямы.
Я мог бы мочь, но не умел посметь.
Трамвайным камнем надувала смерть,
Когда Омар нацелился в Хайямы.

Я брал слова из десяти корыт,
Дул в абажуры пузырей нейлона,
Железно мягких, как архимандрит,
Сухо-соленых, как земное лоно.
И это было все во время оно.

Теперь же цилиндрический кентавр,
Двойной, как брюки, и тройной, как руки,
Копался в папках календарных трав,

Покуда банный крендель, хвост задрал,
Мерцал щеками наподобье шуки.

Я упрощаю, ибо я прошу
Щетину стекол, гладких, как перила.
Меча чернильниц желтую прашу
В Мефодия, а заодно в Кирилла,
И Ща и Шуку за собой ташу.

3.

Когда в него стреляли,
Он мнительно заржал.
В земле, как в одеяле,
Затерян, как кинжал.

Когда его зарыли
И положили вниз,
Он в лошадином мыле
На лампочке повис.

Когда его отпели,
Он зазвенел, как лук,
Схватившись за бретели,
Полез на виадук.

Когда его забыли,
Он прогремел, как Брут,
Поскольку в область пыли
Переместился труп.

Когда его воскресли
Через двенадцать лет,
Кровать сидела в кресле,
Накинув медный плед.

Иона Нежданов - двоюродный брат поэта Ивана Жданова, которому повезло. Ионе Нежданову всегда не везет: это его первая публикация. В стиле его есть фамильные черты.

После данной публикации он прислал благодарственное письмо издателю, что дает возможность надеяться на появление в данном издательстве целой книги, если редактировать ее возьмется В. Фогельсон (Прим. автора).

СТИХИ,

написанные по поводу падения сосульки на голову стиховеда Вадима Соломоновича Баевского, происшедшего у книжного магазина на проспекте Мира

Эпиграмма I

В сюжете этом голова - деталь.
В детали этой толку мало.
А если шапка бы пропала,
Тогда бы вправду было жаль.

Эпиграмма II

Вы не лезьте в магазины,
Как узбеки и грузины:
Ведь грузины и узбеки
Не бегут в библиотеки.

Благой совет

А надобно глядеть на желоба,
Не то вас ждет печальная судьба.

Философское

На вас упала только льдина,
А ведь могла упасть труба.
Какая страшная картина!
Какая грозная судьба!

А вы могли идти без шапки,
Попасть под мусоропровод!
Ах, не читайте на ночь Кафки,
Он до добра не доведет!

Басня

На книголюба
Возле магазина
Упала с крыши льдина.
- Как это грубо! -
Возопил детина.
В чем здесь мораль? Как будто все едино,
Где льдина
Вам ударит по мозгам -
Здесь или там?
Э, нет, читатель мой!

Коли на вас в горах обрушится лавина,
 В том смысл есть прямой -
 Не надо в гору лезть.
 А здесь какой же смысл есть?
 Не потакать своим страстишкам
 И не тянуться слишком
 К книжкам.
 Ведь у науки нету дна.
 А голова у нас одна.

Эпитафия

Из ушей - газ,
 Из башки - пар.
 Увы!
 Молятся за вас
 Гас -
 Пар -
 Овы!

В. Баевскому

Затеял штучку я, Вадим.
 Что выйдет - скоро поглядим.
 Я Пушкину не дал поблажки.
 Строфу онегинскую, глядь,
 Перевернул, чтобы узнать,
 Как выглядят ее тормашки.
 Рассматриваю день и ночь,
 Не отходя ни шагу прочь.
 И выглядит она прекрасно,
 Работал, значит, не напрасно.
 И называется "афорте"
 (То есть "строфа", но наизнанку).
 Не правда ли, забавный спорт-с?
 И даже заменяет пьянку.

Толмачник,

Или наставление для начинающих переводчиков

§ 1. Доблести переводчика суть те же, что и доблести мужа, т.е. *точность и верность*.

§ 2. Точность следует понимать так: если взялся переводить, то переводи к сроку. Верность же каждый понимает по-своему.

§ 3. Помни: поэзия - мать перевода, подстрочник - отец.

§ 4. Конечно, знать чужой язык полезно. Но переводчику особенно надо знать свой язык, если он не переводит со своего на чужой.

§ 5. Начавши переводить стихотворение, сперва уразумей идею. т.е. смысл. Только уверившись, что смысла нет, переводи без смысла.

§ 6. В чужой стих не вторгайся грубо, а входи на цыпочках, как в спальню спящей прелестницы.

§ 7. Если в стихотворении есть скверная метафора, не придумывай лучшей. Автору видней.

§ 8. Эпитеты переводы со скромностью.

§ 9. Стиль ухватывай и держи крепко. Но если у автора в словах грубость и непристойность, не замечай и пройди мимо. Переводчиком может быть только воспитанный человек.

§ 10. Кстати, уразумев идею, гляди, чтобы и там непристойности не было. Переводчик должен быть добродетелен.

Данный труд относится к числу законченных, но малопопулярных, поскольку переводчики народ склочный и с авторитетом другого мало считаются, полагаясь главным образом на нутро, в талантливости которого может сомневаться лишь сволочь и невежда (см. публицистический опыт и аргументацию Ю. Левитанского и Ю. Мориц) (Прим. редактора).

Поэтически рассказанная жизнь

мастера слова Артиста Рафаэля Малых

1. Соня! Соня!

Соня! Соня! Очень страстно
Я любил вас, ангел мой!
И пожалуй что напрасно
Я любил вас, ангел мой!

Соня, как тебя ласкал бы
В упоенье! И к тому
Пищу лучшую таскал бы
И подобное тому!

Я б носил тебе какао
Прямо в девичью кровать.
Я б тебе икру и краба
Постарался доставать.

Я б тебя лелеял, Соня,
Неземное существо.
Но тепер я точно понял,
Что не выйдет ничего.

Ты божественным виденьем
Надо мною проплыла.
Но небрежным поведением
Мое сердце облила.

Соня, Соня! Не ревную,
Потому что я не мавр.
Может, я найду иную,
Ибо я бываю храбр.

Но считаю: чувство свято,
Как твоя и моя мать.
Слава ж - пестрая заплата.
Это, Соня, надо понимать.

2. У моря

Сижу я у моря.
Гляжу на него.
Что вижу в просторе?
Почти ничего.

Ну, вижу дельфина,
Ну, лодку, ну, мыс...
И плачу безвинно...
Ах, Рафа, уймись! -

Себе говорю я,
Терзая себя.
И снова ревную,
И снова любя.

Нет, ей докажу я,
Что я не дерьмо,
Что, в тюрьмах кочуя,
Ел гордый Камо!

Нет! Нечто иное
Храню я внутри.
Совсем не дерьмо я!..
- Ты слезы утри! -

Себе говорю я. -
- Месье и мадам!
Я мир завоюю
И Соне отдам!

3. Воспоминания о ручке

Как, Соня, вспомню твою ручку,
Я умираю от любви.
И самопишущую ручку
Влагаю в пальчики твои.

(Воображаемо, конечно!)
Пусть ручка шариком своим
Напишет мне, как бесконечно
Тобою, Соня, я любим...

Но просыпаюсь я, бедняга,
От упоительной мечты.
Все та же вокруг меня бодяга...
И только лишь одни цветы,

Что в банке из-под помидоров
Стоят на столике моем,
Напоминают сладость взоров,
Когда бывали мы вдвоем.

4. Мечта о рыбке

Соня, если б ты была
Рыбкою-салакою,
Не сходила б со стола -
Ел бы тебя всякую -

В масле, в соусе-томат,
Разного копчения...
Но и здесь меня томят
Разные сомнения:

В океане ты плескалась,
Моя рыбка нежная,
Но консерва мне досталась,
А не рыбка свежая!

5. Еще увидите!..

Когда стану Вознесенский,
Напишу поэму "Нося",
По поэзии вселенской
Тебя, Нося, превознося.

6. Неделикатному

Не сплю, не ем, наверно похудаю...
А твой поклонник - кандидат наук,
Он специялист по Бирме и Китаю,
Или спортсмен. Конечно - страшный жук.

Толстеет он, вода тебя обедать,
Сосиски ест, котлеты и супы!..
А чувства настоящие изведать
Он мог? Скажи мне, ангел красоты!

Как может он, дубина безыдейный
(И не хотел сказать бы - идиот),
Касаяся руки твоей лилейной,
Другой рукою резать антрекот!

7. Не в этом дело

Зовите меня Рафуилом,
Меня Рафаэлем зовите -
Она не звала меня милым.
Зовите меня, как хотите.

Зовите хоть Рафа, хоть Рафка.
Ведь ласковым именем Рафочки
Меня не хотела мерзавка
Назвать! Остальное - до лампочки!

8. Эскиз

Соня! Тот, кого ты любишь,
Для меня, конечно, свят.
Пусть он чудище из чудищ,
Пусть он кривобок, горбат,
Лыс, похож на крокодила,
Бегемота и свинью -
Лишь бы ты его любила,
Я и так его люблю.

Пусть он груб, нечесан, грязен,
Пусть гугняв, слюняв и хром,
Пакостен и безобразен
И развратен он притом, -
Раз его ты, Соня, любишь,
Для меня он - брат родной.

Только жалко, если будешь
Ты подобного женой.

9. Порыв

Я сегодня утром, Сонечка,
Так любил вас, ангел мой,
Что готов был с подоконничка
Броситься вниз головой.

И однако прыгнуть, Сонечка,
Не решился я, любя:
Ты лишилась бы поклонничка,
Я лишился бы себя.

10. Мечта о птичке

Соня-птичка! Будь моею!
Я совью тебе гнездо!
И обставлю, и обклею,
Например - куплю трюмо.

Мы бы в гнездышке на ветке
Стали жить да поживать,
Золоченые конфетки,
Кашку стали бы клевать.

Мог бы я весь день чирикать,
Изливая свою страсть.
И на всех я стал бы пикать
И на всех с прибором класть.

11. Фрагмент

Твои губки,
Как две шлюпки,
Но не мне на них уплыть.
Твои грудки,
Как две шутки,
Но не с ними мне шутить.

Твои ручки,
Как две тучки,
Что стремятся в небеса.
Твои глазки -
У коляски
Два передних колеса.

Никуда я не уеду,
Никуда не уплыву.
Никогда свою победу
Не увижу наяву.

12. Все тот же сон

Во сне я видел, Сонечка,
Печальную картину:
Вхожу я потихонечку
В пустынную квартиру.

Вхожу один в квартиру я,
Пустую от людей.
Сижу и репетирую:
"О, Соня, будь моей!"

13. Профаны

От меня нет особого толку,
Не богат я. Однако, заметь,
Что порой золотую пятерку
Принимают профаны за медь.

А порою осколок стекляшки
Принимают они за алмаз.
Много вас, дорогие бедняжки,
К сожалению - больше, чем нас.

14. Неоконченное

Когда б твоего лифчика
В подъезде я коснулся,
Каким бы же счастливым
На утро я проснулся!..

15. Терзание и успокоение

О, Соня! Как себе представляю
Тебя в объятьях не со мной,
Готов схватить кинжал и саблю
И становлюся, как шальной.

Когда же я воображаю
Тебя в объятиях меня,
Я пистолеты разряжаю
И сабля тоже не нужна.

16. Я и Гамлет

Когда трусики стираю
На пустынном берегу,
Пьесы про себя играю,
Даже Гамлета могу.

Я люблю тебя, как сорок
Тысяч или пятьдесят.
Из твоих же чудных взоров
Испиваю только яд.

Море, Сонечка, играет,
Солнце, Сонечка, горит.
А мой Гамлет умирает
И такое говорит:

- Ты хотела, как на дудке,
На мне, Сонечка, играть,
Потому что ни минутки
Не могла меня понять.

17. Видение

Соня! Видал в магазине я
Чудные кофты джерси.
Купим две кофточка синие -
Ты без меня их носи.

Может быть, девушку новую
Я и смогу полюбить,
Но твою кофту джерсовую
Мне никогда не забыть.

18. Подражание Блоку

Как жаль, что ты меня не обманула,
Как жаль, что ты меня не провела,
Что вещи в синий плащ не завернула,
В сырую ночь из дома не ушла.

Как жаль, что возмутиться я не вправе,
Как жаль, что утешаюсь от невзгод,
Твое лицо в его простой оправе
Не мог спустить я в мусоропровод!

19. Софизм

О, если не храня невинность,
Меня ты станешь ублажать,
То я, кляня твою наивность,
Тебя не стану уважать.

Но если кто не выражает
Желанье для моих утех,
Она меня не уважает,
И я, выходит, хуже всех.

О, жизни сложность и непрочность -
Я не могу ее понять:
Ценить в любимой непорочность
Иль к уважению склонять?

Пусть на тебе б я не женился,
Подобных женщин не ценя,
Зато бы я бы убедился,
Что уважаешь ты меня.

20. Письмо учителю и его жене

Яков Михалыч, Ирина Иванна!
Пишет вам ваш ученик Рафаэль.
Жажду узнать я, как это ни странно,
Есть ли у жизни какая-то цель?

Я умоляю: путем телеграфа
Мне сообщите короткую весть.
Адрес - Мисхор. Содержание: "Рафа!
Цель в этой жизни какая-то есть".

Если же наши напрасны попытки
Смысл этой жизни познать, - то ответ
Мне напишите в почтовой открытке:
"Цели у жизни особенной нет".

21. Ох вы, Сони!

Ох вы, Сони, мои Сони,
Сони новые мои!
Все вы ржете, словно кони,
Я ж корми вас и пои!

Есть одна на свете Соня -
Ничего не пьет, не ест.
И одна на небосклоне -
Ясный месяц среди звезд...

22. набросок меня

Погляди на меня: я красивый,
Я талантливый, Соня, артист,
Наделен я достаточно силой
И морально достаточно чист.
Не обижен я также и славой,
И приличной достиг высоты:
С Левитанским знаком, с Окуджавой,
А с Фазиль Искандером "на ты".

Нет! Меня ты еще не узнала!
И когда-нибудь, Соня, клянусь! -
Выходя из Чайковского зала,
Я небрежно тебе поклонюсь.

23. Сонная луната

- Рафа! - тихо ты сказала.
Я тебе ответил: - Ась?
Ты к груди меня прижала
И со мною обнялась.

- Соня, - я сказал, - не надо!
А не то я буду пьян!.. -
И прекрасная рулада
Донеслася с фортепьян.

- Соня, Соня! - будем тверды,
Как матросы у руля!.. -
И прекрасные аккорды
Донеслися с рояля.

24. Письмо Д. Самойлову

Давид Самойлыч! Передайте Соне: я
Для ней уже не Рафаэль, а экс.
И мы теперь друг другу посторонние.
Пожалуйста, придумайте подтекст.
Послесловие к книге "Соньтементы"

Эта книга содержит длинную страницу моей короткой жизни. О стихах пусть судит читатель. На его суд не надеюсь, ибо привыкнув к плохим стихам (имен не называю), хорошие понять не может.

Но я писал не для славы, не для денег.

Я писал, чтобы выразить. И выразил.

Если кто-нибудь подумает, что Соня - подлинный персонаж, то он ошибается. Соня это как бы мифическое лицо, для которого черты взяты из многих моих переживаний, также и черты ее поклонника тоже взяты собирательно от многих поклонников, имеющих отрицательные черты. Этим я создаю типичный образ, как сказал один критик, в типичных обстоятельствах.

Я и себя нарисовал собирательно, придав себе многие положительные черты своих знакомых.

Например, артист Персик считается красивым. Эту черту я временно для художественности придал себе, кроме таланта, который в действительности имею.

Эта книга написана для умного читателя, если было бы можно, я дуракам бы ее не продавал.

Мне возражат, что дурак тоже может чувствовать. На что отвечу: дурак чувствует по-дурачки.

А мне мой учитель в поэзии Д. Самойлов сказал: "Рафа, действуй помногу и все будет в порядке".

Ему хорошо так говорить. Но я учел его слова. И написал книгу, не хуже других.

Желающим прочитать мои стихи - вот книга. Желающие послушать, как я читаю, - следите за афишами. Как сказал Гоголь: "Смеется тот сквозь незримые миру слезы, кто смеется последний".

Ха-ха-ха!

Приношу благодарность всем поэтам, которые не оказали на меня влияния. В том числе А. Наль, А. Городницкому и, особенно, Ю. Ефремову.

Посвящаю эту книгу своему брату Илюше. Вот, кажется, все.

Москва,

Артист Р. Малых

Филармония

Невошедшее в книгу "Сонтъементы"

Сонеты

1. Потому что Сони нет, -
Называется сонет.
2. Потому что Сони нет, -
Это будет триолет.

3. Соня, Соня, твой халат
Я бы был увидеть рад.
4. Я б увидел твой халат, но
Ты относишься халатно.
5. Я соперника убью,
Потому что я люблю.
6. Я его бы не убил,
Если я бы не любил.
7. Ты экзамены сдала.
Вот какие, брат, дела.
8. Но потом не позвонила.
Или ты мне изменила?
9. Соня, Соня, Сонечка,
Я спрыгну с подоконничка.
10. Только внутрь, а не вовне,
Потому что страшно мне.
11. Соня, ты про Блока
Так сказала: "Чудо!"
Пусть ему не плохо, -
Все равно мне худо.
12. Хоть сдала ты экзамены,
Соня, нет тебе замены!
13. Соня, акклимаишьси -
Позвони, хоть не любя:
Ты же понимаешь, си -
Лы нету ждать тебя.
14. Соня, думаешь, что Рафа
Хам какой-то и громила.
Выйди замуж хоть за графа,
Хорошо тебе бы было?!

Колисоня

Поэма

Глава первая

Пишу поэму, как я Соню
Любил, а после разлюбил.

И как я нашу филармонию
При всем при том употребил.

Концерт прошел с большим успехом.
Она присутствовала там,
Но улыбалась со смехом,
Красивая не по годам.

Буквально всем потряс я душу.
Ее же не потряс я. Нет.
Хотя мне даже брат Илюша
Поднес от публики букет.

Ладони все отшибла мама -
Кричала: "Гвалт!" - по-русски "Бис!"
А та бесчувственная дама
Сидела в ложе, словно мисс.

От зависти рыдал Дедыгин.
Валтокарев изгрыз парик.
А я стоял, как Каратыгин
И был поистине велик.

Уже Смоленский шел на сцену -
Чтоб поклониться на меня,
За ним тянулась постепенно
Его ближайшая родня.

Он мой учитель. Благодарен.
Терял часы, меня уча.
Она ж, как будто я бездарен,
Все улыбалась, хохоча.

Смоленский! Вот какие люди
Меня сажают за свой стол.
А ты, имея только груди,
Всего лишь жалкий женский пол.

Напрасно ты своей улыбкой
Меня старалась уязвить.
И было бы большой ошибкой
Тебя и далее любить.

Сказал Смоленский за кулисой,
Меня по-дружески обняв:
- Не огорчайся этой крысой.
Ты, Рафа, кажется, не прав.

Смотри - каких аплодисментов
Добился, у меня учась.
Оставь ты этих "сантиментов"
И по искусству выше влазь. -

Я на плече его заплакал,
Расстроенный от тяжких дум.
При этом несколько закапал
Его лавсановый костюм.

А он, стряхнув слезу с костюма,
Которая лилась дождем,
Сказал: "Не делай много шума.
Подобных, Рафа, мы найдем".

Взбодрясь, я вышел на поклоны,
Как будто Сони в зале нет.
И брат Илюша, ободренный,
Мне тот же подал вновь букет.

Но постепенно к гардеробу
Все публика спустилась вниз.
И лишь Илюша с мамой - оба -
Кричали: "Гвалт!" - по-русски "Бис!"

Гасили свет. Умолкла мама.
Моя кружилась голова.
Вы спросите: "Где эта дама?"
Но тут кончается глава.

Глава вторая

Над Филармонией победой
Я сделался несокрушим.
Сказал Самойлов: "Пообедай!
А там уж что-нибудь решим!"

...Был в ЦЭДээЛе пир всепьянский,
Крутился коромыслом дым.
Был я, Смоленский, Левитанский,
Самойлов, также Я. Аким.

Потом пришла Ирина-Ванна -
Чтоб все здесь было комильфо.
Тогда Смоленский встал с дивана,
Как будто не пил ничего:

"Я, Рафа, здесь не интригую.
Но от успехов не фасонь.
Нельзя ли отыскать другую -
На свете много разных Сонь.

Пошли ты эту Соню на фиг
И не оказывай ей честь".
Спросил Аким: "Скажи-ка, Рафик,
А у нее подруга есть?"

При сем мы выпили достойно
По рюмке разного питья.
"Ах, Рафуил, держись спокойно.
По-моему, она - твоя", -

Сказал Самойлов, а на стуле
Согнулся горько друг его:
"Тебе-то хорошо, Дезюля,
А нам-то с Рафой какво?"

У Рафы ни жены, ни дочки.
А у меня жена и дочь.
Два года не пишу ни строчки.
Никто не хочет мне помочь.

А у тебя жена, золовка
И только четверо детей.
Сумел устроиться ты ловко,
Окольных зная ход путей".

Самойлов, засмеясь цинично,
Сказал: "Учись, бедняга, жить".
И предложил налить вторично
Под возгласы: "Не надо пить!"
Ирины-Ванны...

Поэма была прервана, но потом оказалось, что дописывать ее не имеет смысла, так как все главное в ней уже сказано (Прим. редактора).

Из переписки с Рафаэлем Малых

Рафа! Дуйся в волейбольчик,
Мойся в море или в ванне.
И устрой-ка себе "дольче-
Фарниенте" (кейфование).

А потом, надевши кепи,
Притворись весьма богатым.

И устрой романчик с "хеппи
Эндом" (то есть с результатом).

Не водися, Рафа, с хиппи,
А водись с актерской бражкой.
Пользуйся, покажав, пипи-
Факсом (мягкою бумажкой).

Но не будь, конечно, против
Эlegantного соседства.
(Применяй при этом проти-
Возачаточные средства).

И не верь лукавой деве,
Что придет в твою обитель.
(Помни, как накрылся Леви-
Танский, русский сочинитель).

*

Привет, Рафуилко!
Какие дела?
Ужель сексапилка
Тебе не дала!

Какая нахалка!
Плюнь ей на халат.
А все-таки жалко,
Как спел бы Булат.

Какая мерзавка!..
Раздуй ей ноздрю!
- Ах, дьявол с ней, Рафка,
Как я говорю.

Живи себе смирно,
Учи себе текст,
Ешь утром кефир, но
Ешь также бифштекс.

Купайся почаще,
Пей кофе и чай.
А все, что торчаше,
В себе отсекай.

Инскрипт на книге "Равноденствие"

Рафуил! Читай стихов
И забудь моих грехов.
А не хочешь - эту книжку
Можешь, Рафа, продавать.
И купи себе манишку.
Но за это, Рафа, я руки
тебе не буду подавать.

7 июля

Гражданские стихи артиста Рафаэля Малых

Программное

Я бросил тему половую.
Она любому по плечу.
Я не люблю и не ревную,
А гражданином быть хочу.

Хочу артистом-гражданином
Быть, как примерно Табаков¹,
И заявляю всяким Иннам²,
Что мне теперь не до кабаков.

А всем и всяким Петросянам³,
Носящим имя подлеца,
Скажу: рабочим и крестьянам
Я глаголом буду жечь сердца.

А всякий-разный Доброхотов
И всякий-прочий Моргунов⁴,
Вы для меня лишь банда идиотов,
Собак, прохвостов и лгунов.

Вы предо мной до смеха жалки,
И я смеяться буду с вас,
Поскольку вы, как зажигалки,
Из которых выпустили газ.

Во мне ж покуда много газу
И есть огонь и есть кремень.

¹Артист-гражданин.

²Образ собирательный, но не лишенный подосновы.

³Собирательный образ чтеца-подлеца.

⁴Малоталантливые современники артиста (Прим. редактора).

К тому же я имею теоретическую базу
И в отличие от вас работать мне не лень.

Поэту-гражданину

Ты всем нам пример, Евтушенко,
Ты левый, но истинно прав,
Велик, как жирафина шейка
И весь ты красив, как жираф.

Я, чтец и поклонник твой Рафа,
Гражданскую музу любя,
Хочу походить на жирафа
И жить по примеру тебя.

Письмо другу

Персик - друг!¹ Тебя целую.
Утомился я от дел.
Персик, так тебя люблю я,
Что бы с косточкою съел.

Съел бы с Ниною-супругой²
И с программой Дюма.
И скажу тебе, как другу:
Много есть в тебе дерьма.

В остальном ты друг мой первый,
Словно Пушкин-Огарев³.
Береги, товарищ, нервы
И старайся быть здоров.

Самокритика

Музыкантшу-пианистку⁴
Я недавно полюбил
И уже довольно близко
От злодейской цели был.

Были мы почти женаты,
Собрались в ЗАГС бежать.

¹В. Персик - малоталантливый современник артиста, его друг.

²Нина - красавица-жена Персика, известная в Москве совершенством своих колен.

³И. И. Пушкин, Н. П. Огарев - ближайшие друзья других великих людей (Прим. редактора).

⁴Ира Х. (Прим. редактора).

И все-то от меня скрывают! А полностью кто? (Прим. дотошного читателя).
Не твое собачье дело! (Прим. автора).

Но я понял, что сонаты
Будет мне она играть.

Я подумал, кем я стану
От сонат и болеро,
Не смогу я Петросяну
Вставить в задницу перо.

И, задумавшись серьезно,
Одинокий лег я спать.
И подумал: слишком поздно
Счастье личное искать.

О старости доблестной

Трактат

§ 1. Старость бывает:

- а) по возрасту;
- б) по умонастроению;
- в) по соображениям высшего порядка.

§ 2. Первый вид старости встречается очень редко. Многие люди, достигшие преклонных годов, умирают совсем молодыми.

§ 3. Второй вид старости наиболее распространен.

§ 4. Третьему виду старости подвержены лишь выдающиеся натуры. Этот вид еще более редкий, чем первый и наиболее достойный. Старческий маразм здесь достигает подлинных высот духа.

§ 5. Высшие соображения, являющиеся причиной старости, суть следующие:

- а) государственные;
- б) морально-этические.

§ 6. Государственные соображения вызывают старость добродетельную, морально-этические - старость доблестную.

§ 7. К старости добродетельной склонны натуры суровые, честолобивые и умственные. К старости доблестной склонны натуры умозрительные, но возбудимые и полные патриотических чувств.

§ 8. Старость государственная относится к областям юридическим и административным, посему здесь не рассматривается.

§ 9. Старость доблестная образуется на том переломе возраста, где первые любви сменяются последними.

§ 10. Первой любовью называется всякая любовь, до которой были лишь увлечения.

§ 11. Последней любовью называется та, которой предшествовала первая и за которой следует еще более последняя.

§ 12. Последняя любовь отличается от первой своей основательностью, продолжительностью и отсутствием брачных перспектив по причинам морально-этическим. Именно она придает старости характер доблести.

§ 13. Чаще всего последняя любовь внушаема особами молодыми, прекрасными и полными энергии, а также уважения к старости. Опыт показывает, что таковыми особами чаще всего являются полные блондинки с художественными наклонностями, любительницы чтения и музыки, которым всегда везет в браке.

§ 14. Брюнетки с разбитой личной жизнью последними любовями становятся как исключение и чаще интересуют стариков добродетельных, склонных к покровительству, чем стариков доблестных, склонных к трепетному восприятию красоты.

§ 15. Старость доблестная - есть немощь, побуждаемая к действию энергией и красотой и сим одолевающая собственное несовершенство.

§ 16. Старость доблестная невозможна, если обе стороны не прилагают к сему самоотверженных усилий, украшающих как старца, так и его последнюю любовь.

§ 17. Обе стороны убеждают себя и побуждают к действию, например, следующим образом.

Он указывает ей на свою старость. Она ему возражает, утверждая, что молодость душевная важнее, чем дряхлость телесная. Он лишь машет рукой. После чего поступает как должно.

§ 18. Только поступая как должно, немощный человек преклонных годов становится старцем доблестным. Иных путей к доблести нет.

§ 19. Однако даже доблестному старцу свойствен порок, от которого спасти его может только энергия и самоотверженность. Потому и невозможен старец доблестный в одиночестве. Как бы доблестен он ни был, Робинзоном он стать не может.

§ 20. Ибо поступив как должно, старец начинает стонать и жаловаться на хвори свои, а также пытаться укрыться в деревенскую глушь и там растерять свою доблесть.

§ 21. Старики доблестные нуждаются в понукании и поощрении, ибо имеют склонность разъединять старость и доблесть и становиться либо просто стариками, либо просто доблестными, что одинаково опасно для гражданского воспитания.

§ 22. Поощрять старцев можно:

- а) посредством вина;
- б) посредством женщин.

§ 23. Старцы добродетельные потребляют спиртное лишь в обществе равных им по чину и совершают, что должно, с регулярностью, дабы сохранить добродетель.

Старцы же доблестные хватают спиртное с лицами неподобающими, после чего совершают, что должно, с кем не должно и как не должно.

§ 24. Вторым пороком старцев доблестных является забывчивость. Потому, хвативши спиртного, они старость свою забывают и помнят лишь доблесть. А она без старости непотребна.

§ 25. Посему старцев таких следует осаживать и представлять им различие между доблестью военной (например, Наполеона или Ганнибала) и доблестью старческой, выделяя преимущественно последнюю с точки зрения гражданской.

§ 26. Гражданские чувства, т.е. патриотизм, являются сильнейшими у старцев доблестных и потому, отоспавшись, возвратятся на истинный путь, однако и тут нужна мера.

§ 27. Ибо старцам сим свойственны порывы покаяния и невнимания к миру, и, желая поступать, как должно, и не зная, как за это приняться, они могут вообще никак не поступать.

§ 28. Здесь-то вот и надо приступать ко второму поощрению, однако с великой осторожностью.

§ 29. К старцу уже отоспавшемуся, но еще покаянному, следует подпускать исподволь особу, но уже не пышную, а попостнее и дабы разделана была, как килька, для удобства.

§ 30. Подпустивши, следует ждать, как совершится.

§ 31. Ежели не совершится, повторить следует то же самое, но уже с другой особой и так до пяти раз.

§ 32. После сего старец либо почует в Бозе, что достойно, ибо скончается назидательно и доблестно и самой кончиной своей исполнит гражданское обязательство, либо восстанет в полном молодечестве доблестной своей старости, что прекрасно и трогает до слез.

§ 33. Трактат сей - плод больших раздумий и опыта. Написан он в назидание и в надежде принести пользу общественную, дабы каждый мог познать себя и стать на верную стезю.

Нежное воспоминание

об албанских переводах

Ах, Ольга Сергевна,
Я так Вас любил!
Для Вас ежедневно
Я строчки долбил.

С подстрочника или
Порою и без.
А Вы не любили,
Созданье небес!

Терзали попреком
Вы душу мою,
Что, дескать, не к срокам
Стихи отдаю!

Я жил, презирая
Назначенный час.
В подстрочник взирая,
Я думал о Вас.

Я думал: проклятый
Албанский язык,
Такой небогатый
Албанский язык,

Добыть бы мне денег,
Тогда бы я мог
Быть точным, как Левик
И нежным, как Блок!

Без рифмы дубовой
И лишних словес
Писал бы Смирновой,
Прекрасной О.С.

О.С.! Царь хмельного!
Случалось не раз
О.С., О, Смирнова,
Мне выпить за Вас!

За долю поэта,
За счастье в судьбе -
Мы пили за это
С Грибановым Б.

И ныне я оду
Опять запою,
За Вашу свободу
О.С. я налью.

Спою свою оду
Над тем коньяком
Назло переводу
Своим языком.

Пусть нежное слово
И стройный мотив

Услышит Смирнова,
Слезу уронив.

Апрель 1980

Написано в связи с уходом на пенсию зав. редакцией издательства "Художественная литература" О. С. Смирновой.

О.С. - был когда-то давным-давно такой сорт коньяка, весьма хорошего качества, который пили обычно с крупного гонорара (Прим. редактора).

В КРУГУ СЕБЯ

Том II

Предисловие ко II тому

Ввиду широкого успеха в узких кругах I тома "В кругу себя" автор и издатель решили выпустить и II том названного сочинения.

Во II томе содержатся некоторые архивные материалы, относящиеся к ранней молодости автора и его друзей, в частности, первая научно-просветительская работа автора "Отличник-неприличник". Уродливое сексуальное воспитание поэта Б. Слуцкого очень заботило его ближайших товарищей, поэтому и был создан начальный учебник по сексологии, по нашему мнению, сыгравший весьма положительную роль в пропаганде сексуальных знаний. По тем временам эта работа, без скромности, могла бы быть названа новаторской, если бы Б. Слуцкий оценил ее верно и способствовал бы ее популяризации.

Многочисленные стихи и фацетии написаны в разные годы и ярко характеризуют беспорядочную в ту пору жизнь автора и его друзей.

Все названные произведения основаны на фактах, которые если и приукрашены, то только ради художественности.

В настоящем издании Ю. И. Абызов выступает не только в благородной роли издателя, но и как мой соавтор в крупнейшем моем прозаическом произведении "Пантрягин и Обозов". Длительная дружба с Ю. И. Абызовым является причиной удивительного единства стиля в этом, без скромности скажу, значительнейшем произведении.

Привычка к ученым изысканиям помогла мне отыскать в архиве пярнусского пивного завода папки с материалами, относящимися к жизни выдающегося эстонского философа Куурво Мудика (Август Лим). Присущая мне скромность вынуждает меня подчеркнуть, что роль моя свелась лишь к систематизации и публикации этих материалов.

Некоторые недостаточно взыскательные критики, как у нас, так и за рубежом, упрекали меня в том, что в I томе слишком бегло отражен образ Юрия Левитанского до-инфарктного периода. Не считаю это обвинение основательным, ибо я не мог бы достаточно полно изобразить Левитанского, минуя образ его супруги, которая ни в какую литературу не помещается.

Впрочем, во II томе я уделяю Ю. Левитанскому некоторое внимание (см. роман "Пантрягин и Обозов").

Внимательный читатель заметит во II томе ясное влияние на меня идей Ю. Карякина. Объяснять, в чем оно состоит, считаю излишним.

Некоторые читатели предлагали мне изменить название книги и называть ее "В кругу исчисленном светил". Я бы пошел навстречу читательским пожеланиям, если бы видел вокруг себя еще хоть одно светило. Приходится из скромности оставить прежнее название.

Данный том также выходит сразу вторым изданием ввиду отсутствия первого.

Все та же скромность не позволяет мне затягивать это предисловие.

Благодарю за внимание!

Май 1980

Автор

Библиотека дошкольного возраста

Шаг за шагом

(Букварь)

Отличник - неприличник

§ 1.

У Сарочки - сорочки.

У Таньки - подштанники.

§ 2.

Боба был морально чист

И сказала кроха:

Если мальчик онанист,

Это очень плохо.

Задание на дом:

1. Выучите это стихотворение и прочтите маме.

2. Просклоняйте слово "эксгибиционист" во множественном числе.

§ 3.

Петя и Маша

(По Тургеневу)

Петя и Маша любили друг друга. Петя был сторонник свободной любви. Но Маша боялась беременности и хотела замуж. Они спросили бабушку, как им поступить. Бабушка сказала:

- Жениться вам еще рано. Петя прав.

А кругом шумела рожь и пели птицы.

Задание на дом:

1. Продумайте содержание рассказа. Какова его основная идея?

2. Дайте характеристику основным героям.

3. Какова роль пейзажа у Тургенева?

§ 4.

Боба был морально чист,

Боба жил отлично.

Если мальчик.....

Это неприлично.

Задание на дом:

Вставьте пропущенное слово.

Вопросы для повторения:

1. Что такое идеальная грудь?

2. Какие есть синонимы к выражению "публичная женщина"?
3. Может ли мужчина быть публичной женщиной?

Юный эротик,
Не бери дрянь в ротик!

§ 5.
Песенка

Принесла певунья-птичка
Во гнездо свое яичко,
То яичко берегла.
Вот такие, брат, дела! (2 раза)

Ты бери пример у птички -
Береги, дружок, яички
Так, как птичка берегла.
Вот какие, брат, дела! (2 раза)

Задание на дом:

Спойте эту песенку на мотив "Если б милые девицы".

§ 6.

1. К данным прилагательным придумайте существительные:
публичный.....
лесбийская.....
хреновое.....
голландский.....
(дом, любовь, настроение).
2. К данным существительным придумайте прилагательные:
.....мать
.....сын
.....вошь

Музыкальность Борина
Не как у Оборина.

§ 7.
Склонение

Склонением называется действие, не связанное с насилием. Например - склонение к любви. Может быть и просто склонение. Например - склонение головы на плечо.

Правило:

Не склоняйте к сожительству вашу домработницу.

Задание на дом:

Склоняйте выражение "Белая ворона".

Идя на любовные муки,
Снимайте кальсоны и брюки!

Еще совет для Бори:
Не читай слова на заборе!

§ 8.

Чистоплотность

И в уборной Боба был
Идеальным мальчиком,
Потому что не любил
Подтираться пальчиком.

§ 9.

Местоимением называется место, где имеют.

Глагол "иметь" изменяется по возрасту и по полу. После 60 лет в будущем времени не употребляется. Форма "быть имеемым" в мужском роде употребляется только как исключение.

Правило:

Не имейте себя!

§ 10.

Боба был на все горазд
И предельно краток.
Если мальчик педераст -
Это недостаток.

Задание на дом:

1. Замените одно неприличное слово двумя приличными.
2. Замените все приличные слова одним неприличным.

§ 11.

Последовательность

Будь любопытен - вот закон,
Но знай порядок дела:
Знай, что под юбкою - нейлон,
А под нейлоном - тело.

Но если вдруг нейлона нет
И ты столкнешься с телой -
Не будь догматик и эстет
И то же дело сделай.

Из фацетий нашего времени

Разговор с первопечатником

Однажды Д.С. совместно с А. Конниковым, обладавшим начальственным голосом, позвонили нескольким писателям от имени первопечатника Ивана Федорова.

Писатель Н. Мельников так и не понял, с кем беседует.

Сергей Львов в ужасе прошептал: "Первопечатник!" А через несколько дней пересказал Д.С. свою остроумную беседу с Иваном Федоровым.

Один С. Кирсанов нашелся сразу.

- Вы думаете, я для того избрал печатный станок, чтобы печатать дрянь, которую вы пишете? - сказал первопечатник.

- Да, трудно вам, - ответил Кирсанов.

Ишак-заде

Тот же Конников был чрезвычайно толст. Когда он был назначен главным режиссером театра в Узбекистане, Слуцкий утверждал, что Конников по-узбекски звучит как Ишак-заде.

Первоапрельская шутка

Первого апреля Д.С. позвонил актрисе, искавшей работу. Назвался он известным укротителем львов и предложил ей стать его ассистенткой. Почти договорились.

- А где же ваша бывшая ассистентка? - спросила актриса.

- Ее задрал лев, - отвечал Д.С.

Дрессированный удав

С поэтессой Светланой Евсеевой Д.С. ехал в Ригу. В вагоне-ресторане подсади к ним два гражданина и, послушав беспорядочный разговор о литературе, спросили:

- В в цирке работаете?

- В цирке.

- И что там делаете?

- Выступаем с дрессированным удавом.

- И не страшно?

- Да что вы, - сказала Светлана, - он такой ласковый, Васей звать.

- А теперь куда едете?

- В Ригу, лечить удава. Он уже старый, хворает. А из Индонезии теперь удавы не поступают. Вот и прописали ему врачи морские ванны.

- Значит, удав с вами?

- В купе. Спит.

Излечение драматурга

Драматург М. Львовский узнал, что у него в прямой кишке полипы, целых три штуки. Открыв медицинскую энциклопедию на "П", он прочитал, что множественные полипы порой перерождаются в язву. Тогда он открыл ту же энциклопедию на "Я" и прочитал, что язва иногда перерождается в рак.

Из этого он сделал вывод, что умирает.

А умирать он почему-то пришел к Д.С.

Д.С. пять дней убеждал его, что он здоров. На шестой сказал:

- Ты меня убедил, что смертельно болен. Но умри как мужчина. Встань и напиши свое лучшее произведение.

Львовский встал, лучшего произведения не написал. Но жив до сегодняшнего дня. Единственно, чем он подрывает свое здоровье - постоянное лечение.

Из истории драмы "Меншиков"

В Коктебеле Д.С. стал писать драму "Меншиков", но, написав полстраницы, отложил до более свободных часов.

Между тем Ю. Тимофеев ежедневно возвращался к своей жене, ныне покойной поэтессе Веронике Тушновой, далеко за полночь, уверяя, что каждый вечер слушает новые куски драмы.

- Но почему у тебя пижамные брюки надеты задом наперед? - спросила однажды Вероника.

- Извини! - не смущаясь сказал Тимофеев. - Драма очень хороша.

Чтобы спасти репутацию друга, пришлось написать "Меншикова".

Он прав?

- Под супчик выпить - святое дело! - говаривал обычно К. Симис в пору своего пребывания в Москве.

И он был прав!...

Страдания молодого Грибанова

В те дни, когда Грибанов еще навещал друзей, водки почему-то всегда не хватало. В таких случаях Д.С. обычно говорил:

¹Трезво обдумав это положение, и автор, и издатель пришли к следующему заключению, несколько уточняющему сказанное:

М. Булгаков устами своего героя (см. повесть "Собачье сердце") возражает против такой постановки вопроса, заявляя, что "холодными и супом закусывают только недорезанные большевиками помешки". В этом мы усматриваем отрывку махаевщины. Однако и точку зрения Симиса нельзя считать правильной, поскольку он целиком становится на позиции классового врага. Мы же должны становиться на его точку зрения только частично, в плане усвоения культурного наследия. Но в традицию вносить и нечто новое, т.е. закусывать и холодным, и горячим, а также пить без закуски.

Позиция Симиса привела его в стан врага. Мы же твердо остаемся по эту сторону баррикад (Прим. автора и редактора).

- Сейчас мы бросим жребий - и Грибанов пойдет за водкой!..

Борис Тимофеевич, протестуя скулит, покорно лез в рукава пальто: жребий все равно пал бы на него. Кроме того, поход за водкой избавлял его от расходов, а Эмма и тогда держала его в большой строгости, отбирая все деньги.

*

В "Арагви" обычно "хорошо сидели". Но когда разговор по тем временам становился несколько неосторожным, осторожный Грибанов вставал и, обращаясь к зарешеченной отдушине под потолком, громко произносил:

- Хорошо сидим, ребята! Как жаль, что Самойлова и Грибанова с нами нет!..

*

Однажды Грибанов явился домой поздно, что обычно делать опасался.

- Тель-Авив в огне! - воскликнул он, когда супруга открыла ему дверь.

В следующий раз в аналогичной ситуации он удачно избежал наказания, предупредив его другой сенсацией:

- Самойлов ушел от Ляли!..

*

Однажды поэт Николай Глазков зашел в гости к Д.С., где встретил академика Ландау.

- Дау, - представился тот.

- А я видел на Ваганьковском кладбище могилу художника Дау.

- Это не я, - сказал академик.

- А я самый сильный из интеллигентов, - сказал Глазков.

- Нет, самый сильный из интеллигентов - академик Виноградов, - возразил Ландау. - Он может сломать палку.

- А я могу сломать полено, - сказал Глазков.

Оба понравились друг другу и сели играть в шахматы.

*

После беседы Хрущева с творческой интеллигенцией парикмахер Союза писателей Моисей Михайлович Маргулис рассказал следующую историю:

- Молодой человек, вы думаете, что все сложно, но на самом деле все очень просто. Вот я вам расскажу. Когда я был молодой, у меня начался роман в городе Омске с женой прокурора. Я отвел ее в театр, билеты стоили по 6 рублей. Потом мы пошли в ресторан, метрдотель Попандопуло отвел нас в отдельный номер, и там я ее уимел.

- Моисей Михайлович, как вы думаете, с чего начался наш роман? - спросила меня жена прокурора.

Из facets нашего времени

- Если говорить поэтически, то со взаимного увлечения. А если говорить попросту, то с е...

- Моисей Михайлович, как вы умеете определить точно, как что происходит!..

В глазной больнице

На вопрос профессора Кацнельсона о том, каково его зрение Д.С. ответил:

- Бутылку еще вижу, а рюмку уже нет.

*

Перед операцией, лежа на операционном столе, Д.С. сказал профессору Розе Александровне Гундоровой, дочери Всеславянского комитета:

Роза Александровна,
Вырежьте мне глаз,
Ибо этим глазом
Я не вижу вас.

*

Соседом по палате Д.С. был величайший мудака во всей Латинской Америке сеньор Гарварини, аргентинский помещик и одновременно марксист. На замечание Д.С., что при победе марксизма его имение будет национализировано, Гарварини безмятежно ответил:

- Именем занимается мой сын.

- Вы знаете, чем мне нравятся советские женщины? - спросил однажды Гарварини. Д.С. ожидал сексуальных откровений. - Тем, что они так активно борются за мир, - преподнес ему помещик-марксист.

Вероятно, этим было навеяно следующее стихотворение Д.С.:

Ты скажи мне, Гарварини,
Я хочу об этом знать:
Как в далекой Аргентине
Говорят - е.... мать?

К истории книгопечатания на Руси

Противодействия

Поэма

И. Чеховской

1. Годы юности

Вспомни, Ирина, как мы издавались,
Вспомни, Ирина, как мы не сдавались!

Вспомни, Ирина: семь лет и три дня
Ты редактировала меня.

2. Штурм унд транк

А штурм унд транк прошел питейно.
Мы шли дурьх шнапс унд вайн.
Как говорил когда-то Гейне -
Им абендзонненшайн.

3. Пузикальный перепляс

Ты что ж, товарищ Пузиков¹,
Все пляшешь и поешь!
Ты что ж, товарищ Пузиков,
Меня не издаешь!
Ты что ж, товарищ Пузиков,
Печатаешь французииков,
А нас, советских дезиков,
В набор не отдаешь.

4. Лирическое интермеццо

Деревя, так сказать, роняли
Багряный свой убор.
И, наконец, меня набрали
И развалили мой набор.
Осенний ветер тиховейно
Качал уснувший бор.
В глазах Бориса Гольденштейна²
Я прочитал свой приговор.

5. Все же

Времечко из ложечки
По капельке бежит.
Книжечка в обложечке
Передо мной лежит.

6. Счастливая старость

Ты жива еще, моя старушка!
Жив и я! Привет тебе, привет!

¹Пузиков Александр Иванович - Вечный Жид русского происхождения, являлся главным редактором Гослитиздата с начала XIX по конец XX века. Сам о себе говорил: "Я не потопляем, ибо говно не тонет". Бывший доброжелатель поэта и друг лилипута Ивана Ивановича Ширяева, о котором речь впереди.

²Главный бухгалтер Гослита, много раз, хотя и неохотно, спасавший поэта от финансовой пропасти.

Ты читала, что поэт Евтушко
Написал про нас ин "Литгазет"?
И теперь наш путь счастлив и светел,
Я о прошлом больше не грущу,
Ибо сам Евтушко нас заметил
И слегка похлопал по плечу.
По плечу теперь нам все задачи.
Все мы можем - так или иначе.

18.9.72

Поэма, написанная на экземпляре книги "Равноденствие", подаренной редактору И. Чеховской, отражает тот сложный период в жизни поэта, когда он, идя в ногу с десятилетием, занимался "подписанством", за что, естественно, и был набираем и рассыпаем попеременно. Именно таким образом лица на заставах власть имущие воздействовали на ум и желудки тех лиц, которые оставляли автографы под сомнительными текстами.

Послания из Пярну - в Пярну

О предпочтительности холодного ума

Ты всегда бываешь, Лев,
Лев.
Не всегда бываешь, Лев,
Прав.
Различать старайся, Лев,
Блеф,
Чтоб рассудок твой был, Лев,
Здрав.

Из Языкова

Многолюдно наше море,
Целый день шумит оно.
Искупаться бы в просторе
Леве Копелеву. Но

Леву мучает люмбаго,
И, не слушая жену,

Д.С.

Он не сделает ни шагу
В набежавшую волну.

Лева, Лева, поседельй,
Стань, как прежде молодой!
Посмотри, как Дезик смелый
Гордо реет над водой.

Послания эти являются частью переписки с известным плюралистом-экстремистом Л. З. Копелевым, издателем теории "Экстремизма с человеческим лицом" и крестным отцом философии "Плюрализма без берегов" (Прим. редактора).

Из Гейне

Вот Копелев Лева сидит одиноко,
Он голый и, может, со сна,
И думает Лева: проклятое море,
Не знает оно ни хрена!

А где-то на Красноармейской прекрасной,
Где нету уже ни стекла¹,
Толпа его близких друзей и знакомых
Вдали одиноко росла.

О пользе купания

Диссиденты! Что за слово!
Едут - и оревуар!
Мы с тобой взираем, Лева,
На морской резервуар.

Почему же ты печален?
Все идет своим путем.
Умер Ленин. Умер Сталин.
Мы умрем. И все потом.

Если едут диссиденты
Нас с тобой освобождать,
То подобного момента
Нам с тобою долго ждать.

Если для себя свободы
Добиваются они, -

Лев Копелев

¹ В то время, как Копелев проводил лето в Пярну, дояльные "граждане" в Москве били в его квартире окна, наказывая его за диссидентство (Прим. редактора).

Выпьем, Лева, пиво-воды,
Или лучше коньяка¹.

Что нам Кельн и что нам Цюрих!
Нам прекрасно на Руси!
Выпей пива и натюрлих
Колбасою закуси.

Лучше, Левушка, купаться.
Посмотри, какой залив!
Выпить - и опохмеляться,
Пивом водочку залив.

Мнения плюралиста-экстремиста Льва Копелева

Одно мнение

Сограждане, мое учение
Вот в чем заключено:
Что лучше два дурацких мнения,
Чем умное - одно.

Другое мнение

То, что сказал я - чистый бред.
О том второго мненья нет,
Но мнение о первом мнении
На вольность мыслей есть гонение².

Приводим одну из попыток Л. Копелева возразить Д. Самойлову:

"В доме отца моего много помещений"

Так написал евангелист.
Тут не прибавить ничего,
И я, смятенный от сомнений,
Смиранный старец - "плюралист",
Хоть слаб умом³, но сердцем чист,
Одно лишь знаю, что у Бога
Различных мнений ох, как много!

Плюралист в ресторане

Не заказать ли деволяй?
-Валяй.

¹Рифмы нету от несогласия (Прим. автора).

²А лучше мнений не иметь, не то недолго загреметь! (Прим. дотошного читателя).

³Достойное внимания признание (Прим. автора).

Не заказать ли антрекот?
- Вот-вот.
А может быть, возьмем рагу?
- Угу!
А может, судака-орли?
- Вали!
А может быть, съедим всего?
- Во-во!

Замечание официанта:

- У нас из этого меню
Есть лишь компот из ревеню¹.

О равенстве культур

Лева! Нет дурных народов.
Лишь правительства нелепы.
На поганных огородах
Уйма самой лучшей репы.

Ну и что! И в самом деле
Есть везде свои таланты -
И Рабле, и Рафаэли,
И Бетховены, и Данты.

Алеуты, сикхи, кхмеры,
Патагонцы, юкагиры -
И у всех свои Гомеры,
И у всех свои Шекспиры.

Мы за них поднимем тосты!
Их Шекспиры всех шекспирней,
Их Бетховен самый толстый,
Их Петрарка самый жирный.

Милый Лева, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
С людоедом и номадом
Пустим чашу мы по кругу.

И съедим задок Раблея,
Обсосем Эхилла гузку,
А потом, приятно бляя,
И друг друга на закуску.

¹Так реальность исправляет плюрализм (Прим. дотошного читателя).

Попытка Л. Копелева возразить на это:

Нет, не пьем за каннибалов,
Их, гунявых, слишком мало,
За исландцев - ни глотка!
Слишком их страна мелка.

Чужды плюралистских бредов,
Заявляем мы без форсу,
Что за разных прочих шведов
Не пригубим даже морсу.

Солнце всходит и заходит,
Дни бегут, шагают годы.
И в столетий хороводе
Гибнут царства. Мрут народы.

Их культуры все различны;
Много равных и не равных;
Нам за те лишь пить прилично,
Кои *великодержавны!*

Пьем за царство фараонов!
За величье Вавилона!
За империю шумеров!
И за персов выпить надо.
Вот где родины Гомеров,
Что там жалкая Эллада!

За монголов выпьем грозных,
Лучшей водки не жалея,
Библии у них серьезней,
Чем в убогой Иудее.

Будем пить мы без халтуры
Лишь за великие культуры.

Пост - эпитафия

*У чукчей нету Окуджавы¹,
К зырянам Слуцкий не придет.
(Из раннего Самойлова)*

Прекрасно показав свою эрудицию, Л. Копелев еще более показал несостоятельность своей мысли обычными для него передержками (Прим. автора).

¹Зато есть Рытхэу! Ха-ха! (Прим. автора).

О нелепости сионизма

Нам не надо Тель-Авива!
Пярун лучший город мира.
Здесь всегда кричат: "Эввива!"
Тем, которые Шапиро.

Ну-ка вы, простые парни,
Хватит лазать по Кавказу!
Соберемся в нашем Пяруне,
Отдадим арабам Газу.

В Газе гордые арабы,
В Пяруне смелые евреи.
Там теплее? Ну хотя бы.
Там теплее - здесь милее.

Полтора рубля без визы -
Койка вам и все удобства.
И имейте ваши кризы,
Не имея юдофобства.

Сионисты, те коварны,
И особенно в Ливане.
Мы, евреи, любим Пярун -
Пусть мы в море, пусть мы в ванне.

Без агрессий, контрибуций
Жить здесь можно до морозов.
И зачем же нам кибуцы?
Или мало нам колхозов?!

Милый Лева! Мир упрочим!
Сионизм опасен в мире!..
Заглянул бы, между прочим,
На Тооминга четыре.

Ответ на послания Льва Копелева

Перечитав твои посланья,
Где перлов, Лева, пруд пруди,
Я понял, ждать нельзя признанья,
У нас все, Лева, позади.

Ты, Левушка, поэт прекрасный
И в этом недооценен.
Где недо? Вывод, Лева, ясный -
Среди своих детей и жен.

Для прочих женщин ты красавец.
Великий, может быть, поэт.
А для своих ты кто? Мерзавец,
Каких на свете хуже нет.

Кто ты для всех? Великий Лева,
Борец за правду, плюралист.
А для своих? Любитель плова,
Любитель баб и эгоист.

Кто ты для всех? Отец прогресса,
Ты учишь нас, как надо жить.
А для своих ты кто? Повеса
И гипертоник¹, может быть.

Кто ты для всех? Не хуже Белля
Или не хуже Даниэля,
А для своих ты - пустомеля,
Вот в этом, Лева, и беда.

Ты для своих - сниматель дачи.
А был бы рыцарем удачи, -
Все, Лева, было бы иначе.
Да!

Ни шагу никуда!

Лев! Забудь свою люмбагу,
Излечи свой нос и зад!
Все в порядке. И ни шагу
Ни вперед и ни назад!

Впереди одни туманы,
Позади белиберда.
Будем ждать небесной манны,
А из дома - никуда.

Лева! Не первопроходцы,
Не адепты старины,
А нивзадцы-нивпередцы -
Вот надежда всей страны.

Потому забудь отвагу
И на долгие года

¹Копелев утверждает, что он гипотоник. Оставляю это на его совести (Прим. автора).

Ради родины - ни шагу
Никуда!

Июль 1977

Две баллады на одну тему

Л. Копелев

Пярнский эремитаж
Почти баллада

*На берегу балтийских волн
Гулял он, дум великих полн...
Из классиков*

I

Московской суеты хотел бежать пиит,
От шумных сутолок устав до гнева аж,
Он рвался в тишину, в леса, в пустыню, в скит,
Чтобы вдали столиц как скромный эремит
Воздвигнуть свой эремитаж.
И вот жена его на дальнем берегу,
Обласканном балтийскою волной,
Нашла предивный дом под крышею крутой.
И он в восторге рек: "Лишь здесь я жить могу,
Лишь здесь я обрету и прочно сберегу
Душе и музе надобный покой".

II

В эремитаже зажил наш поэт.
Завел во всем порядок строгий он.
С зари и до зари был с музой тэт-а-тэт,
Не мог им помешать весь белый свет,
Ни изумрудный сад, ни алый телефон.
Лишь чада и жена вторгались без препон,
Влекли на променад, на завтрак иль обед,
Пока не позовет обратно в кабинет
К священной жертве Аполлон.

III

Но, видно, гнев других завистливых богов
Привлек поэт к обители своей.
Едва дохнул зефир, едва притих Борей,

Как задрожал его, недавно тихий, кров
От стуков и звонков и зычных голосов...
И заklubились толпы у дверей.
Друзья, приятели, знакомые друзей,
Родня друзей, знакомцы их детей...
И гости всех сортов из разных городов
Неудержимо прут и прут на абордаж.
Читатель этот, почитатель тот;
Поэт-абориген вручает перевод;
Поэтик-ученик стопу стихов несет;
Приезжий режиссер на свой спектакль зовет.
Художник прибежал просить на вернисаж...
И музу бедную бросает в дрожь и в пот,
А Феб, неистовый, кифарой о земь бьет
И человеческим голосом орет:
"В печенку, в душу, в кровь и в рот!..
Отзыньте, падлы! Здесь эремитаж!!!
Жена смиренно рыщет в погранзоне
И спешно ищет остров робинзоний...

Д. Самойлов

Ответная баллада

На берегу пустынных вод
Стоял ты, Лева, полный дум,
Но в этот день приехал кум
И с ним кое-какой народ,
Пяток детей, пяток шабров,
Солагерников и коллег,
Философов и докторов,
Один ученый рыбовод,
Один полуученый грек,
Один художник, два певца,
Три неизвестные лица.
И закружился хоровод
На берегу пустынных вод.
А там, где город заложен,
Рои знакомых, внуков, жен,
У ресторанов и кафе
Пылают, как ауто-да-фе.
В смятеньи мчится Лева наш
В самойловский эремитаж.
Влетает он в эремитаж
И видит: там картина та ж -

Спят на диване два шабра,
Пяток друзей вокруг стола,
Пяток детей среди ковра,
Разгромлен кабинет до гла.
Сидит Самойлов чуть живой
С женою рядом в кладовой,
Грызут морковку на обед
И проклинают белый свет.
- Зачем с тобой принуждены
Мы здесь сидеть без всяких дум
И от московской тишины
Зачем умчались в этот шум?
И отвечает: - Сигану, -
Его печальная жена, -
Я в набежавшую волну,
Как персианская княжна.
На берегу пустынных вод
Бушует детский хоровод.
А Лева с Дезиком одне
Сидят до вечера на дне.
И думают: неважно где,
Всего спокойнее в воде.

Пярну

23.5.1977

Покаянное послание Льву Копелеву

Над твоей люмбагой, Лева,
Издевался я в июле,
А теперь меня самого
Боли в три дуги согнули.
Если б был я здоровее,
Написал бы "самого́",
Ибо только иудеи
Произносят таково.
Но хоть будь ты трижды негром,
Полиглотом и борцом,
Перед этим задним нервом
Ты не будешь молодцом.
Признаюсь, гуляя летом
С шалопаями на пляже,
Представлял тебя эстетом
И сюрреалистом даже.
Я тебя с проклятым Прустом,
Лева, ставил наравне

И с каким-то злобным чувством
Поносил твоей жене.
А теперь я, как Маркузе,
Сам дошел до безобразья,
Целый день лежу на пузе,
Натираясь разной мазью.
А теперь я хуже Кафки,
Сам дошел до кафкианства,
Пью лишь травки для поправки, -
Это все мое пианство.
А теперь я пал так низко,
Что забыл свои цевницы.
Каждый вечер массажистка
Трет мне ниже поясницы.
Вот как, Лева, я наказан
И теперь страдаю телом,
Ибо только по рассказам
Был тогда знаком с прострелом.
Был подобен негодяям,
Что играют на трубе.
Ибо, Лева, то, что знаем, -
Знаем только по себе.
Ты прости меня за злобность,
За незнание доброты,
Ведь люмбаги неудобность
Понимаешь только ты.
Лева, ты великодушен
И простишь меня за это,
Я и так болезнью скушан,
Что постыдно для поэта.
Снизойди к моим порокам,
Человечество любя, -
И флакон с оподельдоком
Мы поднимем за тебя.

Осень 1977

Наблюдение

Солнце светит на евреек,
А других оно не греет.

1976

Наблюдение сделано в августе 1976 г. на пляже в г. Пярну (Прим. редактора).

Левистансы

Да, я заяц, меня вы, конечно, не знаете,
 Пусть я заяц - и все же меня вы, конечно, узнаете.
 Жизнь моя, как кино, а точнее, как кинематограф,
 Ибо "Ну, погоди!" сочиняет мой лучший биограф.
 Я-то что! Но и вы погодите, охотник,
 Не стреляйте в меня, ибо жить я великий охотник.
 Почему, негодяй, захотели вы заячьей крови,
 Почему не едите капусты, кольраби, моркови?
 Почему, негодяй, вы не цените доброго зайца?
 А ведь заяц на ниве литературы подвизается.
 Среди зайцев ведь тоже свои есть Стендалы, Флоберы,
 И почти словно Лермонтовы или Аполлинеры,
 А у вас, у охотника, только дурные манеры,
 И мечтаете зайца ухлопать во имя карьеры...

1978

Как уже сообразил проникательный читатель, "Левистансы" являются пародией на пародиста Ю. Левитанского (Прим. редактора).

Послание Павлу Хмаре

Если б был я, Павел Хмара,
 Настоящий юморист,
 Я б прислал тебе товара
 Не один печатный лист.

Но поскольку, милый Павел,
 Я серьезного ума,
 Ничего я не отправил,
 Кроме этого письма.

Не могу острить за плату.
 И хотя я долго жил,
 Славу - пеструю заплату -
 Смехом я не заслужил.

В пиджачке гуляю новым,
 Словно птичка я пою,
 А обноски Ивановым
 Александром отдаю.

Как угодно пусть латают
 Славой пестрой пиджаки,
 Но, как птички не летают,
 Не щебечут, мудаки.

В заключенье, Паша Хмара,
Всем привет из Эстимаа!¹
(Паша - чаша, Хмара - чара -
Рифма просится сама).

Павел Хмара - один из признанных столпов отечественного остроумия, поскольку работает на 16 полосе ЛГ, каковая считается остроумной.

Истории из жизни философа Куурво Мудика

Куурво Мудик родился во время дружеской попойки и вскоре занял видное место среди пярнуских философов-мытлемистов.

Его подлинное имя Август Лим.

Он жил долго и умер накануне войны, предварительно предсказав ее начало. Его последним заветом было построение памятника Неизвестному философу. Проект этот пока не осуществлен.

К. Мудик много путешествовал, изучал теорию и, главным образом, практику различных философских школ.

Он был знаком с работами Энгельса, но особенно увлекался учением китайского мыслителя Лю-Кина².

Сам термин "философия" К. Мудик отрицает, заменив его понятием "мытлемизм" от эстонского глагола "мытлема", что означает "шевелить мозгами".

В данной книге даны избранные изречения из главного труда пярнуского философа - "Апофеоз медитативного мытлемизма". Труд этот сохранила дальняя родственница мыслителя, престарелая Гамадрила Фюнф, она же передала его издателю.

Рассказы о жизни Куурво Мудика собраны мной у жителей города, для которых философ является неисякаемым источником легенд и анекдотов.

Данное издание имеет своей целью впервые познакомить широкого и полуширокого читателя с основами мытлемизма и представить ему колоритную фигуру его автора.

Иных целей это издание не имеет.

Остроумный ответ одной даме

- То, что я так быстро вам дала, я готова дать и во второй раз. - сказала Куурво Мудиду молодая вдова, у которой он находился в гостях.

- Кто дает быстро, дает дважды, - ответил Мудик и стал одеваться.

Разговор с господином Заадом

Однажды разгневанный владелец мясной торговли господин Тынис Заад приступил к Мудиду со словами:

¹Эстимаа - по мнению эстонцев, так называется Эстония (Прим. автора).

²Во время пребывания в Москве носит имя - Владимир Лукин (Прим. редактора).

- Я слышал, господин философ, что вы посещаете мою жену в моем отсутствии!

- В таком случае мы квиты, - ответил ему Мудик, - ибо и вы бываете у своей жены в моем отсутствии.

Размышление о репе

Рассматривая огромную репу в огороде пастора Пыльда, философ сказал:

- Эта репа напоминает мне дни моей молодости. Именно на такую репу я упал из окна спальни господина советника Кюхелькранца в городе Геттингене.

- По какой же причине произошло падение?

- Скорее всего, вследствие земного притяжения, - ответил философ.

Раннее развитие Куурво Мудика

В детском возрасте Куурво отличался необычайной сообразительностью.

- Что делает ветер? - спросил его школьный учитель.

- Гуляет в голове вашей супруги, - отвечал Куурво.

- Откуда ты это взял, мерзавец? - вскричал, рассердившись, учитель.

- Это утверждает господин учитель Закона Божьего, - отвечал Куурво, чем поверг всех в изумление.

Комплимент

Отдыхая в постели торговца Заада, Куурво Мудик заметил:

- Я чувствую себя, как на пороховом погребке.

- Как вы мило умеете польстить женщине, - сказала супруга торговца.

Пастор и пиво

Сравнивая пастора Пыльда с пивом, Куурво Мудик сказал:

- Пиво входит медленно, но выходит быстро, оставляя при этом приятное опьянение. Пастор же Пыльд входит быстро, но не выходит долго, а когда выйдет, не оставляет ничего.

После этого случая пастор, приходя к философу, стал прихватывать бутылку ревеневой.

Мнение Мудика о Лю-Кине

К. Мудик высоко ценил китайского мыслителя Лю-Кина.

- Длинное он излагает кратко - таково его первое достоинство. В кратком изложении он умеет достичь глубины - это его второе достоинство. О третьем же я умолчу.

Никто не мог добиться у Мудика, чем особенно славен Лю-Кин. Философ только улыбался и качал головой.

Куурво Мудик о законном браке

- Почему вы не женитесь, господин Мудик? - спросила одна из кокетливых дам.

- Фортепиано я предпочитаю брать напрокат, - ответил философ. Оба долго смеялись.

Случай, достойный удивления

С К. Мудиком случались самые невероятные происшествия. Вот одно из них.

Во время небывалого шторма, который из наблюдательности наблюдал философ, ветер необычайной силы поднял и забросил его через слуховое окно на чердак мясного торговца Т. Заада. Начавшееся наводнение помешало Мудикю, чрезвычайно деликатному в таких случаях, удалиться, не потревожив семью.

Пытаясь продолжать наблюдение разбушевавшейся стихии, философ задел в темноте какие-то предметы, произведшие неприятный и неуместный шум. На этот шум по крутой лестнице поднялся хозяин дома со свечой.

- Что вы здесь делаете? - вскричал он в изумлении.

- Произошло небывалое в природе. Я заброшен сюда штормовым ветром. О чем прошу вас немедленно письменно засвидетельствовать, ибо я обязан срочно сообщить об этом в Международное общество Необычайных происшествий.

Торговец был в полном недоумении, из которого вывела его жена, прибежавшая на шум.

- Вы не шадите себя ради науки, господин философ! - вскричала она.

- Нисколько, - отвечал Мудик. - Такого рода происшествия доставляют мне наслаждение.

После чего, получив две свидетельские подписи под кратким описанием необычайного события, спустился вниз, чтобы поужинать с хозяевами дома.

Философ и воры

Вернувшись поздно вечером, К. Мудик застал у себя двух воров.

- Прошу прощения, господа, - сказал он с обычной вежливостью, - но, боюсь, что здесь нет ничего для вас полезного.

- Действительно, господин философ. Зря мы старались. Здесь нет ничего ценного, - отвечал один из воров.

- А это, мерзавец! - вскричал разгневанный философ и, оглушив преступников томом "Медитативного мытлемизма", передал их в руки полиции.

Надгробная речь

Выступая с надгробной речью на похоронах торговца Тыниса Заада, скончавшегося от апоплексического удара, Куурво Мудик в частности сказал:

- Все свое свободное время, которого у него было крайне мало, покойный посвящал помощи ближним. Именно поэтому ближние все свое свободное время тратили, чтобы помочь господину Зааду.

- Говоря о ближних, господин философ, вы, вероятно, имели в виду себя? - спросил пастор Пыльд по окончании панихиды. - Почему же тогда слово "ближний" вы употребили во множественном числе?

- Из уважения к памяти усопшего, - сказал Куурво Мудик и снял шляпу с пастора Пылда.

Куурво Мудик и дарвинизм

Решив изучать дарвинизм, К. Мудик купил в Таллинском зверинце небольшую обезьяну. Некоторое время наблюдая за ней, он сказал:

- Нет, человека из тебя не получится.

Вскоре обезьяна сдохла. Философ поглядел на труп и сказал:

- А вот жилет из тебя получится.

О родственных чувствах

Дни и ночи изучая философию Конфуция в своем любимом мягком кресле, К. Мудик на двадцать второй день почувствовал некое шевеление под своим сидением. Встав, он обнаружил только что вылупившегося цыпленка.

- Откуда здесь это существо? - воскликнул философ.

- Это я, видя вашу усидчивость, подложила под вас куриное яйцо, чтобы ваше усердие не пропадало даром, - ответила старая кухарка Иэха.

Философ испытывал к цыпленку нечто вроде отцовских чувств. Он велел содержать и кормить его отдельно от других кур. А когда из цыпленка выросла прелестная курочка, Мудик никогда не ел яиц, снесенных ею.

- Неприятно думать, - говорил он, - что ты ешь всмятку или вкрутую своих собственных внуков.

- Однако вы охотно едите чужих внуков, - заметила кухарка Иэха.

- В этом и смысл родственных чувств, - отвечал ей философ.

Из "Апофеоза медитативного мытлемизма"

Ну как? Да так.

Многие думают, что жизнь сложная штука. Сложная, но не штука.

Главное думать, а не воображать.

Остричь в пении нельзя.

Люблю природу, но не люблю стихию.

Есть ли вечная любовь? Не думаю.

Смысла жизни в общем нет. Он есть только в частностях.

Дети - цветы жизни. Но им нужны железные клумбы.

Дружба - это когда можно ни с того, ни с сего приехать к человеку и поселиться у него.

Слияние душ все равно что коктейль: слить-то можно, но попробуйте разлить обратно.

А есть ли душа? Не думаю.

Многое не имеет границ, например, бюст госпожи Т. И вселенная. Это поразительно.

Представить себе можно все, что угодно. Например, что господин Заад подарил мне ключ от своей спальни. В этом преимущество воображения.

И все-таки: есть ли смысл жизни? Смотря когда.

Свобода невозможна без равенства, равенство невозможно без братства, братство - без изобилия, изобилие без труда, труд без сознательности, сознательность без просвещения, просвещение без науки, наука без ученых, а ученые должны обладать любознательностью. В конечном счете свобода зависит от любознательности.

Любопытные хороши тем, что не рассказывают о себе, а спрашивают о тебе.

Тянушка должна тянуться, липучка липнуть, дурак - дурить, а женщина - иметь бюст. Иначе зачем они?

Философия - объяснительная записка к агрегату, который заведомо не работает. Мытлемизм же разъясняет, что агрегат вовсе не нужен.

Философы предпочитают объяснять мир, вместо того чтобы его перделывать. Хорошо устроились!

Фридрих¹ прав. Жизнь есть способ существования белковых тел. Важно выбрать правильный способ. И, конечно, иметь под рукой белковое тело.

Кто не соответствует, тот не может, а кто не может, тот не соответствует. На этом построено все современное общество.

Попробуйте умереть два раза!

Что такое любовь? Неизвестно. А что известно?

Любить не нужно, а можно, кому нужно.

Человек образуется впоследствии. А кто не образуется - туда ему и дорога.

¹Имеется в виду Фридрих Энгельс (Прим. автора).

Тот, кто пьет без зауски - мерзавец; тот кто закусывает и не пьет - просто сволочь.

Вот что интересно: что ничего не интересно.

Любовь как наказание при хорошо устроенной полиции: она неотвратима.

Постигать истину головным путем - все равно что надевать штаны через голову.

Приходя в гости, человек без зазрения совести съедает чужое; принимая гостей, без расчета отдает свое. Если бы не привычка спать после обеда и не обычай отсиживать после компота, оба удовольствия мы имели бы в чистом виде.

Одну бутылку нельзя выпить два раза, как верно заметил Гераклит. Но и две бутылки нельзя выпить два раза. Некоторые советуют покупать три и делить на два раза. Но это уже совсем нелепо. Тогда уж лучше покупать четыре.

На коренные вопросы: зачем жить? Как жить? На что жить? С кем жить? - мытлемизм отвечает кратко. Затем, как-нибудь, на что-нибудь, с кем-нибудь. Но предпочтительнее полные блондинки.

Еще вопрос. Что значит "ближний"? "Некий" или "всякий"?

Атеист подобен пьяному пассажиру, который забыл, куда едет; верующий подобен трезвому пассажиру, который знает, куда едет. Но многие напиваются в пути.

Легче влезать, чем вылезать. О, люди!

Люди любят все исключения, кроме исключения со службы.

Финские бани поучительны. При любой температуре нужно не кипятить, а получать удовольствие.

Если есть другие обитаемые миры, интересно: почему там картошка? Н. утверждает, что это вопрос глупый. Пусть попробует задать на эту тему вопрос умный.

Утверждение "любовь - не картошка" предполагает возможность сопоставления и, следовательно, некоторое сходство любви с картошкой.

Что сказал бы Аристотель, оказавшись в летний день на женском пляже? Это трудно предвидеть. То, что сказал бы мытлемист, я скрою от читателей. А вот Платон ничего бы не сказал. На то он и Платон.

Мой сосед башмачник в пьяном виде говорит своей супруге: "Ты - сука!" Гете, Сервантесу и Таммсааре не хватает краткости и энергии стиля.

Чем дольше будешь стоять за справедливость, тем дольше будешь сидеть за справедливость. Мытлемизм предполагает лежать за справедливость.

Как занять денег без отдачи? Занять и не отдавать.

Голая задница в бане. Не смешно. Голая задница в публичном месте. Смешно. Муж в постели. Не смешно. Муж в постели, а любовник под кроватью. Смешно. Муж под кроватью, а любовник в постели. Еще смешнее. Человек зарезался кинжалом. Не смешно. Человек подавился огурцом. Смешно.

В смехе есть что-то противоестественное.

Смешно - это свинья с комплексом неполноценности или очки для кошки.

Есть и спать за другого нельзя. Можно ли вообще что-то делать за другого?

Сперва надо выяснить, есть ли справедливость, а потом уже бороться за нее.

Все-таки: что есть "ближний"? Некий или всякий? Это важно знать, если действительно решаешься любить ближнего.

Смысловые тонкости. "Нужник" всем нужен, но предназначен, чтобы в него клали (как писатель Н.); "ненужник" никому не нужен, но не предназначен, чтобы в него клали (вроде писателя М.). Речь идет о снобизме.

Пастор Пыльд сказал мне, что редис надо поливать каждый день. Поливай!

Мытлемизм родился из моей головы, как Афина из головы Зевса. Удивительно точное сравнение.

Не путать крестный путь с крестным ходом!

Попробуйте выступить перед публикой с рассказом о ваших любовных страданиях и вы поймете разницу между поэзией и прозой.

Что у трезвого в рюмке, то у пьяного в животе.

Вся истина в вине. Мытлемизм полагает, что не вся: часть истины в закуске.

Человек создан для счастья. Это верно. Но почему - "как птица для полета"? Это придумали любители дичи.

Поэзия не должна иметь практической цели, как золотая каемка на пипифаксе.

"Я мытлю". Но это еще не значит, что я существую. Во всяком случае, существую неподобающим образом.

В чем суть мытлемизма? Да ни в чем.

Мытлемизм - не философия, а способ жить, т.е. понимать, что желток это тоже белок.

Истина - это правда по истечении времени.

Материализм - дело возрастное.

Чувство юмора не применимо к семейной жизни.

Как бы все-таки узнать: что к чему?

Пастор Пыльд сказал, что, увлекаясь женщинами, мы теряем нечто от духовной чистоты. Не сказал, что именно.

Пастор Пыльд порой не лишен остроумия. Сравнивая жизнь человека с шитьем пиджака, он добавил: "Тот, кто не верует в загробную жизнь, шьет ни для кого". "Но можно шить для себя", - возразил я. "Для себя шьют только плохие портные", - отпарировал пастор Пыльд.

Бог. Представьте себе изобретателя паровоза, который служит машинистом на всех поездах одновременно.

Есть ли точка зрения у мухи? Скорее всего нет. А жаль!

Хам - это тот, кто думает, что он не свинья.

Некоторые полагают, что море есть нечто большее, чем огромное количество воды, непригодной для питья. Если сравнить его с пивом, поймешь, что не в количестве дело.

Если распрямить Швейцарию, она будет по территории в два раза больше Европы.

Всей Эстонии не хватит на устройство одного Эвереста. Пришлось бы прихватить и Латвию. К счастью, это неосуществимо.

Мытлемизм считает, что все должно оставаться, как есть, иначе будет, как никогда не было.

Нет ничего, что было бы значительно по сравнению с вечностью. А если ее нет?

Если вечности нет, можно ездить в поездах без билета.

Почему человек не устроен, как птица? Щебет его был бы невыносим.

"Я" это не "не-я". Но это надо понимать правильно.

И все-таки "ближний" это не то же самое, что "каждый". Иначе ничего не получится насчет любви к ближнему.

Предполагается, что человек выше коровы и поэтому его понимание назначения коровы выше, чем ее понимание собственного назначения. Интересно, каково наше назначение с высшей точки зрения, тем более, что большинство людей не дают молока?

Материалисты отчасти правы, что основа познания чувственный акт. Иначе как бы я познал прелести госпожи Заад? С другой стороны, прелести девицы Фюнф кажутся соблазнительнее. При чем же здесь чувственный опыт? Это удар по материализму.

Что такое говно с точки зрения высшего разума? То же самое.

Почему пьянство дурно? Из-за непонимания, что трезвость еще хуже.

Из ста умных получается один дурак. Это заметно на народных гуляниях.

Спорт - отходы техники. С изобретением телеграфа не нужен марафонский бег.

Спортсмен - это лошадь-пижон эпохи автомобилей и локомотивов.

Чемпион - это тщеславная лошадь-пижон.

А любитель спорта - всадник без головы.

Чтение и почтение

Пьеса во многих действиях

Список действующих лиц:

(см. соответствующий архив, папка 687/016-76А Гриф: "Хранить вечно").

Действие I

ХАРИТОНОВ: Я позвал вас, друзья, прочитать новое мое слабоватое, но все равно, как говорят в "Новом мире", замечательное произведение. Можно ли начинать?

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Да! Да!

ХАРИТОНОВ: Повесть или, скорее, роман называется "Мяско". Название несколько напоминает Фолкнера, но вы увидите, что вовсе и не напоминает.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Да! Да!

ЛУКИН: А коньяк - сперва или потом? (Неискренне) Лучше потом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Потом! Потом!

ЛУКИН: Поскольку есть два мнения, я предлагаю разделить коньяк на два этапа - на сперва и на потом. Это будет демократично и не по-китайски (Наливает, пьет).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Да! Да! (Наливают, пьют, особенно Графов).

ХАРИТОНОВ (переноса это безобразие): Итак, начнем!

ГРАФОВ (остроумно): Начнем, пожалуй.

(Дальше в первом действии Харитонов читает повесть или, точнее, роман "Мяско". Гаснет свет.)

Действие II

ХАРИТОНОВ: Вот, обственно, и все.

ЛУКИН (просыпаясь): Замечательно. Дивный сон. Ты меня прости, Марк, если я чего-то не понял. Но то, что я понял - замечательно.

ДИКОВ: Я все понял. Но ты знаешь, я понял, что чего-то не понял, что поняла Нина. Можно я ей позвоню по телефону?

ГОЛОСА: Она здесь.

ДИКОВ: Здесь? Ну тогда все в порядке.

НИНА: Знаешь, Марк, ты написал глупость. Замечательную, но глупость.

ДИКОВ: Именно.

КИМ: А по-моему, не глупость!

ДИКОВ: Именно. Именно все вместе и составляет.

КИМ: Спойте, друзья! (Поет).

(Весь конец второго действия он поет, поэтому действие продолжается до ночи)

Действие III

ЛУКИН (просыпаясь): Замечательно провели вечер. Люблю ин-интеллектуальные развлечения. Марк, ты не думал о том, что ты - Марк?

МАРК: Думал.

Лукин: Марк Лициний Красс, Марк Аврелий, Марк-евангелист, Марко Поло, Марко Вовчок...

МАРК: Все замечательно, кроме последнего.

ЛУКИН: Но он был женщина.

МАРК: Это другое дело. Хотя примерно одно и то же.

ЛУКИН (окончательно проснувшись): Но это же надо печатать? Где?

ДИКОВ: В самиздате!

ДИКОВА: В тамиздате!

ГАЛЯ: В "Новом мире"!

ЛУКИН: Поскольку есть несколько мнений, предлагаю сперва допить коньяк, а потом печатать в "Новом мире".

КИМ: Замечательная идея! (Допивает коньяк). Жалко, водки нету (Пост).

Действие IV

НАРОВЧАТОВ: Я созвал вас, товарищи, чтобы сообщить приятное известие: к нам едет Харитонов.

СОТРУДНИКИ: Как Харитонов? Тот самый Харитонов?

НАРОВЧАТОВ: Да! Марк Лициний Красс Харитонов, краса и гордость нашего журнала, единственный автор недеревенской прозы.

СОТРУДНИКИ: А Трифонов?

НАРОВЧАТОВ: Ну, знаете! Какая же у Трифонова проза!

(Входит Харитонов)

НАРОВЧАТОВ: Алё! Встать! (Все встают). Здравствуй, братец! Ты со мной попроще, без чинов. Зови меня просто ваше превосходительство.

ХАРИТОНОВ: Здравствуйте, ваша светлость!

НАРОВЧАТОВ: Ты уж скажешь! (Он явно польщен). Давай-ка твой роман. "Мяско"? Это для "Юности". Там все легковесно. Назовем его "Туша".

ХАРИТОНОВ: Но у меня в иносказательном смысле. А туши и во все нет.

НАРОВЧАТОВ: Неважно. Надо учитывать цензурные условия. Алё! Надо?

СОТРУДНИКИ: Надо!

НАРОВЧАТОВ: Вот видишь. Глас народа - глас божий. Что-то, братец, роман у тебя тощий, всего на три номера. Ленишься, небось.

ХАРИТОНОВ: Никак нет.

НАРОВЧАТОВ: То-то. На "Тушу" не тянет. Назовем "Гузно".

ХАРИТОНОВ: Невозможно, ваше превосходительство. У меня все иносказательно, а "Гузно", так сказать, раскрывает идею.

НАРОВЧАТОВ: Гордый ты, братец!

ХАРИТОНОВ: Гордый, ваше превосходительство.

НАРОВЧАТОВ: Ну, если гордый, ступай в бухгалтерию.

(Подписывает аванс. Занавес.)

Действие V

В Переделкино. Ввиду отсутствия Харитонова действие не представляет интереса. Поэтому опускается.

Действие VI

В типографии. Здесь печатается номер "Нового мира" с романом Харитонова. Наборщики читают текст и молча восхищаются. Сам Харитонов отсутствует, поэтому действие не представляет интереса.

Действие VII

К. Рудницкому

Костя! Я уже не светел
И не ясен стал умом,
Потому и не ответил
На письмо тебе письмом.

Иногда я забываю,
Где бываю, с кем пиваю,

Где брожу и где сижу,
Где лежу, на ком лежу.

Впрочем, эти неполадки
Я бы каждому простил.
Забываю тех, кто гадки,
Вспоминаю тех, кто мил.

После разных испытаний
Вспоминаю Катю с Ваней,
Вас, которых я любил
И еще не позабыл.

Правда, может, только имя
Произнес я невпопад.
Но не спутаю с другими,
Тут маразм не виноват.

Да! Она звалась Татьяна!
Вспомнил, как это ни странно!
Костю ж звали Константин.
Он такой у нас один.

Как приятно! Таня, Костя!
Повторяю как в бреде
И напрашиваюсь в гости.
Вспомню адрес - и приду.

О Козакове - а пропос

Басня

Мой друг Мишель,
С утра покинувши постель,
Спешит на студию картину ставить,
Чтоб людям удовольствие доставить.
Есть эволюции законы,
Которые понять нам не дано.
Когда-то ставил он пистоны,
А нынче ставит он кино.

Нехорошее послание Абызову

Что же это ты, Абызов,
Написав моей жене,
Ты как будто бросил вызов,
Не послав привета мне!

Не со мной ли ты, Абызов,
Вдруг задумал враждовать!
Ведь тебя со всех карнизов
Сброшу я, едрена мать!

Ты довел меня до гнева
Мерзкой грубостью своей,
Ты, туды твою налево,
Павиан и лиходей!

Знай, во гневе я, Абызов,
Страшен, если захочу.
И тебя от всех капризов
Очень скоро излечу!

Повезло тебе, Абызов,
Что теперь не тот момент!
Я не ждал таких сюрпризов,
Думал ты - интеллигент.

Как выяснилось, поэтом двигал не столько гнев, сколько подыскание рифм к "Абызову" (Прим. редактора).

Послание Ю. И. Абызову

о сомнительности стекла

Те просто дураки, я думаю, Абызов,
Которые стекло чтут выше всех сервизов.
Еще бы понял тех, кто чтит весьма хрусталь.
Но бьется и хрусталь. А это очень жаль.
Обрезаться стеклом, сам знаешь, очень просто.
И вообще в стекле я зрю неблагородство.
И знаешь, почему сие проистекло?
Однажды довелось мне лбом разбить стекло.
Иная вещь фарфор, какой-нибудь японский
И даже, наконец, какой-нибудь саксонский.
Вдруг в доме денег нет, в семействе ад и глад.
Бери сервиз, таши в комиссионку, брат.
И вот ты вновь богат и жрешь себе индейку.
А за стекло бы ты не выручил копейку.
И в окна бы пора поставить плексиглас,
Ведь безопасней он и утешает глаз.
Выходит, что неправ бывает Ломоносов.
А ведь какой поэт! А ведь какой философ!
Но все ж, хотя его заслугам нет числа,

Ошибся наш старик по линии стекла.
О чем же сей трактат? Коль мыслить мы умеем,
То до всего дойдем, назло чужим идеям.
И коли хочешь ты с умом иметь альянс,
То покупай фарфор и, может быть, фаянс.
В фаянсе тоже смысл. Хоть смысла нет ни в чем.
А заведешь стекло, то я здесь не при чем.

Послание свидетельствует об изменении взгляда российской прогрессивной интеллигенции на стекло в соответствии с материалистическим духом и "диалектикой природы" (Прим. редактора).

Пантрягин и Обозов

Опыт антиалкогольного эпистолярного
романа на излете эпохи

Глубокоуважаемый Егорий Иванович!

Помните Вы Пантрягина Евграфа Мокеевича? Наверное, не помните. Да и я Вас не помнил, а напомнил мне про вас Тутаев Гриша, которого я на базаре встретил, он репу покупал, здесь репа очень хорошая. Гриша еще работает, а я на пенсию вышел в этом году. Вот он мне и говорит: помнишь Егория Ивановича, бухгалтера у нас на Рыбкомбинате? Так он тоже на пенсию вышел, живет в городе Риге, совсем близко. Тут я вас вспомнил, взял адрес, думаю: напишу письмо. А про себя я напомню. Я в разделочном работал, роста среднего и, что характерно, худой, волосы редкие. Так это я. Помните, меня раз в вытрезвитель взяли на восьмое марта и стишки такие в "Не проходите мимо" были:

Пантрягин Евграф
Заплатил штраф.

Так это именно про меня. Теперь, наверное, вспомнили.

Глубокоуважаемый Егорий Иванович! Давайте с Вами переписываться как старые товарищи по работе и фронтовики.

Коротко расскажу о себе и если вас устроит моя анкета, то жду от вас ответа. Не хотел, а в рифму получилось. Я хотя и пенсионер, но продолжаю трудиться на базе ночным сторожем. Ночью, чтоб не спалось, письма пишу бывшим товарищам. Дежурю через ночь. Днем, конечно, запасаясь, тут меня знают, часто приходят: выручи, Евграф Мокеевич. Выручаю. Так что окупаю и себе. Супруга удивляется. Вроде, говорит, всю зарплату домой приносишь, а приходишь, еле на ногах стоишь. Это, говорю, рыбный дух влияет. А от меня и верно рыбой несет, копченой и всякой. Забивает любой запах.

Живу я теперь в городе Пярну, хороший такой городишко с населением эстонцев. Квартира - две комнаты с кухней, туалет в холодной прихожей. Со мной жена, а дети кто где.

Но про них напишу в следующий раз, если получу ответ.

С большим приветом к Вам

10.3.78

Евграф Пантрягин

Евграф Мокеич, дорогой!

Конечно, я тебя помню. Как закрою глаза - сразу как живого вижу. Только мне сдается, тогда тебя все же иначе звали: Данил Софронич, помоему. Ты, вроде, от алиментов уклонялся и по другой трудовой книжке устраивался. Вот что Пантрягин, - это точно. А насчет имени - тут какое-то разночтение.

Нет, я тебя хорошо помню. Может, только путаю с кем-нибудь. Но это нам не препятствует. Ты пиши мне смело. У меня свободного времени тоже много. Телевизор я долго смотреть не могу - у меня от него мельтешение в глазах начинается, врачи говорят, будто на почве алкоголя. Будто я больше других пью, может, даже и поменьше, хотя, конечно, компанию стараюсь не обижать.

Что ж, давай переписываться. Дело наше такое, стариковское. Вот мне кажется, что твоя провинция не в пример фасонистее моей. Это если отсюда смотреть. Говорят, убоину вы чуть ли не еженедельно варите. Это надо же... А еще я вот думал, откуда взялось такое слово - Провинция. Даже соседа своего спросил. Сосед у меня - лектор, исключительно идейный и знающий человек. Информирован про все туго, как в свой буфет бегаёт, тут же дополнительную информацию волокет. Спросил я его, ну, он и понес что-то несуразное - про Рим да Прованс, потом распалился, стих прочитал: "Здесь - тень диадохов! Там римских провинций границы. Там длань Тамерлана и бич ему снится!" А я почему запомнил - очень мне эти диадохи показались, во, думаю, хорошо при случае в очереди огреть, вот и попросил на бумажку списать. Но я так полагаю, что Провинция - это где больше про винцо толкуют. И про баб, конечно, но про баб тут не вмещается, да и при детях часто зазорно сказать, вот и опушено.

А как эстонцы твои? Уживаешься с ними? Чухонцы они все, конечно, и без понятия души. Нет, я за своих латышей ничего худого не скажу, но тоже те еще нацмены. Понимаешь, немцев все из себя строят. Хитрость такая: раз ты, мол, по-немецки не трекаешь, так мы можем по-своему лопотать, будто немцы мы - и взятки с нас гладки. Ничего, когда надо, очень даже хорошо по-русски волокут. Да и я уже немного намастачился. Скажешь: "Вай збкуска бус". И он тут же тебе закивает: "Бус, бус!" Значит, будет тебе збкуска, разливай давай!..

Но ты не думай, что я все за стопарь держусь. Сам знаешь, человек я культурный. Почитываю, когда свободное время есть. На днях гляжу, племянник книжку держит. Кто, говорю, писал? Винокуров, говорит. Поглядел я, ничего, грамотно и в душу западает. Списать я не успел, но так кое-что запомнил:

Моя супружница стирала,
Варила щи, пол подметала,
И я с ней беспечально жил -
Не зря, выходит, глаз на нее положил...

Вот такие пирожки, дорогой Евграф, но чего-то мне сдается, будто как Данил. Ты гляди, я ведь теперь на пенсии, мне расчёту нет на тебя дело заводить, мне лишь бы свой человек был, по душам потолковать.

Пиши, не стесняйся. Заодно поделись, чем у вас от запоя нынче лечатся? У нас средства хорошие есть, только мало помогают. Может, не тем кусываем?

Остаюсь с гражданским приветом

14.3.78

Егор Исаич Обозов

Многоуважаемый Егор Исаич!

Тут вышло множество разных ошибок. Во-первых, встретил я на базаре Гришу не Тутаева, а Переплюева. А Тутаев помер, о чем ниже. Во-вторых, я не Данил Софроныч, а Демид. А Демид тоже не я. А я, как писал вам, Евграф Мокеевич Пантрягин. Демид тоже с нами работал, но сейчас до него рукой не достать - заведует конторой вторсырья в Липецке. Вон куда махнул. А в-третьих, Переплюев и тебя перепутал, ты оказывается не Егорий Иванович, а Егор Исаич. Но это все равно. Мы как были, так и останемся старые товарищи по работе и фронтовики. А Тутаев Гриша погиб через свою обидчивую душу и через грубость Карамазова.

Ты, наверное, читал произведение "Братья Карамазовы". Так это написал брат нашего Карамазова. Я лично не читал, но говорят, написано все как есть. А наш Карамазов, придави его горой, кладовщик, отпускает шифер по госцене, но с наценкой 20 коп. в пользу себя с каждого листа. Тутаев Гриша шифер у него брал - 60 листов для сарая, по наряду, и не знал, что с него полагается еще 12 рублей, Карамазову магарыч. Гриша шифер забрал, а Карамазову оставил пять рублей на поллитру, как положено. На что Карамазов, сосчитав деньги (они были рублями и мелочью), позвал своего помощника, молодого юношу, и говорит:

- Отвесь на пять рублей разных гвоздей и отнеси по такому-то адресу Тутаеву. И скажи: на тебе от Карамазова, желаю тебе повеситься на самом большом гвозде.

Молодой юноша так исполнил. Когда пришел к Грише, тот уже начал сарай крыть и потому сидел внизу и допивал бутылку. А вторая у него стояла в теничке, чтобы выпить потом. Молодой юноша отдал гвозди Тугаеву, а тот сперва удивился, потом стал ругаться на Карамазова и юношу молодого тоже задел, сказавши: "Все вы воры!" Тот сперва не хотел передавать Грише злые слова Карамазова, а тут сам возмутился, тем более, что Гриша ему выпить не предложил. И он говорит: "Повеситься бы тебе, живоглот, на самом большом гвозде".

Гриша от этого сильно расстроился, выпил вторую и задумался. Что он думал в тот момент, никому не известно. Но вскоре встал, прибил к стене сарая самый большой гвоздь и на нем повесился насмерть, благодаря пресловутому Карамазову. Ну, а дальше произошли похороны, про которые напишу тебе в другой раз, потому что ко мне стучат, видно, кому-то понадобилось. А у меня всегда на дежурстве припасено.

На этом до свиданья, с приветом, крепко жму руку. У нас с мясом хорошо, есть говядина парная, кура, свинина постная, а на базаре эндейка. Только на кофий цена повышена, но я его не пью, у меня от него голос пропадает.

Стихами не балуйся. Тугаев Гриша, покойник, тоже раз на меня написал: "Евграф заплатил штраф". А вон что потом вышло.

А Винокурова я знаю лично. Он сейчас в горторге экспедитором. Недавно у него язва открылась.

Насчет Прованса не знаю. Думаю, что многие города называются по продуктам. Как, например, Нежин от нежинских огурцов. Или Тула от тульских пряников. А Прованс - ясно, от прованского масла. У нас, между прочим, подсолнечное масло очень хорошее. Кстати, мимо Москвы проезжая, вижу я: станция Подсолнечная. Да и сама Москва, возможно, произошла по названию от московской особой. Но на этот счет достоверно не знаю.

Уважаемый тебя

17.3.78

Евграф Пантрягин

Уважаемый Егор Исаич!

Тот раз мое письмо прервал как раз Винокуров. Но тоже оказался не тот. У него язва, ночью не спит, вот и пришел ко мне на дежурство белой подлечиться. Я ему говорю: зачем стихами балуешься? А он: это не я, а Винокуров Евгений, однофамилец из Москвы. Я, говорит, всю фамилию свою знаю. Есть генерал Винокуров, племянник. Наш Винокуров у генерала гостил в 1946 году, в Овруче, да с генеральшей не поладил и уехал на третий день. А еще есть Винокуров в Коммунохозе. Тот оказался нашему двоюродный брат. Наш к нему приходит: здравствуйте, мол, братец. А тот: ты не Ермошки ли Винокурова, подлеца, сын? Так вон с глаз моих! Вот как оно бывает с родственниками.

Ты пишешь об евреях. Это все правильно. Я их не обожаю. Евреи хуже сионистов, как говорится - друг за другом лезут цугом. А хорошие бывают редко. У нас один на весь город: Теофил Мойсеич Филькинштейн. Он с Гришей Тутаевым, покойником, вместе работал и живут рядом. Он православный, правда, и по Грише сильно убивался. Гришина вдова хотела Гришу похоронить, как положено, в церкви, с отпеванием. Но священник наш заартачился, потому что самоубивцев отпевать не положено. Баба пожаловалась в местком, а там говорят: гнать надо таких попов. Но сделать ничего не могли, священник уважаемый, бывший фронтовик. А тут Теофил Мойсеич все взялся уладить. Пошел к бабушке, объяснил ему за Гришу, что тот тоже фронтовик, награжденный и уцелел в войну только случайно, мог бы и погибнуть. Так его и отпевали, как бывшего воина, а не как наложившего на себя руки. На поминках все плакали и священник Теофила Мойсеича обнимал и плакал, говоря: скоро и в святой церкви от вас проходу не будет. Очень все убивались по Грише.

А на следующий день приехал Карамазов, брат Гришиного погубителя. Он статьи пишет, подписывается Б. Карамазов. Оттого и вышла ошибка. Тут кое-кто думал, что Б. значит - брат, т.е. брат Карамазов. А он оказывается Борис. И произведение "Братья Карамазовы" писал не он, а писатель, который давно помер. А про Бориса пока ничего не могу написать, потому что он только приехал. И они с братом обмывают встречу четвертый день.

Вот какие чудеса бывают на свете.

Я жив-здоров, чего и вам желаю.

Про цены напишу подробно в следующий раз.

С уважением

Евграф Пантрягин

Значит так, дорогой Евграф!

То недоразумение, которое я сразу в смысле тебя имел, теперь выясняется. Я тут написал Серафиме, помнишь, на кадрах у нас сидела и самостоятельностью руководила. Шустрая была. Написал и узнал, как да что.

Вот ты помянул про стих "Пантрягин Евграф заплатил штраф". Так ведь никакого штрафа ты так и не заплатил. В бухгалтерию на тебя из вытрезвителя счет приходил, это точно, и уже хотели из тебя высчитывать. А ты давай доказывать, что оформлен ты вовсе не как Пантрягин Евграф Мокеич, а Данил Софронич Самыгин, и на то трудовая книжка есть. Хвать-похватъ, верно, ты оказывается по совместительству тогда был оформлен, но вот почему по другой книжке и на другое имя - никто в толк не мог взять. Шум начался, тебя урезонивали, а ты все на принцип поворачивал: раз счет на Пантрягина, я, как Самыгин, платить за него не буду.

И как все тебе с рук сошло, доселе не пойму. Но одно точно: штраф тогда так и не заплатил. Один стих остался.

Ты вот все на эти стихи недобро тянешь, что пустое это дело. Не скажи, Евграф, тут большая умственность содержится, и я бы даже сказал, что ха-

рактерно, большая хитрожопистость нужна. Мне вот это дано от бога. Я стих хорошо чувствую, запоминаю только плохо, всегда прошу на бумажку списать. Но иногда, грешным делом и сам сочиняю. Вот на днях про тебя думал, про стародавнее, и сам собой стих сложился:

В новых портянках Пантрягин Евграф
Ходит ну прямо как князь или граф...

Хоть сейчас в "Фитиль" отдавай!..

Очень меня твоя история про Гришу Тугаева тронула. Душевный, видать, человек был, коли не смог над собой такого поношения снести.

Вот ты про какого-то Карамазова пишешь, а потом что есть книжка "Братья Карамазовы". Слышать слышал, а в руках не держал. Как-то лектор мне показал книжку, которую нес, - не то "Братья Ежовы", а может и "Братия Ежова" и сказал: нужная книжка. Я сразу смикитил: дефицит. Дай сбегая, может, из-под прилавка достану, а потом махнусь на что-нибудь. Гляжу - в книжном магазине целая полка Ежовых этих стоит, в золоте. Э-э, думаю, не такая уж, значит, нужная. Нужная, это которую на растворимый кофий или на лосося горбушу тихоокеанскую меняют, или на колготки. А это что - нестоющее дело.

А вот скажи, Евграф, как у тебя по ночному делу, кроме водочки, бабловство какое имеет место? Или ты уже завязал в этом плане? Я, конечно, больше по возрасту своему только с точки зрения к этому отношусь. Но иногда еще разыграю - и с точки касания могу. Есть тут одна в бакалее. Озорная...

Будь здоров,
25.3.78

Егор

Уважаемый много Егор Исаич!

Ну и память у тебя, как у Пушкина или Феликс Эдмундыча Дзержинского. Тот, как чего заметит, никогда не забудет. Так действительно Самыгин был и именно Данил Софроныч, но он два года как помер, а я за него получал по совместительству, но только расписывался, а деньги тебе шли как бухгалтеру. Так что ты правильно про это пишешь. А стишок ты, ей-богу, написал складный. Моя баба Капитолина Ивановна как прочитала, говорит: ох, не могу! Смеялась. И про Гришу твое сочувствие очень трогательное, тем более, что ты его забыл. У него бабенка осталась. Я к ней захожу. Ты вот именно про это спрашивал. Так я захожу, потому что человек хороший, и Гриша мне был друг.

А Теофил Мойсеич как поругался с нашим батюшкой на поминках, так очень горевал. И на религию стал сердчать. Но его супруга Зося Антоновна говорит (она из поляков) - поезжай в Вильнюс, принимай католическую веру, если будет плохо, уедем в Испанию. Ну, он сомневался, потому что католическая религия строгая, там обрезавают второй раз. Но у него в

Вильнюсе оказался один ксендз знакомый, написал справку насчет обреза- ния. И теперь Теофил Мойсеич собирается в Испанию. Вызова ждет. Вот как оно у нас бывает. Теперь насчет Карамазова. Карамазов Борис ко мне приходил, говорит, брат у меня сволочь. И я теперь писать под имя Карамазова не буду. Теперь, говорит, я буду Рудин. Как увидишь это фами- лие, знай, что это я.

Вот, дорогой Егор Исаич, прописал тебе про все возможное. А теперь мне на дежурство. Насчет твоего вопроса, я тоже завязал, но не совсем. А в каком смысле, напишу потом. Потому что время нет.

За фото спасибо. Я тебя сразу узнал. Очень получился похожий. Посы- лай еще.

Кстати, как там Шуплецов Борис Всеволодович и Вера его Сергеевна? Не слыхал ли чего про них? Теофил Мойсеич говорил, что собираются в Бразилию, там тетка у них, или в Аргентину. Так что будь здоров.

Приписываю еще на дежурстве, потому что приходил Теофил Мойсе- ич. Получили они вызов в Испанию. А там вот какое дело. Ему должность предлагают после боя быков торговать мясом. Там в Испании такой поряд- ок - между собой не дерутся, а если чего, то дерутся с быком. Или ты его или он тебя. Но там, если подмазать, то быка дают смиренного. Зарежешь быка, а мясо идет в торговлю. Оттого там говядина дешевая. Испанцы се и есть не хотят, больше свинину и баранину. Так что с мясом можно протор- говаться. И насчет пересортицы там строго. Испанцы, знаешь, народ ди- кий, вроде чеченов, чуть им дашь не тот кусок, свободно могут зарезать. Потому Теофил Мойсеич сомневаются - ехать или не ехать.

Вот и я решил с тобой посоветоваться - ехать им или не ехать. К тому же, говорю, язык испанский тоже непонятный, как будешь разговаривать. А Теофил Мойсеич говорит: а чего с ними разговаривать, в ведомости на зарплату я распишусь, а больше - какой разговор? Я ему: а как в магазине, если промтовары или продукты покупать? Это, отвечает, там просто: паль- цем ткнешь или самообслуживание.

Вот видишь, какая проблема.

Я лично ему не советую.

6.4.78

Уважаемый тебя Евграф

Эх, Мокеич, Мокеич!

Вот ты долго не писал, а мне через это всякие мысли в голову лезли. А это нехорошо - кислотность в организме прибавляется, а от изжоги обрат- но на мозги влияет: в результате - запой. Это тебе все знающие люди ска- жут. Тем более какие нынче доктора. Вот раньше у нас был доктор Непий- вода Панас Тарасович, большой талант имел, хоть и ветинарный врач, только посмотрит на тебя - и сразу видит что к чему без всякого ренгена. Одна беда: изложить хорошо не мог, и без того малость был косноязыч-

ный, а выпивши и вовсе некоторые звуки, а то и слова забывал. И все равно люди его понимали, и большое уважение имели.

Более того, я ведь тебя даже во сне видел. Мне сны часто снятся. Бывают такие, что и лектор не берется разобрать. Ну, с него какой прок? Он все по научному диалектическому соннику их толкует, а тут живое понятие надо иметь. Лично я понимаю, почему мне все про китайцев сны лезут. Вот про израильтяев не лезут, потому что я их как облупленных знаю, и какое у них души устройство, и как они про деньги понимают, и какие бабы у них, меня бы к ним надзирающим послом. Так какой мне интерес про них сны глядеть. А вот китайцы - там все по-ихнему, по-китайски, не разбери-поймешь, потому и сны со всякой хреновиной, раскосые и наперекосяк. Даже рассказать тебе не смогу - какие, это самому надо видеть.

А уж последний сон и вовсе меня вывел из точки равновесия. Сам поуди. Сижу, будто только полмитрия раскрыл, банку вспорол на закуску, скумбрию в томате, и уж стакан к губам подношу, - и вдруг будто соседка вбегает, Медведева Галина Ивановна, въяве-то, вроде, баба рассудительная и сама стакан мимо рта не пронесет, а тут орет не по-хорошему: "Да ты что, Егор, не слышал - новый указ вышел, запрет есть, чтобы одному не пить в целях борьбы с индивидуальным алкоголизмом!" Тыфу ты! Плюнул я и вроде как проснулся, ан нет, только чтобы я убедился, что обратно сплю. Ну, коли так, иду на улицу, на угол, где ларек, одному мигнул, другой сам примкнул, вот нас уже и трое. Только в банку из-под горчицы первую норму налили, как дружинник подходит: "Вы что, дядьки, нарушаете? Разве не знаете, что постановлением горсовета больше трех не собираться?!" Так нас же только трое, говорю я будто. А он: "А я уже четвертый. Так что свободно под нарушение подпадаете". Тыфу ты! Плюнул я - и опять вроде как проснулся. Ладно, думаю, все равно я вас уделаю. Захожу в пельменную, беру полторы порции пельменей и бутылку. Ставлю это на стол, берусь за бутылку, гляжу, а на этикетке толстыми буквами: "Перед употреблением сдай стеклотару!" Ну тут уж я по-настоящему проснулся и назло им всем и в одиночку выпил, и на угол сходил, и еще лектора перехватил, а у него в портфеле виски из ихнего распределителя была, ну, мы ее тоже усидели под разговор о сновидениях. Ему тоже всякое снится. только он без разрешения Главлита не все может рассказывать.

Ты вот, Евграф, вопрос у меня спрашивал за Шуплецова Бориса Всеволодыча. Так он сейчас лежит в больнице на обследовании. Больницу там новую построили, и знакомая врачиха его чуть не первым туда устроила, потом трудно будет. А первым полегче. Лежит грустный, как не в себе. И ведь что характерно - наотрез отказывается сдать кал и мочу. К нему и так и этак, сдай, Борис Всеволодыч, лучше сдай, мы ж тебя уважать не будем, если не сдашь, а он уперся и ни в какую, вы, говорит, государя императора убили, не желаю - и все. Хоть бы ты ему написал, Евграф, усвести его, ведь он к тебе в больницу приходил, а один раз даже со мной, когда тебе глаза чинили.

Не знаю, что тебе за Филькинштейна посоветовать. Сложное это дело - очень даже просто можно прогадать. Испанцы для меня навряде тех же китайцев, кто их поймет. Я бы лично не поехал, если бы даже посылали, я бы деньгами взял и дома остался.

Ну, ладно, Евграф Мокеич, будь здоров, кончаю писать, тут у меня всякие делишки накопились, опять же тару надо сдать.

Пиши!

12.4.78

Егор

Уважаемый Егор Исаич!

Мне сны не снятся, потому что время нету. Я и телевизор-то не каждый вечер смотрю, а сны смотреть мне и вовсе некогда. Да и сам знаешь - работа у меня ночная. Спать можно, а сны смотреть не годится. Засмотришься и обокрадут. Вот в силу всех этих причин мне сны не снятся. А только иногда вижу отдельные предметы: постоят в уме и исчезнут. Я насчет снов читал, что это буржуазный предрассудок. Нет, брат, не совсем предрассудок, а скорее примета, а примета дело верное, особенно для русских людей. Потому что иначе как определить, что дальше будет. А примета определяет. Вот я в той же книге, где про сны, читал, что Наполеону как раз перед тем, как начать наступление на наших великих предков, заяц дорогу перебежал. Не надо было и начинать. А он тоже, небось, думал: заяц буржуазный предрассудок. Нет, у нас в России заяц не предрассудок, а примета, хотя, между прочим, почти вовсе вывелся.

Так вот, мне на той неделе приснилась буква, какой вовсе нет в алфавите. Приснилась и исчезла. Я даже нарисовать мог, а названия не знаю. Не знаю почему, обеспокоился, пошел к нашему журналисту Борьке Карамазову, говорю: здорово, Карамазов, вот такое и такое дело. А он мне: во-первых, я тебе, дураку, сказал, что я не Карамазов теперь, а Рудин, как у Тургенева, то есть благородный человек, а не такая сволочь, как мой брат Анфим Карамазов, а во-вторых, приснилась тебе буква ижица из старого алфавита. "Что же это должно означать?" - спрашиваю. - "А то, - отвечает, - что пропишут тебе ижицу".

И правда. Через три дня у нас ревизия, переучет. У меня двух ящиков рыбы недостача. Копченой. Это ночью - придут просить жидкого, а с собой прихватят и копченого: за всеми не усмотришь. Конечно, два ящика недостача левая, но что плохо получилось - не поделился с завскладом. В общем скандал. Однако, тут Борька Рудин выручил, бывший, как я вам писал, Карамазов.

- Я, - говорит, - как Рудин, благородный человек, не допущу, чтобы ты, Евграф, пострадал через ижицу, тем более я тебе ее предсказал.

В общем, пошел он к завскладом, договорились списать не два ящика, а шесть: три для комиссии, один на немедленное употребление, а два, те, которых недосчитались. Пронесло.

А ты говоришь - сны!

Насчет политики я не интересуюсь. Газеты читаю, но невнимательно. В политике, я думаю, надо понять один раз, а дальше можно вовсе не понимать.

Возьмем, к примеру, китайцев. Я в детстве помню: ходят, под видом продажи игрушек. А дети вокруг - тогда и дети побольше понимали - спрашивают: "Ходя, соли надо?" Китаец так улыбается и отвечает: "Надо". Ему перед детьми скрывать нечего. А ведь в Китае соли мало, а народу много. Там соль дороже сахару раз в шесть. Китаец за соль на смерть пойдет. А мы уши поразвесили: дружба, руси-ханди, им хлеба посылаем, рису, чтобы отъелись после войны. Кормили, вообще, сам помнишь. А китаец про соль никогда не забудет. Как у нас чуть поослабло, они и предъявили снова: "Давайте соли! Ходя соли надо!"

И если это понять, то никакой удивительности в политике нет. И с Китаем тоже.

Насчет Филькинштейна за совет спасибо. Но он все равно уезжает. Только в Пензу. И вот почему. При обмене паспорта Зося Антоновна нашла его метрику. И оказывается с ним ошибка давно произошла. Он оказывается не Филькинштейн, а по рождению Филькин из Пензы. А Штейна ему во время войны приписали, когда по броне оставляли в Челябинске. На самом деле он Филькин. Богдан Матвеевич. И теперь хлопочет насчет медали за Отечественную войну, как участник. Я его спрашиваю, как же это все получилось? Но он говорит, что это дело совершенно секретное и государственная тайна. Помнишь, говорит, Зорге? Вот какое интересное дело. А личность, говорит, мне тоже пришлось изменить при помощи операции носа и других черт лица. Сейчас они в Пензу едут к сестре Филькиной, Наде. Она в войну всех родных потеряла. А сейчас писательница Агния Барто ей, как бывшему ребенку, нашла брата. Приезжала сюда. На вокзале хотела меня обнимать как брата, но ей указали на Филькина, она его обняла. Личность, говорит, вашу забыла, но братом признаю. Заплакали оба. На этом кончаю. Бумага кончилась.

А насчет Борис Всеволодыча, очень он хороший гражданин, уважительный, и обратно же Вера Сергеевна тоже уважительная. Я как к ним приеду, обязательно поставят бутылку и закуску, очень культурные люди.

А в болезни главное делать анализ. Сейчас без анализа даже на работу не берут. Ведь анализ, он говорит про микробу, а от микробы и происходит болезнь. Это уже установленный факт. У нас, правда, врачи науку не признают, просто так лечат лекарствами. Но здесь с этим делом туго. Один есть знакомый доктор Федермессер, так он лекарства не прописывает, говорит: кому положено помереть, тот и так помрет, а кому выздороветь, тот и так выздоровеет.

А Борис Всеволодычу я бы написал, да адреса его не знаю, так что ты мне пришли.

Евграф Мокеич, дорогой!

Долго тебе не писал. Но, стало быть, причины тому были. Первая и единственная - в мысли я был погружен. Я и вообще-то много про жизнь думаю. А как было тебе писать, так и вовсе озадачился. Решил это для краткости буквами тебя обозначить. Написал уже: Е.М. Потом гляжу: это что же получается, вовсе матерно? Конечно, при случае я могу тебя так обзывать. Но ведь я этого намерения не имел, вот что характерно. А ежели бы тебя звали, к примеру случая взять - Харитон Ульяныч Иевлев. И попробуй я тебя сократи - это же и в ворота уже не лезет, а только на заборе писать.

И стал я думать, до чего все в жизни многосмысленно, и во всем на свете своя заковыка есть. Про многое думал.

И вот с приближением дня Победы стал обратно вспоминать, как это осуществили. Помнишь, Евграф, первые херовые дни, когда мы отступали и пить у нас ничего не было, кроме противоипритной жидкости. Уж до того поганая, что хуже ее только сам иприт был. А люди пили. А выпивши, обалдевали, а которые поумнее, понимали, что дальше так нельзя. И держались, а раз держались, то тут сразу и улучшение положения: глядишь, спирт-сырец появился, а как пошли сами в наступление, тут и водка положенная тебе норма, ежели уцелел, из термоса старшина нальет, а коли мало кого уцелело, то и их норму примешь. Ну, уж тут остановиться трудно - и пошли мы переть все дальше. И уж как к ним вошли, там вовсе чего хочешь пей - во бочки, с дом! Но тут, слава Богу, и войне конец. Командование тоже знало, что делало.

Я это лектору изложил, тот головой крутит, конечно, говорит, диалектика есть: говорит, желание связать причины-следствия, но с ног на голову поставлено. Хотел я ему, конечно, врезать, но прострел меня замучил, резких движений делать не могу, стакан, и тот держу в одной позиции.

Рассказ твой про Филькина меня вовсе сразил, Евграф. Это что же получается, мало того, что они под нашего брата перекрашиваются, так еще и нашего брата под себя красят. А как же его теперь в натуру будут возвращать после обрезания?

И чего этой Зосе надо было шум поднимать - поехала бы себе в Испанию с ним, а там нашла бы себе кого другого. Теперь, небось, локти кусает, а могла бы в мантилье ходить и ножку сквозь чугунные перила продевать. Теперь шалишь, из Пензы не вырвешься.

С дружеским ветеранским приветом

28.4.78

Егор

Уважаемый Егор Исаич!

Думал было тебе написать, загодя поздравить с Праздником Христовым и с Первомаем, да сперва заколготился с огородом, а там произошел

случай, что едва к Дню Победы очухиваюсь. В общем, с праздниками тебя и супругу поздравляю. А насчет огорода, у меня семена укропа есть, бра- зильского, на нем ягода вырастает желтая, с палец, а пахнет укропом. Ес- ли надо, пришлю. Но дело не в этом. Случай произошел вот какой. Копаю я перед Пасхой грядки, вдруг Борька прибегает Рудин: быстрее, Мокеич, надевай ордена-медали, бери инвалидную справку, по дороге расскажу. Вижу, дело важное, собираюсь, бежим по городу.

- Куда бежим? - спрашиваю.

- В книжный магазин.

- А что там?

- Подписка.

- Какая?

- На словарь.

- На какой-такой словарь?

- На толковый. Четыре тома.

- А что, разве бывают словари бестолковые?

- Потом, - говорит, - объясню. Нажимай, Мокеич, не то опоздаем.

Прибегаем в книжный магазин. А там уже очередь стоит, десять инвали- дов. Мы одиннадцатые. Некоторых инвалидов под руки держат, чтобы не упали. Держат приличные люди, учителя. А инвалиды из нашего шалмана, с утра уже еле стоят. Завмаг женщина объявляет, что на словарь есть десять подписок. А мы с Борькой одиннадцатые. Объявляет, что подписка только инвалидам Отечественной войны по справкам. Перед нами же стоит, вернее, еле стоит, одноногий на протезе по фамилии Сельдерей, его весь город зна- ет, никакой не инвалид Отечественной войны, а ногу потерял, когда работал на мясокомбинате - сунул спьяну в мясорубку для колбасных изделий.

Ну, мы с Борисом его из очереди высадили, а заодно и его педагога, ко- торый его держал под руки. Незнакомый оказался.

В общем, подписались. Борька говорит:

- Пойдем, Мокеич, я тебе бутылку поставлю.

А я его спрашиваю: скажи, мол, Борис, что же это за толковый словарь?

Он отвечает, это, говорит, словарь, все слова объясняются, что значат.

- А, к примеру, задница тоже объясняется?

- Натурально, говорит.

- Тогда, - говорю, - такой словарь может и мне пригодится. И не зря подписку дают только инвалидам Отечественной войны. Значит, требует- ся, чтобы именно они все слова понимали правильно и разъясняли, как авторитет, прочему населению. Эту подписку, говорю, я себе оставлю, чем читать книги, где слова поставлены в беспорядке, лучше читать словарь и понимать, что какое слово значит, например, блядь...

- Там таких слов нет, - говорит Боря.

- Это жалко, - говорю, - но и других слов в русском языке довольно и их специально доверяют инвалидам Отечественной великой войны, чтобы

охранять от засорения, как в газетах пишут. Это вы, говорю, молодежь, слова засоряете, а нам приходится расхлебывать ваши безобразия. А что такое блядь или проблядь, я и сам знаю. В общем, говорю, не ты мне, а я тебе поставлю бутылку и пойду читать полученный первый том.

Рудин, конечно, опечалился, но на бутылку согласился. Пошли мы в один шалман, называется у нас Телевизор, благодаря окнам.

Выпили мы мою бутылку. Потом Борис все же поставил. И вошли мы в самую норму, когда надо именно еще выпить. А денег у нас больше нет. Тут, я гляжу, сидит педагог, что был с Сельдереем, и печально пьет один свои сто грамм. Незнакомый.

Я говорю Борису:

- Слушай, Боря, а на кой нам хрен этот словарь, что мы с тобой, иностранцы, чтоб не знать свои собственные слова? Ты вот говоришь, что там есть слово "задница", так я и без словаря знаю, что это жопа. Тем более, что этого слова, наверное, и в словаре нет.

Посмотрели первый том - действительно нет.

- Так что это, говорю, за словарь, где нет самых нужных слов. Давай отдадим подписку Сельдерееву педагогу, а сами выпьем с тобой, потому что именно сейчас и хочется выпить.

Гляжу, Борис соглашается.

Тот педагог, конечно, обрадовался. И оказался вовсе не педагог, а отдыхающий из Таллинна зав.комбинатом бытового обслуживания. Отдали мы ему подписку. Ставит он бутылку. И тут мы уже пришли в самую норму, когда выпить еще надо. На бывшую подписку берем еще две. Педагог из комбината с нами уже подружился и начал Бориса обнимать.

Говорит: жалко у меня отпуск кончается, потому свободных денег уже нет. Но это ничего. Давайте подписку отдадим, кому требуется, а мы купим три билета до Таллинна, там меня жена ждет и вас тоже ждет и даже обидится, если мы все не приедем.

Так и поступили. Подписку у магазина продали, а сами сели в автобус-экспресс до Таллинна, ехать два часа.

Мы и задремали. Пока ехали, педагог наш немного отрезвел и домой вести нас постеснялся. Говорит: я жене позвоню, чтобы не скандалила. А сами пока поедем на аэровокзал. Там и выпьем, а супруга тем временем подготовится нас встретить. Ну, он, видно, в Таллинне человек авторитетный. Занимает у администратора сто рублей, и мы начинаем по новой. И, конечно, надо сказать, тут уже немного перехватили и погрузились во мрак.

Просыпаюсь я, рядом Борис спит, оба сидим на скамейке в аэровокзале. Бужу Бориса, говорю: вот оно какое дело - педагог-то наш ушел, а нам как до дома добираться? Решили ехать на поезде без билета. А сами не знаем, когда дело происходит, - сегодня или вчера.

Вышли мы на улицу и оказались в городе Пенза. А как туда попали - до сих пор удивляемся. Наверно, тот педагог из Таллинна, чтобы в гости не

звать, купил билеты на самолет и отправил нас в Пензу. В общем, для краткости: еле отыскали мы Филькина. Он нас и отправил домой на следующий день.

Сам Филькин здесь хорошо устроился и нам даже обрадовался. Работает дегустатором мыла на мыловаренном заводе. Нюхает и определяет сортность. Нам с Борисом подарил по куску "Пензенский анемон", туалетное. Зоя Антоновна тоже устроилась педагогом на вечерние курсы иностранных языков. Преподает испанский, который и сама начала изучать. Пела нам из оперы "Кармен", только в переводе по-русски. Неплохо.

Им в Пензе обоим нравится в смысле быта и снабжения. Квартира двухкомнатная с балконом. Говорит: балкон напоминает ей Испанию. Плохо только с католической религией, в Пензе ее вовсе нету. На это она обижается.

Вот тебе, Егор Исаич, краткое описание моего можно сказать приключения.

Вот книги до чего иногда доводят.

Привет супруге Вашей.

22.5.78

Уважаемый Ваш Евграф

Уважаемый Егор Исаич!

Как я тебе описал предыдущие события, вот их продолжение. Вернувшись из Пензы, склада своего я не застал, поскольку он сгорел. И я оказался без службы и к тому же хотели отдать под суд. А дело в том, что пока меня не было, надо было склад охранять и потому временно взяли Сельдерея до выяснения, куда я делся. Сельдерей же, хотя и на одной ноге, в складе отыскал место, где у меня хранился запас. И запас этот он весь выпил и в нарушение противопожарной инструкции склад поджег при исполнении служебных обязанностей. Я приезжаю, а тут полный сыр-бор. Сельдерей сваливает все на меня, но я доказал, что пожар произошел при моем отсутствии. В общем договорились, что увольняюсь я по собственному желанию за хранение личных вещей в общественном месте.

Тут и Борис Рудин помог, Карамазов то есть. В целом привлекли Сельдерея. А я решил использовать очередной отпуск и съездить тем временем в Москву, где у меня племянница, наша воронежская, девочкой знал, а она теперь замуж вышла за поэта Левитанского. Мне ее тетка писала, что квартира пять комнат, около вокзала. Я телеграмму давать не стал, чтобы не беспокоить со встречей и приехал к Валюхе утром на поезде "Эстония", вагон третий.

Валюха меня сперва не узнала, да и ее не узнать, и приняла сперва за водопроводчика из Жека - у них туалет протекает на поэта Самойлова. Но я ей говорю: "Не узнаешь дядю Евграфа, я тебя в сопливом еще возрасте на руках, можно сказать, качал!"

На разговор вышел поэт Левитанский, впоследствии оказавшийся Юрием Давыдычем, такой солидный из себя, спокойный мужчина, участник войны, ветеран. Он первым долгом спросил, если я действительно являюсь дядей, то не знаю ли я столярную или другую какую работу. Я ему отвечаю, что любую работу знаю, поскольку был и монтером, и водопроводчиком, и столяром и любое дело у меня от рук не отвертится.

Левитанский говорит своей супруге, поскольку твой дядя русский умелец, пусть поживет у нас и кое в чем поможет, в частности переложит плитку в туалете и сделает, чтобы не текло на соседей. Я, конечно, всей душой, почему не помочь, если родня, и Юрий Давыдыч оказался человек уважительный, тут же поставил бутылку, потом я сбежал, и очень расспрашивал, как живут у нас в провинции в смысле питания и культуры. Я его заверил, что у нас все в порядке, и вынул гостинцы - копчушки балтийские, кильки и другое. И с культурой у нас тоже хорошо, пиво бочковое всегда есть и приезжал певец Иосиф Кобзон.

Валюху с девочками (у них трое) мы на другой день проводили в Воронеж к моей куме, ее матери. А мы с Юрий Давыдычем остались, я у них весь ремонт в четыре дня сделал, потом ездил на ВДНХ и в ЦУМ. Москва город очень большой, но помогает метро, куда не пускают только в сильно пьяном виде, тогда надо брать такси. Промтовары и продукты есть, только народу в магазинах много. Да мне так особо ничего не надо было, только купил шампуню польского по заказу моей супруги банок сорок. И еще в магазине "Семена" - огуречные семена алтайского сорта, их засаливать надо прямо на корню, посыпая солью, а как посолятся, снимать. Ну вот. Поглядел я, как живут в Москве писатели, и со многими познакомился. Как узнали, что у Левитанского дядя появился на все руки, сразу стали забегать. У Николаева (тоже инвалид, между прочим, Отечественной войны, с одной рукой) я стенку сломал в библиотеке и построил камин. С Костровым ездил за румынским гарнитуром. Потом его монтировал, вместе раз шесть передвигали. Еще одному писателю телевизор исправил: брал только четвертую программу, т.е. одни постановки, а писателю надо быть в курсе. Один, Снегирев по фамилии, меня к себе привел, а зачем, забыл, но я ему стулья подклеил. А Самойлов, на которого мы протекали, так доволен был, что поллитра забыл поставить, но зато подарил книжку. Я ее прочитал. Складно написано. Называется "Весть". Посылаю тебе.

Писатели все люди уважительные, живут в смысле жилплощади очень хорошо. Но работа у них вроде моей бывшей - ночная, потому что днем они ездят в Союз писателей подавать заявления или ремонтируют квартиры. Денег у них у всех маловато, поэтому они больше занимают друг у друга.

Вообще мне писатели понравились и зря про них говорят, что они тунеядцы и все прочее. Писать - дело трудное, ведь, как мне объяснил Юрий Давыдыч, написать-то каждый дурак может, но попробуй понравиться редактору, а их по десяти на каждую книжку. Юрий Давыдыч сказал, что без

них писали бы лучше, но я не думаю: на то и щука в море, чтобы карась не дремал.

И вот я, пробыв две недели в Москве и многое повидав, о чем напишу впоследствии, вернулся домой и устроился временно работать на колесо обозрения. Работа хорошая. Я в травке держу запас. И по знакомству наливаю по граненому стакану, чтобы выпили, будучи на верхней точке и обозревая город. План я сразу стал перевыполнять в три раза. Награжден уже почетной грамотой: "Ударнику народного просвещения".

Как видишь, живу не жалею. Привет тебе и твоей супруге поклон.

Уважаемый тебя Евграф Пантрягин

Дорогой Евграф Мокеич!

Ты уж меня извиняй, что я долго тебе не писал, но тут ты сам виноват: столько у тебя всяких событий и переживаний, что я в черную зависть впал, а на этой почве обратно в запой. А когда у меня запой, то я писать плохо способный: в руках дрожь, в глазах черные бусинки, но, что характерно, мысли я не теряю, мысли, они всегда при мне и даже, я бы сказал, ясность в них некоторая наступает. Но что с нею делать - не знаю.

Ты вон в Пензе побывал, и в столице. Такого масштаба действий я от тебя, право, не ожидал, хоть ты в смысле образованности и начитанности в сравнение со мной не идешь. Вот и поэзию не признаешь, а судьба тебя со всякими поэтами, хоть и через куму сводит. Ты ведь небось и слова-то путного с ними не мог сказать или к случаю чего процитировать, вроде как: "Да, были люди, наше племя, не то что в нынешнее время" или "Зачем вы, девочки, красивых любите?"

Вот ты так и не пишешь про Винокурова, он что, с ними в одном доме не живет? Интересно все-таки, чей он будет, генерала Микеша Винокурова племянник или леспромхозовского кладовщика Гриши Винокурова свойственник? Зря ты это не узнал.

Вот что с Самойловым познакомился, это хорошо. Книжку я его всю прочитал, и жена прочитала, сейчас сосед Иван Гаврилыч читает, хоть и по складам, а там Лектор очереди ждет. Самойлов на меня произвел. И что характерно, я как-то почуял, что он еще тот бабник, может, сейчас и отставной, но ходок, видать, крупный был. И тут у меня к тебе, Евграф, просьба есть. Пусть этот Самойлов через тебя мне такую стихотворную отмычку сочинит, чтобы я мог к любой подступиться. Ну, к любой-то в моих годах уже ни к чему. Но все ж таки...

Когда я молодой был, лихой такой парень, была одна Тася. Я и так и этак, а она ни в какую. Тогда я пишу ей стишок, лирический: "Дорогая моя Тася, ты бы, что ли, отдалася!" И скажи, в тот же вечер все и состоялось. Сразил ее этот стих. Вскорости Нюшка подвернулась - я и ей катаю: "Дорогая моя Ася (Анна все ж таки, можно и Асей звать), хорошо б ты отдалася!"

И тут сработало. Я уж было успокоился, теперь у меня неразменный рупь в кармане. Ан не тут-то было... Подсовывает мне судьба на пути Клавку. Я тык-мык - не рифмуется. Скажи, три вечера сидел и высидел такое: "Дорогая моя Клава, про тебя худая слава. Только мне чего пугаться - я готов тебе отдаться". И вместо всего ожидаемого - в итоге, так сказать, сумма прописью: два раза мне по морде. Про худую славу ей не понравилось, а то, что тут рифма себя оказывает, ей по серости наплевать. Правда, вскорости я ее все равно заприходовал и сактировал, но тут уж она сама объяснила: "Очень ты уж руками горазд шарить, только через это я и не устояла".

А вот теперь опять нужда приспела - на слова больше нажимаю, руки уже не те, и кудрей почти не осталось, хорошо бы стишок такой иметь. А то есть на комбинате бытовых услуг одна очень способная дамочка, Клеопатрой звать. Я даже и не умудрюсь, как ее ласково назвать - Клепа, что ли? Вот чувствую, что через стих ее можно пронять, а как - таланту не хватает. Отпиши этому Самойлову, пусть войдет в мое положение. Он, говорят, тоже бывший фронтовик. Должен же понять, что не стареют душой ветераны...

Очень меня заинтересовал твой рассказ про Филькина. Только одно недоумение - ты же писал, что он раньше доктором работал, а теперь на мыльном заводе. Что же, его разжаловали из докторов, что ли? Если за религию, то за какую? Если он теперь просто Филькин, то католиком ему быть неуместно. А уж Зося сама знает, как ей способно. Только на что же она теперь испанский учит? Ужели не оставляет надежды на Испанию? Так ведь там одни террористы живут. А из еды одни лишь лимоны будто бы остались, и тех не хватает...Но это так Лектор только на лекциях своих объясняет. А как на самом деле - тоже толком не знает...

Поскольку ясность мысли меня временно оставила, письмо кончаю

1.7.78

Егор

Дорогой Егор Исаич!

Письмо твое насчет стихов я получил. Пустое это дело. Если заняться, то ничего трудного нет. Вот я тебе про твою Клавку:

Заходи-ка, Клавка,
Ждет тебя Евграфка.

Слишком ты человек любезный и обходительный. Я бы ей врезал.

Приходи к Егору
Для личного разговору.

Ну и так далее. Если б я, как твой Самойлов или Левитанский, столько времени на рифмы ухлопал, то писал бы, может, получше их, потому что у меня тем больше и жизнь полная происшествий.

Вот, кстати, я сочинил и еще одно призывное стихотворение, которое вообще для всех годится:

Отдай сердце девичье
Для Евграф Мокеича.

Это уже художественно. Поскольку, как объяснил мне Юрий Давыдыч, художественное - это то, что для всех годится, как безразмерные носки.

Насчет Филькина, что он был доктор, объясняю так. Поскольку он не Филькинштейн, а Филькин, то, следовательно, и не доктор, и вся биография у него другая.

А насчет Самойлова не обещаю, потому что не знаю, когда с ним увидимся. Ты лучше бери любое его произведение и для себя изменяй по надобности. Например:

Появляясь к тебе, дорогая Анна Ивановна,
К твоим милым и легким бедрам,
На пороге меня обнимая, Анна Ивановна,
Сразу ты мне поставь триста грамм.

А с работой у меня так обстоит. После премии и почетной грамоты случилось происшествие, что Рудин Борька с колеса упал в алкогольном состоянии, что его и спасло. Однако переломал три ребра и сотрясение мозга, ввиду употребления напитков. Тут разбирательство и прочее. Пришлось уволиться по собственному желанию, в связи с преувеличением инициативы.

Я, снова уволившись, беру очередной отпуск. И опять направляюсь в Москву смотреть художественные выставки и также помогать писателям строить свой новый быт. Про это напишу в следующем письме.

А насчет денег ты правильно пишешь. Их нет. Но подработать в Москве можно. А у нас - один блеф, есть такое слово.

Итак, ввиду отбытия, привет. И супруге.

10.7.78

Уважаемый вас Евграф

Уважаемый Егор Исаич!

Пишу тебе из Москвы, города-героя. Уже вторую неделю живу у племянника Юрия Давыдыча, но работаю по другим квартирам. Конечно, тяжело, в день рублей пятнадцать получается. И считаю, что дешево. Но я не для денег, хотя немного подработал, а просто для помощи писателям, которые много хотят сделать, но ничего сами не умеют и морилку от зверобоя отличить не могут.

Здесь дела так много, что не успеваю причаститься, да и Юрий Давыдыч сейчас в завязке, потому что семья уехала и у него работы тоже много, на что и жалуется. Так мы с ним и порешили - не будем. И пока держим-

ся, почти в рот не берем. Только утром перед завтраком я грамм сто пятьдесят беру. И, конечно, перед обедом двести. А потом уже - ни-ни, только вечером двести. И все.

Меня здесь уже все знают, даже детишки. И до чего, подлещы, смышленные и к смеху способные: называют меня дядя Ева. Я не обижаюсь. Дите есть дите. Но по совести сказать, писательский дом, когда привыкнешь, оказывается не такой интересный. А вот напротив дом старый, может, лет сто как построен, очень даже интересный, и если бы я туда не попал, то уехал бы дней через десять. А тут и не знаю, когда уеду.

Дело в том, что в этом доме до Великой октябрьской революции был бардак. Жили привокзальные бляди. Но бардак после НЭПа закрыли. А в доме поселились во множестве татары, которые тогда работали старьевщиками и частично дворниками. Там квартиры коммунальные, и народ живет очень даже хороший и дружный, несмотря на драки, которые происходят каждый вечер, особенно по выходным. Условия очень хорошие. Баня в том же дворе, жалко только, пиво бывает редко. Но магазин рядом, в соседнем доме по Астраханскому переулку. Так что если приедешь, то не ищи по городу, а прямо поезжай в Астраханский. Там увидишь.

Так вот. Юрий Давыдыч, поскольку заботится по двору об воздухе для своих детей, специально поехал в питомник на ВДНХ и привез саженцы кустов и плодовых деревьев, каких у нас не бывает, поскольку является последним достижением мичуринской науки. Особенно хорошо принялся бананово-фасольный гибрид. Растет быстро и уже на второй год дает фрукт величиной со стручок, но вкусом - банан. И Юрий Давыдыч эти свои посадки сам бережет, наблюдает и каждое утро в шесть часов поливает из шланга.

А шланг он берет у дворничихи из упомянутого дома Маруси Худайбердыевой, с которой я познакомился, поскольку сам помогал Юрий Давыдычу.

Ля-ля-ля, поговорили. Женщина она оказалась по всем статьям интересная, сорок пять лет, хотя морда немного татарская, но с лица, как говорится, воды не пить. Оказалась грамотная, сын двадцать семь лет, ученый по негритянскому языку, сейчас работает дипломатом в Африке, дочка двадцать два года, замужем за украинцем, но работает в торговой сети в комиссионке, специалист по старой посуде и рюмкам. Так что Маруся живет одна и говорит, что если человек культурный, то можно познакомиться, если пьет, но не скандалит. Особенно она уважает участников Отечественной войны, потому что ихний родственник Мусай Джалил оказался в эту войну героем, и посмертно присвоено звание за то, что писал по-татарски в условиях фашистского застенка. В общем я вечером к ней наведался в гости. Конечно, прихватил бутылочку, колбасы, сыру и пачку пельменей. Но она встречает и говорит, не беспокойтесь, у нас все есть, и вообще по нашему татарскому обычаю мы гостей сами угошаем биляшами и кумысом, но кумыса не достала, поэтому купила белого.

В комнате, несмотря на полуподвал, не чета писателям, вся мебель красного дерева, ковры до потолка, а посуды видимо-невидимо, стоит повсюду, даже под кроватью египетского производства сервиз. Это, она говорит. на всякий случай, английский сервиз на двадцать четыре человека, если бывают именины или праздники, или родственники приезжают из загранки или из Казани.

Очень культурно, но и она, оказывается, женщина культурная и много читала по истории. В частности, она говорит, что татары одно время в России повсюду командовали, но потом поняли, что установить порядок не удастся, поскольку их, татар, не так много, а русских и в городах, и в сельской местности повсюду очень много. Так что татары из правительства и из местных органов постепенно стали уходить и стали работать по городскому благоустройству дворниками и в торговую сеть. Таково и сейчас положение. А остальные уехали в город Казань, который за благоустройства царь Иван Грозный собирался объявить столицей, но потом передумал и приказал своему внуку строить Ленинград, который и был построен, ввиду моря. К тому же, говорят, и ваш великий поэт Пушкин тоже из татар, но не из казанских, а из турецких. А турки те же татары, только с образованием. Я, конечно, насчет Пушкина не стал с ней вдаваться. Но говорю:

- Вы, Маруся Муртаевна, насчет меня если думаете, что я инвалид войны, то я скажу прямо: я ветеран, а не инвалид. И насчет здоровья не жалуясь, а напротив. Так что не поймите меня превратно.

Она отвечает:

- Я вас понимаю не превратно. Но сперва закусите биляшей, купила в кулинарии, почти как натуральные. А пока согрется вода, вам вымыть ноги, потому что сами видите, какая у меня чистота и кровать египетского производства.

Вот такие, Егор Исаич, получились дела.

Теперь я у Юрий Давыдыча ночью редко. А утром Марусе Муртаевне помогаю по подметению тротуара и уборке двора и проезжей части.

Татарки очень ласковые и мужчину умеют уважить, если сбегать, то никогда не позволит, скажет: "Я сама сбегая". И еще сдачи принесет.

Так что жизнь у меня интересная. Крепим дружбу народов с татарами. Если будут происшествия - опишу.

А пока до свидания. От Маруси Муртаевны вам поклон.

Жду ответа, как соловей лета.

24.7.78

Из Москвы Евграф

Почтенный Евграф Мокеич!

Уж я тебе так скажу, что твои последние письма вгоняли меня в черную тоску, очень ты человек неосновательный, а все оказываешься, по-научному выражаясь, в самом центральном эпицентре всяческих дел и через

это встречаешься с интересными людьми. Сидел я, сидел и думаю, чего я сиднем сижу и даже, можно сказать, замшел. Вспомнил я свою артистическую молодость, как в самодеятельности играл и, надо тебе сказать, таки срывал аплодисменты. Зав. коммунхозом т. Тимофеев Ю. П. так мне прямо и говорил: "Ну ты, Егор, прямо комик!" А я и лирическое мог. И сплясать если, так никого против меня не было.

Вот и дернул я в эту самую Пензу, про которую ты писал. Все ж таки Филькин там, тебя иногда заносит туда. Значит, думаю, культурный центр. Приехал, гляжу, театр есть. Я прямо туда и к самому главному, он, конечно, из евреев, но я с этой нацией умею себя вести. Словом, нажал на него. И гляди в афишу, теперь я там на первом месте стою. Нарочно такой псевдоним взял, чтобы с первой буквы начинаться. И Егора на Юрья поменял. В театре все так делают. Ежели у актрисы своя урожденная фамилия, скажем, там Шилкина или Кривопяткина, она запросто говорит, а я вовсе Вронская или, скажем, пани Валевская. И это с милой душой приветствуют. Вот и я теперь Юрий Абызов. Работенка непыльная. Роль у меня в каждой пьесе всегда одна и та же. У этого еврея Рейнгольда бзик такой есть, что нынче никто никого не понимает по причине общей некоммуникабельности, я это слово нарочно на бумажку списал, вернее попросил списать, его ведь и после первой бутылки сходу не выговоришь. И вот он, этот еврей Рейнгольд придумал, чтобы в каждом спектакле был такой символ. Навроде как. А символ этот - я. Глухонемой. Выхожу, когда скажут. Постою, помычу, руками помашу, вроде как сказать чего хочу, а как пойму, что никто не хера не понял, то по-нашему, по-актерски говоря, покидаю подмостки. Конечно, без накладок не обходится. Иной раз увлечешься, да и скажешь чего-нибудь, даже бывает покрепче. Так они, до чего хитрожопистый народ! - придумали. Когда нужно, кто из актеров на сцене ближе, шопотком скажет: "Ступай, ступай, наливают уже!" А это значит, помреж стакашек наполняет, мне всегда после выхода подносят за кулисы для поправки. Сначала я рвался, я, говорю, еще могу, хоть в каждом действии. Но они объясняли: будешь все время на сцене торчать, а чего же тогда другим актерам делать, их же уволить могут за простой, жалованье люди потеряют, а у них жена, да по нескольку, дети. Ну, я уж пожалел. Стопарик от помрежа приму, а остальное сам добавлю.

Поклонники, конечно, есть, один полковник отставной, толковый мужик, зашибает крепко. Но один пить не может, и чтобы компания была интеллигентная. Ну, я ему в самый раз. Раньше, говорит, я эту интеллигенцию на понюх, говорит, терпеть не мог, и мозгов я этих самых уйму вправил, а некоторые и вовсе за ненадобностью в народном хозяйстве списал. Но под старость мнение переменял и даже себя в некоторых смыслах интеллигентом считаю. Большого опыта человек. И еще один - на тарном пункте работает. Бакенбардов ему фамилие. У этого деньги не пересыхают, сам понимаешь, при такой должности. Доходы министерские и все ос-

тальное, как на подносе. Чуть понадобится, сразу ставню захлопнул, бумажку нашлепал: "Тарный пункт закрыт по причине завалом означенной тарой" - и порядок. Тут же: Ньюша, принеси, Ньюша несет. Когда надо, и Зинаиду кликнет, это если вдохновение. Тут уж такие мизансцены имеют место, что куда тебе!..

Думаю в ближайшее время заглянуть в Москву. Так что ты не возражаешь, если у твоей Маруси Муртаевны тоже остановлюсь? Но пока что еду с театром на гастроли в Крым. Есть такой поселок Планерское, а в нем писатели летом живут. Вот и надо их культурно повышать.

С приветом к вам

22.7.78

Народный артист Ю. Абызов

P.S. А Филькина я в Пензе не нашел. Куда-то съехал, а куда - никто не знает. Что за притча? Неужто уже в Испании?

Егор Исаич!

У тебя, Егор Исаич, театр, а у меня чистый цирк.

Сижу это я под вечер рядом с Марусей Муртаевной на скамеечке возле первого подъезда дом пять по Астраханскому переулку, вдруг подъезжают "Жигули". Оттуда выходит невысокий такой и не особо полный гражданин с бывшей кучерявостью на голове, моих лет, и немного с заиканием говорит:

- Не вы ли известный Евграф Мокеич Пантрягин?

Я говорю: именно я.

- А я, - говорит, - писатель-поэт Александр Петрович Межиров. Узнал про вас от родственника моего, правда, дальнего. Юрия Давыдыча Левитанского. - А сам глаза косит на Марусю Муртаевну. А глаза у него, как две плоски, но чистые, как у дитяти. Мне это, однако, стало неприятно, спрашиваю:

- В чем дело. Излагайте короче.

А тот: - Хочу запустить вас на Евгения Александровича Евтушенку.

- На того самого?

- На того.

- А что значит - запустить?

- А это, - говорит, - сразу так объяснить трудно. И, может, даже сперва будет непонятно. Но потом все разъяснится.

Любопытно мне стало. Простился я с Марусей Муртаевной.

Я, мол, к вашим услугам.

Поехали. Километров за тридцать от Москвы по Минскому шоссе. А по дороге Александр Петрович мне объясняет:

- Евтушенко мой, говорит, ближайший друг. И сейчас попал в обстоятельства. А чтобы его из обстоятельств вывести, надо человека крепкого, который бы его зацепил. И если вы с Евтушенкой начнете и продолжите дня

три-четыре, то потом он либо сам одумается, либо его можно будет брать голый рукой, как дите, и вынимать из обстоятельств. Поэтому не торопитесь. Вот вам семьдесят рублей, ей-богу, больше нет, но если увидим, что дело идет, будем доставлять соответственно. Но вы, главное, не торопитесь.

- Постараюсь, - говорю, - Александр Петрович, а насчет денег не беспокойтесь, любому интересно с самим Евтушенкой соответствоваться и поговорить. Это я мог бы и за свой счет. Только, прошу вас, отбейте телеграмму Марусе Муртаевне, чтобы она три-четыре дня не беспокоилась.

- Я к ней сам заеду, - говорит Межиров. Но я смекнул, чем тут пахнет и говорю:

- Нет, вы для успеха дела должны быть поблизости. А телеграмму, в крайнем случае, можете не посылать.

Приезжаем в один поселок, участки густые в лесу. Останавливаем машину, заходим за угол, и Межиров говорит:

- Вот отсюда будем запускать вас на Евтушенку.

- А как он меня не примет?

- Примет, ибо все готово.

Подхожу к крыльцу, собачку сапогом отогнал, звоню. Выходит. Высокий, худощавый, нос простецкий, но одет хорошо. Глаза делает немного навывкате.

- Вы Евграф Мокеевич?

- Я.

- Заходите. Я вас ждал.

Захожу. Комната. Мебель. Только картины все висят вверх ногами. Жена или просто так, симпатичная. Говорит не по-нашему. Он не по-нашему отвечает.

- Садитесь, Евграф Мокеевич!

- А почему вы меня знаете?

- Я вчера получил телеграмму из Союза писателей, что ко мне должен прибыть знаменитый русский умелец Евграф Пантрягин. Мне это нужно для поэзии. А чтобы я вас видел в работе, мы завтра же выедем на строительство моей дачи в районе Черного моря, где я вас буду наблюдать и описывать, а вы трудиться, конечно за приличную плату. Итак, по рукам?

- В этом смысле, - говорю, - Евгений Александрович, мне надо подумать...

- Это понятно, и это я тоже учитываю, - отвечает. И тут же на стол - три бутылки висок и шампанского шесть штук. Закуска, правда, слабая: краб.

Тут стакан за стаканом. Виска штука не слабая, по крепости будет, как наша, но отзывается самогоном, правда, хорошим, пшеничным. Так что неплохо.

Евгений Александрович со мной беседует, как с народом, про то да се, потом стихи начали сказывать наизусть часа два подряд.

- Ну как? - спрашивает. - Доходит до рабочего класса?

- Доходит, - отвечаю. - И виска твоя хорошо доходит.

Опять выпили. Я, правда, виску. Он, правда, шампанское. И тут американка его приходит, приносит яичницу с канадской сосиской. Культурная деваха.

Тут Евгений Александрович говорит:

- Я одну поэму пишу, но еще не закончил. Начало я вам прочитаю, а конец спляшу. - И сплясал. Так хорошо сплясал, как артист.

- Понятно? - спрашивает.

- Понятно. - Ну, и я сплясал. И вместе плясать стали. А американка нам хлопала. Понравилось.

Как я допил вторую бутылку, вышел оправиться на воздух. Гляжу - около дачи в кювете Межиров.

- Что вы тут делаете, Александр Петрович?

- Я, - говорит, - так привык: лежу и обрастаю волосом. У меня жизнь, - говорит, - неудачная и я ее боюсь, потому что все идет в масть, а удачи нету. Надо волосом обрастать. И вам советую.

Не очень я понял, что к чему. Евгений Александрович, тот понятнее. Допили мы с ним вино. А наутро уехали к Черному морю, где я сейчас нахожусь вблизи города Сухуми.

На даче у Евтушенки работают грузины, вернее, не работают, а приходят и с утра жарят шашлык, пьют здешнее кислое вино и поют песни вроде "Сулико". Я здесь тоже второй день пью вино и пою песни.

В остальное время написал вам настоящее письмо. А что будет дальше - не имею представления. Внизу плещется море. Вверху возвышается нечто.

Насчет же моей работы в цирке опишу на досуге. При сем посылаю этикетки вина "Изабелла".

До следующего письма

14.8.78

Евграф Пантрягин

P.S. Поскольку вы отдыхаете с писателем Ряшенцевым, то мне об этом писателе известно, что он родственник писателя Ряшкина. Поэтому передавайте привет.

Дорогой Евграф!

Твое письмо, которое я был на гастролях на юге, я, конечно, получил. Как я уже сообщал тебе, отбывал я с театром в Планерское, которое Коктебель, среди писательского повышения общего культурного уровня работать. Месяц, почитай, там провел. Народ, я тебе скажу, всякий. Некоторые так и вовсе без понятия. Однако имели место также некоторые ветераны. К примеру т. Наровчатов С. С. Серьезный товарищ, всегда при жене и угрюмый. С большим самоуважением. Что пьет - не знаю. Таится.

Давал я читать нашу с тобой переписку отдельным вместе взятым товарищам, как то: Кузнецову Исаю, Лунгиной Лилиане, одному чухонскому деятелю из ваших краев - некий Штейн Борис. Некоторые недо-

умевали, а некоторые одобряли. В частности, очень одобрял и товарищ Ряшенцев. На твой вопрос касательно того, в родстве ли он с писателем Ряшкиным, означенный Ряшенцев сначала категорически отрицал такой факт. А потом погрузнел, задумался и сказал: "Но в свете того, что впереди предстоит обмен писательских билетов, может, мне лучше считаться с ним в родстве? Спроси своего Евграфа, он человек знающий и между строк читающий, пусть скажет, какой линии мне держаться". Ты уж отпиши мне для передачи ему, действительно, как человеку дальше жить, тем более что ты смутил его покой. А ему на жен надо зарабатывать, тем более при нынешней дороговизне.

Между прочим, из театра я ушел. Спать подчистую можно. И ко всему еще начали меня звать Исаковичем. Им-то это привычно, а мне как бывшему фронтовику и активному борцу за мир во всем мире и за дружбу с народами это боль в душе делает. Я поправляю с нажимом этак, что я - Исаич. А они скалятся, что это еще хуже.

На такой почве вышли у меня отдельные психические срывы, включая двух спектаклей, декорации к которым и сейчас наверное еще чинят. А может и заново рисуют. Словом, подал я по собственному желанию. Хотел к тебе поехать под Сухум, где ты дачу строишь. Но тут меня сомнение взяло. По-моему, темнишь ты, Евграф. Беру это я газету "Комсомольская правда" в парикмахерской, куда я от огорчения, тем более что зарос за это время, когда загудел, зашел побриться. Гляжу в эту газету и вижу, что наш дорогой народный поэт Евтушенко в данный момент снимается в кинe. Народного космонавтика играет. В доказательство посылаю тебе эту вырезку. Что ты на это скажешь? Кто же из вас брехун? Ты? Редактор таковой газеты? Писатель с неприличной фамилией Барков? Или сам Евтушенко? Тем более что заметка называется: "Небо зовет". Кого?

Сдается мне, что в этом деле надо разобраться устно. И вот я думаю, не приехать ли мне к тебе в Пернов? Мы бы с тобой ходили от точки А к точке Б, а там, может, и к Ц. Говорят, у вас там гулять очень способно. И многие одобряют.

За сим остаюсь

6.9.78

*Известный тебе отставной артист
Егор Обозов*

Ты, Егор Исаич,

Хоть и грамотный человек, а иногда мало чего понимаешь. Известный тебе писатель Е.А. меня привез на строительство, а сам самолетом на другой день отлетел в Калугу на свое кино. А я здесь вкалываю так, что время остается только вечером принять и спеть народные песни. Но я скоро это дело кончаю, потому что имею вызов домой от Капитолины Ивановны и еще по одному делу личного порядка. Так что скоро напишу подробно.

А про Ряшенцева я так и думал, что он родня Ряшкину. Хороший был человек, к сожалению, покойник. Кузнецова я тоже знал, только, наверное, другого. Это когда я в цирке работал.

А ты, что из театра ушел, правильно сделал. Это для молодых. В наши года лучше работать в ансамбле - там спросу меньше. Можно только рот разевать, а другие пускай глотку дерут. На этом кончаю, потому что шашлыком запахло.

С уважением

16.9.78

Евграф

Уважаемый Егор Исаевич!

Пишет Вам неизвестная Капитолина Ивановна Пантрягина, жена известного Вам Евграфа Мокеича. Дело в том, что Граша очень Вас уважал и обо всем писал, как он проживает и какие у него есть планы. Поэтому я решила написать Вам, может быть, Вам известно местопребывание моего мужа. От него нет слуха после письма с дачи Е. А. Евтушенко возле Черного моря, где он находился в командировке. В упомянутом письме Граша сообщал, что вскоре увидимся, но вот прошло сколько времени, а его все нет. Я написала запрос по адресу дачи Е. А. Евтушенко, но его, т.е. Евтушенки там не оказалось, а мне ответил прораб Турбаз Пощерашвили: "Не беспокойся, скоро приедет. Здоровье его хорошее и он жив. Местопребывание сообщить не можем. Высылаем сухофрукты. Если нужно деньги, не стесняйся. Не в деньгах счастье".

А мужа все нет. Я бы ждала и не так переживала, потому что Граша мог куда-нибудь заехать по дороге, но на той неделе получила письмо из Москвы от некой гражданки Тухфатуллиной Маруси Муртаевны и, хотя оно было на имя Евграфа, открыла и прочитала. Вот что там написано.

"Афграф! Твуй рубашка у меня остался, а сам куды дился?" И подпись.

Так что вот, уважаемый Егор Исаевич, не знаю, что и делать. Если Вы не знаете, где мой муж, то хоть посоветуйте, как его искать. Некоторые советуют написать заявление в милицию, чтобы объявили розыск. Написала я и племяннику нашему, Юрию Давыдовичу Левитанскому, у которого он гостил в Москве. Тот ответил: а разве он уехал? Я, пишет, этого и не заметил, думал, он по магазинам пошел, потому что у меня девочки болеют, и мама болеет, и я почти ничего уже не замечаю. Очень, пишет, жаль, сочувствую.

Я бы в милицию пошла. Но тут еще одно дело. Говорят, в городе Евграфа видели назад недели три. Ночью. Во дворе вдовы Гриши Тутаева. Я и к ней пошла. Да дом заперт. Соседи говорят - уехала она к золовке. А когда приедет, неизвестно.

Так что посоветуйте, Егор Исаевич, очень Вас прошу и отблагодарю.

Я должна про жизнь свою тоже вопросы решать, потому что годы идут, а мне уже сорок пятый. Евграф на мне женился, я еще совсем девчонка

была, дура. Оттого за него и пошла. Он фронтовик был, солидный мужчина, меня старше на 12 лет.

А теперь и я уже солидная стала. И ждать мне нет времени. Тем более один тут ко мне сватается, по фамилии Карамазов, может, слышали, он работает в торговой сети.

Но я ему ответить ничего не могу, потому что не знаю, считать ли что вдова, а на развод подавать нельзя, потому что вдруг Граша помер на чужбине или в дороге.

Я от всего этого сильно похудела и ничего не ем. Так что жду Вашего совета и ответа.

20.10.78

Капитолина Ивановна Пантрягина

Егор Исаич!

Дорогой и уважаемый товарищ Обозов!

Обращаюсь к тебе так официально, потому что есть я пропавший два года Евграф Пантрягин и ввиду событий со мной происшедших. Пишу об этом Вам, потому что никто в это дело не верит и даже содержали меня в алкогольном профилактории. Но потом выпустили, признав нормальность моей психики, а ненормальность случившегося со мной не признав, ввиду противоречия правилам науки.

Но напишу все по порядку. Как известно тебе, я находился в местности Гульрипше для строительства дачи Евгения Александровича Евтушенко, знаменитого нашего поэта-писателя. Там со мной находились еще Тенгиз, Шалико и Акакий, тоже работавшие на постройке дачи. Вышеназванные товарищи со строительством не торопились, говоря, что такому человеку, как является Евгений Александрович, быстро строить нельзя, потому что если быстро строить, то плохо может получиться, строить надо на века, чтобы потом, если будут раскопки, то сразу же поняли, что здесь жил не просто работник торговли, а наш знаменитый поэт-писатель. Исходя из этого Шалва зарезал небольшого юного барашка и стал готовить из него шашлык, а я отправился на кобыле Медее за деревом самшитом к знакомому абхазцу, родственнику писателя тоже Искандерова Василия, который тоже из абхазцев. Дерево самшит, которое по твердости, как железо, нужно было нам для отделки спальни Евгений Александровича, который спать хотел только на самшите и ни на каком другом дереве.

В общем, выехал я на кобыле Медее в гору и ехал узкой дорогой, где с одной стороны обрыв, а с другой пропасть. На одном повороте увидел я довольно чудесное явление: над пропастью висел большой автобус с круглыми окнами и никуда не падал. Остановив кобылу Медее, я стал наблюдать, когда наконец упадет автобус. Но из него вышли три небольших человека, ростом с большого лилипута, которых показывают в цирке. Между прочим, я видел таких в Воронеже. Лилипуты эти были одеты в черные

костюмы спортивного типа, а на головах вроде круглых абажуров, тоже черного цвета. Что характерно, лица у них были зеленые и возможно все тело, потому что руки тоже зеленые с перепонками вроде лягушек. Один из них очень вежливо ко мне обратился, попросив остановить кобылу Медею и с ним поговорить. Что я и сделал.

Человек этот со мной как бы не говорил, потому что не происходило никакого звука, а я ему как бы не отвечал, но все было понятно, и говорил он без звука совершенно по-русски. Тем не менее, он предложил зайти к ним в автобус. От чего я не отказался.

Тогда возник какой-то луч, который меня, телегу и кобылу Медею медленно втянул в автобус.

Я, конечно, всему этому удивился. Но решил не показывать виду. Потому что в том же Воронеже видел, как один фокусник вынул из носу одной гражданки часы-ходики. Поэтому и решил, что имею дело с цирковой программой. Однако в этом я ошибся.

- Выступаете, значит, - говорю.

Один зеленый отвечает:

- Не знаю, как сказать по-нашему, а по-вашему - кантуемся.

- Ах, вот оно что, не знаю, как вас по батюшке.

Тот говорит:

- Не могу вам объяснить по-нашему, а по-вашему будет Евграф.

- Значит, тезки. Ну, будем знакомы. И чем же вы все-таки занимаетесь?

- По-вашему будет наукой.

- Ах, - догадался я, - значит, автобус ваш вроде бы лаборатория.

Соглашается:

- Вроде.

- Небось из Москвы?

- Да как сказать. Вообще-то из Москвы. И там зависаем. Но не знаю, как сказать по-нашему, а по-вашему будет из двенадцатого измерения.

- Это как понять?

- Ну, вы меряете в три стороны, а мы в двенадцать.

- Я-то вообще меряю в одну сторону - вверх. А насчет, что на троих, это верно. Неужели вы на двенадцать одну берете?

- А мы вовсе не употребляем, - говорит зеленый.

- Завязка, значит. А жаль. Не то бы мы для знакомства... Это бы, Примыч, не плохо было.

- Мы хоть не употребляем, по по-нашему говоря, эффект такой сотворить запросто можем. Так что ты не стесняйся.

- Спиртыга, небось, в лаборатории, - догадываюсь. - Ну, я не против.

- Позвольте тогда я подключу к этой розетке.

Тут он ко мне присоединяет черный шнур и втыкает вилку в розетку.

- Ну как?

- Замечательно, - отвечаю. - Сто пятьдесят чистых!..Если можно, еще такую дозу. Жалко, что ты, Примыч, не употребляешь. Я бы из этой розетки весь день не отключался... Вот только закусить нечем.

- А что бы вы хотели?

- Да огурца соленого.

- Это можно. - Подключает в другую розетку. И верно: чувствую во мне огурец.

- А зразы с гречкой нельзя?

- И это можно, - говорит зеленый. И опять чувствую: во мне зразы. Это стало мне совсем удивительно. И я говорю:

- А шашлык если?

- Можно и шашлык. - Подключает меня в третью розетку. Чувствую в себе шашлык.

- Шашлык, - говорю, - неважный. Вроде свиного. Это не то, что Шалико жарит.

- Да, говорит зеленый, - это у нас несколько не доработано.

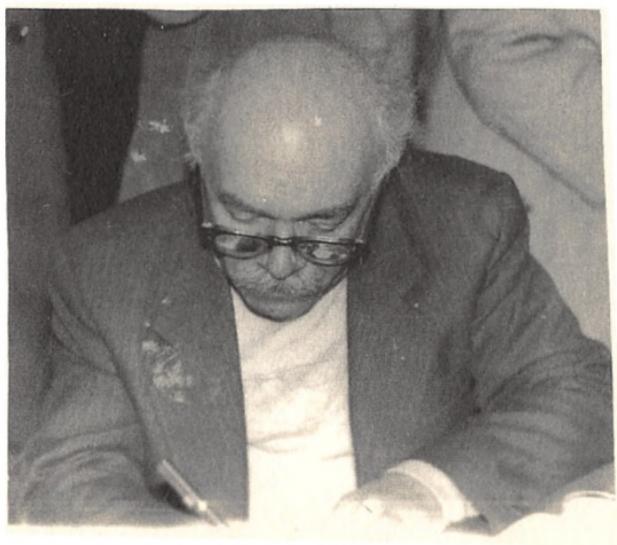
Тут уж я сам втыкаюсь в первую розетку. Еще принял грамм триста.

Поэтому дальнейшего не помню. Потому что заснул...

На этом рукопись романа обрывается, как и все чудесное.

В КРУГУ

СЕБЯ

ТОМ III

Социальный заказ

Сонет

Пишу сонет тебе, Абызов,
Чтобы исполнить твой каприз.
Увы, не будет в нем сюрпризов,
Он весь похож на эпикриз.

Мы в Пярну еле добрались
После московских дел и кризов.
И отдыхаем нынче близ
Балтийских дюн и легких бризов.

Еще не собрался бомонд,
И скромный мой опрокидонт
Я должен делать в одиночку.

И закуси особой нет.
Но тем не менее сонет
Я кое-как довел до точки.

Сонет написан в северянинском духе, что определено почвой и судьбой. Поводом для написания послужила поздравительная телеграмма, посланная Абызовым к 1 июня 1979 г., в которой говорится:

Посланий много - смысл один:
"Вас с днем рожденья, Гражданин,
"Вас с днем рождения, Поэт!
"Живите долгих, светлых лет!"

Но знайте, честный гражданин
Вовек не пьет крепленных вин,
А кто воистину Поэт -
Тот мне в ответ пришлет сонет.
(Прим. редактора)

Вадиму Кнорре (Сабинину)

Вадим, ты посетил сей уголок земли,
Где мирно мы живем почти что лет десяток.
Здесь часты судаки. Но где судак-орли?
Здесь воздуха полно, дыханья недостаток.

Живу я, как живут в изгнании короли,
Здесь длинны времена, хотя и век наш краток.
И море здесь вблизи, но глубина вдали.
И хрюкает волна, как стадо свиноматок.

Но лучше ли в Москве? Ты это знаешь сам.
Там невозможно жить по солнечным часам,
И время, словно торф, спрессовано в брикеты.

А может, просто так: там лучше, где нас нет.
Вот этому, мой друг, и посвящен сонет.
И, впрочем, знает кто, как жить должны поэты?

Вадим Кнорре - физик. Одно время стремился стать лириком под псевдонимом В. Сабинин. По моему настоянию был однажды напечатан в журнале "Смена" ныне покойным поэтом Морковкиным, псевдоним которого я забыл, но который, как оказалось, в детстве жил в одном доме со мной (Прим. автора).

Послание с другого берега Льву Копелеву

Левка, ты, конечно, прав,
Что живешь себе, как граф.
Райка тоже, как графиня,
Утром кофе, в полдень дыня
Или, может, ананас
Под картину "Фантомас".
А потом еще массажи,
Тосты, сэндвичи, коктейль,
И, конечно, вернисажи
И газета "Дейли мейль".
Но, живя весьма фартово
Средь обильных рыб и мяс,
Не забудь при этом, Лева,
Уважать народных масс.

Декабрь 1981

Копелевы уже живут в капиталистическом обществе, поэтому и приходится напоминать им о том, кого они должны уважать (Прим. редактора).

Этюд

Какой уютный дом, - зачем его бояться! -
Где манит огонек, почти всю ночь светясь.
И хочется пойти, и хочется сознаться,
И правду объяснить про каждого из нас.

8.3.81

Этюд навеян тем обстоятельством, что через забор от Д.С. находится учреждение, в чьи обязанности входит преимущественно чтение в сердцах (Прим. редактора).

Из характерологической афористики

У рижанки
Две коленки
Для приманки
Чихаленки.

Под "рижанкой" следует понимать Астрид Чихаленко, которая действительно приманила в свое время вышеназванными деталями Чихаленко Юрия - главное лицо в области всех приборов, аппаратов и механизмов, применяемых в быту другими жителями города Риги и требующих ремонта (Прим. редактора).

Ныне супруги Чихаленко проживают в Америке (Ю. А.).

Городничкому - в день юбилея

Городничкий! Пятьдесят,
Это, брат, не фунт изюма,
Это, я сказал бы, брат,
Знаменательная сумма.

Городничкий! Не грусти!
Кто грустит - тот время тратит.
Доживи до ста пяти
И тогда, пожалуй, хватит.

Городничкий! Жизнь лови!
Жди чудесных происшествий!
Больше водки, и любви,
И стихов, и путешествий!

Городничкий! Бей в набат!
Больше дела, меньше быта!
Городничкий! В пятьдесят
Наша юность не закрыта!

Д.С. и Александр
Городничкий

1983

Городничкий А. М. - океанолог-певец. Некоторые мелодии заимствовал у глубоководных рыб.

Муж чрезвычайно умной женщины, Анны Наль, регулярно забывающей свои умные мысли и очень хорошо помнящей глупости (Прим. автора).

Козакову - нечто вроде мемуара

Много я писал про Анн,
Обучаясь на поэта.

Я водил их в ресторан.
Было то и было это.
Что за Анны! Боже мой!
Я их помню по приметам:
Этих я любил зимой,
А в других влюблялся летом.
Были глупы и умны,
Добродушны, простодушны,
И большой величины,
И легки, полувоздушны.
Расставался с ними я
То с печалью, то с обидой.
У тебя теперь своя,
Так что, Миша, не завидуй!

Михаил Козаков

Философемы о тазе

М. Козакову

Нам, милый Миша, быть дано
Игрушкой воли высшей.
Мы пьем вино, идем в кино,
Сидим под крепкой крышей.
И вдруг случается Оно -
Вот как с тобою, с Мишей.

Один знакомый книголюб
(Какой сюжет для Кафки!)
Сосулькой с водосточных труб
Был сбит у книжной лавки.

Другой - поклонник женских чар
И человек не слабый,
Был, выйдя на Тверской бульвар,
Придавлен снежной бабой.

Опасны вата, унитаз,
Кусочек эскалопа.
Опасно все. И даже таз
Не защищает жопа.

Конечно, трещина в тазу
И не видна народу,
Но, Миша, я тебе скажу:
Стесняет нам свободу.

Ни поклониться, ни вскочить,
Ни выпрыгнуть из спальни,
Ни даже водки проглотить
Из рюмки вертикальной.

А скажут вдруг: "Пошел ты на..." -
Пойти не сможешь сразу,
Ведь ножки тоже, старина,
Внизу пришиты к тазу.

Мой друг! Большое дело - таз.
Так попроси Регину,
Чтобы купила тарантас
И мягкую перину.

И надо укрощать свой пыл,
И ездить надо тише.
Вот сколько мыслей породил
Твой таз, любезный Миша.

Декабрь 1983

Отклик на сообщение о том, что М. Козаков пострадал в автоинциденте (Ю. А.).

Мих. Козакову

Михал Михалыч Козаков,
Не пьющий вин и коньяков,
И деятель экрана:
Как поживаешь, старина,
И как живет твоя жена
Регина Сулейманна?
Уж не зазнался ль, Михаил?
Иль просто ты меня забыл?
Иль знаться неохота?
Ты, говорят, стяжал успех,
Поскольку на устах у всех
"Покровские ворота".
А я успеха не стяжал,
Недавно в Вильнюс заезжал,
Отлеживался в Пярну
(Поскольку я еще не свят),
И потому признаюсь, брат,
Живется не шикарно...
Все время гости ходят в дом,

Свои стихи пишу с трудом,
Перевожу чужие.
А перевод - не легкий труд,
Весь день чужие мысли прут
В мозги мои тугие.
К тому ж в июне холода,
В заливе стылая вода,
Померзла вся картошка.
Как тут не выпить, Мигуэль?
На протяжении недель
Все веселей немножко.
Пиши, пиши, мой милый друг,
Весьма бывает славно вдруг,
Как в душе пребыванье.
Пиши, а я пришлю ответ.
Поклон от Гали и привет
Регине Сулейманне.

Квази-рецензия

Я "Покровские ворота"
Видел, Миша Козаков,
И взгрустнулось отчего-то,
Милый Миша Козаков.

Ностальгично-романтична
Эта лента, милый мой.
И играют в ней отлично,
Лучше прочих - Броневой.

В этом фильме атмосфера
Непредвиденных потерь.
В ней живется не так серо,
Как живется нам теперь.

В этом фильме перспектива,
Та, которой нынче нет,
В нем есть подлинность мотива,
Много времени примет.

Ты сумел и в водевиле,
Милый Миша Козаков,
Отразить года, где жили
Мы без нынешних оков,

Не пишу тебе рецензий,
Как Рассадин Станислав.
А без всяческих претензий
Сообщаю, что ты прав,

Создавая эту ленту
Не для разных мудаков.
И тебе, интеллигенту, -
Слава, Миша Козаков.

17.2.83

Из послания Н. Любимову

Коля, Пруста дай прочесть!
Окажи такую честь!

От Марселя-то, от Пруста
Ошалела наша Русь-то.
Ходишь нынче без Пруста,
Словно жопа без хвоста.

Коля, Пруста дай прочесть!
Окажи такую честь!

Даже бабы, будь им пусто,
День и ночь читают Пруста.
Только ляжешь к ней в постель,
Глядь - а там уже Марсель.

Коля, Пруста дай прочесть,
Окажи такую честь!..

Из посланий З. Гердту

1.

С неба дождик льет упрямо,
Землю мокрую долбя.
Почему-то, милый Зяма,
Нынче вспомнил я тебя.

Как печально жить в разлуке,
Как протяжен ветра вой.
И пленительные звуки
Не прольет мне голос твой.

Чу! Там мчится шарабанчик,
Колокольчиком бренча!
И ко мне тыходишь, Зямчик,
Свою ногу волоча.

Нет! Увы! Все та же греза
Провела меня опять.
И угрюмо и тверезо
Отправляюсь я в кровать.

А не то бы, милый Зямчик,
Ты приехал бы домой,
Снял бы с холоду азямчик,
Шкалик выпил бы со мной.

Здесь бы в городе Пернове
С нас бы все печали прочь.
И про давние любви
Толковали бы всю ночь.

2.

Что ж ты, Зяма, мимо ехав,
Не послал мне даже эхов,
Ты проехал близ Пернова,
Поступив со мной хреново.

Надо, Зяма, ездить прямо,
Как нас всех учила мама, -
Ты же, Зяма, ездил криво,
Это очень некрасиво.

Ждал, что вскорости узрею,
Зяма, твой зубной протезик,
Что с улыбкою своею
Ты мне скажешь: "Здравствуй, Дезик".

Посидели б мы не пьяно,
Просто так, не без приятства,
Подала б Галиниванна
Нам с тобой вино и яства.

Мы б с тобой поговорили
О поэзии и прочем.
Надо жить в подобном стиле,
А не в спешке, между прочим.

Но не вышло так, однако.
Ты проехал, Зяма, криво.
"Быть (читай у Пастернака)
Знаменитым некрасиво".

И теперь я жду свиданья,
Как стареющая дама.
В общем, Зяма, до свиданья,
До свиданья, в общем, Зяма.

1981

3.

Не спи, не спи, Зиновий,
С семи до девяти.
Без всяких суесловий
Мои стихи прочти.

Любить, Зиновий, туго
Нам в шестьдесят годов.
Давай любить друг друга,
Как говорил Глазков.

Зиновий, в Дом ученых,
Я верю, ты придешь.
Порадуешь ученых,
Потетишь молодежь.

Там будут кандидаты
И доктора наук.
Которые женаты,
Возьмут с собой подруг.

Без всяких предисловий
Почти меня, почти.
Прочти меня, Зиновий,
Прочти меня, прочти.

4.

Ты, Зяма, на меня в обиде,
Как Петр Великий был на шведа.
Скажу, себя возненавидя:
"Не верь, не верь поэту, деда!"

Мой друг, считай меня Мазепой,
А если хочешь, даже Карлом.
Но в жизни, друг, в моей нелепой
Есть все же многое за кадром.

Зиновий Гердт

А там, за кадром, милый Зяма,
Быть может, и таятся драмы:
Прекрасная, быть может, Дама,
А может, то, что нету Дамы.

Там, Зяма, может быть, есть зимы,
Тоска, забота и желанья,
Которые невыразимы
И недостойны оправданья.

Там, может, есть сопротивление,
Там, может, есть непокоренье
Тому отвратному явлению,
Название коему старенье.

И, может быть, сама столица,
Которую я вижу редко,
Сама зовет меня напиться,
Возможно, даже слишком крепко.

Давай же не судить друг друга
И не шарахаться с испугу.
И это главная услуга,
Что можно оказать друг другу.

И, может, каждая победа -
Всего лишь наше поражение.
Поверь, поверь поэту, деда,
И позабудь про раздраженье.

Возможно, это все бравада
Иль дрянь какая-то поперла.
Но мне стихов уже не надо,
И рифма раздражает горло.

Пифагорейцу Ю. Долгину,

бывшему гвардии поэту

Не задавайся, Ю. Долгин,
Что ты бытуешь, как отшельник.
Один не есть еще един.
Тот любит ель, а этот - ельник.

Все это - не решенный спор -
Как жить при нашем многолюдье.
А ты на суд уж слишком скор
И, значит, не годишься в судьи.

Экспромты и этюды для левой руки¹

Лежит на пляже поролон,
На поролоне - Парамон²,
На Парамоне - плавки...
Какой сюжет для Кафки!

Поэт великого ума
Съел на обед кусок дерьма
И попросил добавки...
Какой сюжет для Кафки!

Вскричала некая мадам,
Ударив Рафу³ по мудам:
- Я не желаю Рафки!..
Какой сюжет для Кафки!
И т.д.

Послания В. Баевскому

1.

Баевский мне простит, что я, устав от писем,
Давно уже на них не отвечаю в срок.
Но все ж пишу ответ, в котором не превысим
Спрессованных в сонет четырнадцати строк.

Нет вовсе новостей. Их мельтешеньем крысым
Я не обременен. Я дал себе зарок
Гулять без новостей. Температура три-семь.
И веет мне в лицо балтийский ветерок.

Из парка иногда слетит стихов отрывок,
Где кучка облаков мне слаще взбитых сливок.
В динамики свои орут стада ворон.

Ленивая весна спускает в реку воды.
Таблетки проглотив, сажусь за переводы,
Перевожу стихи, как мертвецов Харон.

¹Жаль, что не был знаком с Кафкой. Я легко набросал бы для него кучу сюжетов. Кафка был недурной стилист, но у него не хватало воображения (Прим. автора).

²Причем здесь Парамон?! (Прим. дотошного читателя).

³А ты подумай, рыба голова! (Прим. автора).

⁴Имеется в виду Рафаэль Малых, он же Рафаил Клейнер (Прим. редактора).

2. Предвкушенье

"А я люблю банкеты!" -
Заметил Пастернак...
Тот, кто писал сонеты,
Был вовсе не дурак.

Он ведал, что из Леты
Их выудит рыбак.
И, на крючок воздеты,
Они поедут в ВАК.

А там плоды ученья
Пройдут процесс копченья
Или пойдут в засол.

И, наконец, ученый -
Соленый и копченый -
Нас позовет за стол.

3. Инвектива!

Недавно Баевский из Тарту бежал,
Как некогда Курбский от гнева,
Поскольку не выполнила ритуал
Приема какая-то дева.
Конечно, Баевский, вы доктор наук,
А к вам прикрепили училку!
Но все же считаю, достойный мой друг,
Что зря вы полезли в бутылку.
Пошли б погуляли без всяких затей,
Схлебали б тарелку фасоли.
Наверно, у Лотманов есть для гостей
Какие-нибудь антресоли.
Наверно, еще у кого-нибудь есть
Диванчики или лежанки.
А ежели нет, оказали бы честь
Какой-нибудь там аспирантке.
Не надо, Баевский, из Тарту бежать,
Волнуясь, там все оголтели.
Напрасно привыкли вы в люксах лежать,
Презревши чужие постели!

4.

Вот лето кончилось, мой добрый друг,
Разъехались друзья и их подруги.

Покуда лето шло, я на досуге
Насочинял стихов с полсотни штук.

Стихи любовные. "Распался круг",
Ну и так далее... У нас в округе
Уже к деревьям осень тянет руки,
И грустновато от ее потуг.

А впереди обычные работы:
Писать статейки без большой охоты,
Переводить, наказывать детей,

Почитывать, если позволит зренье,
Порою сочинить стихотворенье.
И дальше жить. Ведь нет других путей.

Сентябрь 1985

5. Брахиколонный сонет

Жил
Бес
Без
Жил.

Плыл
В лес.
Влез
В ил.

Все
Нет
Его.

Со-
Нет.
Во!

4.10.85

На исцеление Козакова

Милый Миша! В Соловьевке
Ты недаром побывал.
Психов темные головки
Ты стихами набивал...
Там растроганные психи
Говорили от души:
"Хорошо читаешь стихи,

"О, какие то были года!"

Рифмы больно хороши".
Нынче ж, Миша, на досуге
Покажи, что не ослаб.
И, хотя они и суки,
Заведи себе двух баб.
Чтоб тебя ласкали обе,
Ты им нервы щекочи.
Прочитай им "Бобэ-обэ"
И "Засмейтесь, смехачи".
Пусть, подлюги, удивятся
И, уняв любовный зуд,
Перестанут раздеваться,
Посмеются и уйдут.
И тогда вдвоем с Региной
Где-то на исходе дня
Тешьтесь ласкою невинной
И читайте из меня.

Михаил Козаков

Эдуарду Графову -

по случаю его дня рождения

Чудесный, дивный месяц март!
Он весь в кипенье, весь в азарте.
И ты родился, Эдуард,
Ты, Эдуард, родился в марте.

Не проходимец, не бастард,
А сочинитель честной прозы.
Я прослезился, Эдуард,
О, Эдуард, я пролил слезы.

Полсотни лет несешь штандарт,
Несешь на зависть всем прохожим.
Неси и дальше, Эдуард,
Неси, а мы тебе поможем.

Перед тобою новый старт,
Так стань в позицию спортсмена.
Иди все дальше, Эдуард,
И выше, Эдуард, колена!

И береги свой миокард,
Инфаркт - вреднее, чем злословье.
Храни здоровье, Эдуард,
О, Эдуард, храни здоровье.

Теперь насчет вина и карт,
И женщин, что однообразны.
Гони соблазны, Эдуард,
О, Эдуард, гони соблазны.

Еще есть рифма: леопард.
Но я свяжу ее с охотой.
Как зверь работай, Эдуард,
О, Эдуард, как зверь, работай.

И заработай миллиард,
Хотя не преступай закона.
И дай займы нам, Эдуард,
Дай нам займы по полмилльона.

Сейчас бы нужен гром бомбард,
И фейерверки, и петарды!
Будь славен, добрый Эдуард,
Завидуйте не-Эдуарды!

Когда б я был известный бард,
То, поднимая эту чару,
Тебя воспел бы, Эдуард,
Тебя воспел бы под гитару.

Льву Озерову

Сочинитель другас Лявас
Не любил в работе пауз,
Он и для нас, он и для вас
Сочиня-вас, сочиня-вас...

Я заметил: Озеровас,
Сочиняешь ты херово-с.
Он ответил: Самойловос,
Подыщи другое слово-с.

Как известно, Д.С. хорошо владеет многими языками, свидетельство тому данное литовское стихотворение, написанное во время совместного проживания с Л. Озеровым в одном номере гостиницы в литовском городе Вильнюс, где проводилось совещание переводчиков.

Л. А. Озеров - ученый поэт-постепенновец. Достиг очень много своей нерешительностью (Прим. автора).

Молдавские этюды

Милый, милый мой Аурел,
Ты немного постарел,
И наверно, Бусуйок,
Ни к чему тебе...

*

Как я любил Агнессу Рожку!
Потом отвыкнул понемножку.
Теперь гляжу я на Агнессу
Почти совсем без интересу.

*

Виеру не в пример Флоберу.
Тот много пил, а этот в меру.
Виеру, будь всегда таким, -
Твой переводчик пьет, Аким.

*

К Эмилиану Букову
Вина бы два стакана,
Еще б подливку лукову
К стихам Эмилиана.

*

Сколь ни грешил Эмилиан, -
Не требует он индульгенции.
Он друг рабочих и крестьян
И трудовой интеллигенции.

*

Тебя я, милый Боцу Павел,
Переводил, но не исправил,
Поскольку знал: тебе, Бо-цу,
Исправленным быть не к лицу.

*

Мой милый Павел Боцу!
Коль будешь ты Боцу,
Тогда тебя придется
Пририфмовать к винцу.

А если, против правил,
Ты б сделался Боца,
То я б к вину прибавил
Кусочек холодца.

Общеизвестно, что поэт умеет кратко, но исчерпывающе отразить суть любого явления. В данном случае явлением послужила молдавская литература в лице ее наиболее видных представителей.

Написано в 1984 году во время юбилейных торжеств в Кишиневе.

Аурелиус Бусуйок - поэт-красавец, а может быть, даже и просто красавец.

Агнесса Рожка - есть в Молдавии такая поэтесса.

Григоре Виеру - хороший человек.

Эмилиан Буков - что касается грехов, то тут сомнений нет: грешил по всем линиям.

Павел Боцу - бессменный руководитель молдавских литераторов (Прим. автора).

Послание Ю. М. Лотману

Бывают странные новинки,
Но Лотман мне узнать помог,
Что мозга обе половинки
Ведут друг с другом диалог.

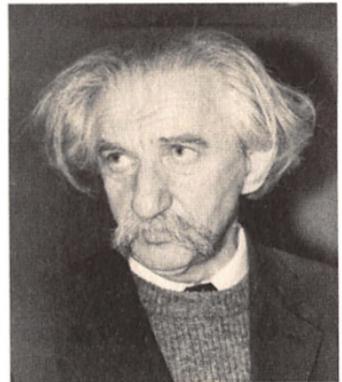
Звучит в разгаре поединка
Тот диалог примерно так:
- Дурак ты, Мозга Половинка!
- А ты, Полмозга, сам дурак!

Твердит подопытная свинка,
Морковку сладкую жуя:
- Свинья ты, Мозга Половинка!
- А ты, Полмозга, сам свинья!

Познания мои убоги,
Но это я понять могу,
Что происходят диалоги,
Конечно, и в моем мозгу.

Когда грозит за что-то розга,
В мозгу две мысли, а не мысль:
- Заткнись ты, Половина Мозга!
- А ты, Полмозга, сам уймись!

В своем маранье беззаботном
Порой не знаю, что творю.

Юрий Лотман

Благодарю вас, милый Лотман,
Двукратно Вас благодарю.

Б. П. Захарчене

Борис Петрович Захарченя! Я
Желаю Вам прожить без огорчения,
Минуя также разочарования,
И также обольщения, в течение
Всего дальнейшего существования.

Еще желаю многих дней рождения,
Где Вы могли бы без ограничения
Употреблять соленья, копчения,
И чтоб была приятная компания,
Которая не портила б гармонии
И украшала Ваше пребывание
Там, в Ленинграде, или здесь, в Эстонии.

За Вас мой тост! Нужна прямая линия,
Как сказано, по-моему, у Плиния,
Хотя возможно, что и у Аврелия.
Или скорей всего у Тита Ливия.
Желаю, чтоб Вы жили все счастливее
И познавали радость и веселие,
И оставались тем же Захарченею,
Согласно своему предназначению.

Б. П. Захарченя - член-корреспондент Академии наук. Физик.

Несколько лет разнообразил своими длительными наездами в Пярну существование поэта. Кончилось тем, что Захарченя и сам приобрел здесь дом (Прим. редактора).

Доктору Якову Багрову

Эх, старик, чего томиться!
Выпьем лучше коньяку.
Пусть серчает докторица.
Что осталось старику?

Кто ты будешь? Старожитель?
Есть таблетки, семенить?!
Кашки нам не разрешите ль?
И компотиком запить...

Нет! Такое не по нраву!
Дайте хаши и харчо.

И налейте-ка отраву,
И добавьте-ка еще!

Где там перец, где приправы?
Вертел с мясом ставь в камин.
И еще налей отравы.
Два бокала - не один.

Ставь солянку и окрошку!
Сало вредное копти!
А потом уж - неотложку,
И укол мне заката!

Если выживем сегодня
От вина и табаку,
То на это - власть Господня.
Подфартило старику.

Если ж медики разлукам
Не сумеют помешать,
Будем водкою и луком
На архангела дышать.

Там ведь - вечный вырезвитель.
И аптека, как у нас.
Что же - буду небожитель,
Если доктор не упас.

Аде Рифтиной

Зачем Абызову пластинки?
Нужней Абызову блондинки.
А мне - не девушки, не виски,
А только диски, диски, диски.
Живу в духовной я пустыне,
И, дорогая Ада Рифтина,
Велите дать мне Тосканини,
А если можно, также Рихтера.
Конечно, хороша поэзия,
Но музыка всегда желанна,
Люблю ужасно Перголези я,
А также Баха Иоганна.
О, дайте мне пластинки, Ада,
Действительно мне это надо!

На книге, подаренной через Абызова А.Рифтиной, зав. рижского Дома пластинки. Особого действия обращение не оказало, оставшись гласом вопиющего в пустыне (Прим. редактора).

Из области натурфилософии

Зубы нужны для улыбки,
Для обольщения актриски,
Для поглощения рыбки,
Для разгрызания редиски.

Философема обязана своим происхождением появлению вставной челюсти (Прим. редактора).

Инскрипты на книге "Времена"

Г. Товстоногову

Мне кажется столичной сплетней,
Что Вы - семидесятилетний.
Вам дружественные уста
Дадут не больше, чем полста.
Но, видимо, не в этом дело.
Намного все-таки важней,
Чтобы душа все молодела,
А тело прилагалось к ней.

Козаковым

Без вас на свете скучно.
А что у вас там слышно?
Все ли благополучно?
Все ли регино-мишно?

П. Горелику

За эту книжку "Времена"
Издателей послал бы на...
Но, как гласят стихи поэта,
Что все-таки "придет она"
И, может быть, когда-то где-то
Напишут наши имена.

Г. Ефремову

Эта книга без названья
Под названьем "Времена"

Вам, поэтам, в назиданье
В наше время издана...

Ю. Абызову

За эдакие "Времена"
Послать бы издателей на...
Хотя и победой война
Окончилась за "Времена".

Б. Окуджаве

Оле и Булату -
Книжицу поэм,
А за эту плату
Я у вас поем.

Булат Окуджава

Г. Евграфову

Гене книгу "Времену",
Чтоб нашел себе жену.
И в любовном упоенье
Ей читал мое творенье.

В. Соколову

Володе Соколову -
"Времена"!
Возьми-ка их в основу
И пошли их на...

Инскрипты на книге "Залив"

Е. Лебедеву

Ты нам доказал без рутинности
Игрую, простою, как ржание,
Что много в нас есть лошадинности
По форме и содержанию.

Сыграй! (При твоей виртуозности
Не вижу я в этом нелепости),
Что много в нас есть спиртуозности
Сорокадвухградусной крепости.

Б. Грибанову

Когда-то были трое пьяниц:
Ты, Боря, я и Левитанец.
За это нас инфаркт постиг.
Теперь поделим на троих -
Что каждому не по масштабам:
За всех троих ты будешь пить,
Я - за троих табак курить,
А Юра пусть пойдет по бабам.

Г. Евграфову

Моему "секретарю"
Эту книгу подарю.

Урезонивание Регины

Если старая плотина
Ощущает перегруз,
Значит, следует, Регина,
Открывать порою шлюз.

Ежели кинокартина
Не выходит на экран,
Значит, следует, Регина,
Открывать порою кран.

Наши нервы не резина,
А мозги не парафин,
Значит, следует, Регина,
Оттыкать порой графин.

И, конечно же, мужчина -
Не скотина, не шакал.
Значит, следует, Регина,
Наливать порой в бокал.

Наша вечная рутина
Портит связи меж людьми.
И поэтому, Регина,
Если надо, то пойми!

По решению Совмина
За вином очередь.
И поэтому, Регина,
Вся надежда на тебя.

Понимаю: водки, вина
Растлевают молодежь...
Ну, а все же ты, Регина,
Нам по рюмочке нальешь.

Мы садимся мирно, чинно,
Затеваем разговор.
И при этом ты, Регина,
Нам бросаешь теплый взор.

И пышнее георгина
Расцветает ты порой,
Предлагая нам, Регина:
- Наливайте по второй...

Тут уж даже и дубина
Должен громко зарыдать:
"Так и следует, Регина!
Вот какая благодать!"

А на блюде осетрина,
А в душе - едрена мать...
И начнем тебя, Регина,
После третьей обнимать!

Козакову - в качестве утешения

Коньяк? Он в "Кунгле" слишком дорог.
А дома нету ни хрена.
Съедим при наших разговорах
Мороженое, старина.

Возьмем рублишко у Регины
И вместо пьяной мишуры
Съедим с тобою витамины,
Белки и прочие жиры.

Мороженым мы будем сыты,
Закурим - ярые курцы!
Здесь покупатели - семиты,
Нордические продавцы...

Козакову - по случаю расставания

До свидания, Миша с Региной!
С вами кончилось лето.
Пред зимою печальной и длинной
Надо б выпить за это.

Но вы оба сегодня "в завязке",
Выпить нечего, кроме
Отвратительно-трезвенной "Вярски", -
Это здешний "Боржом".

Ну и что же, ведь мы не шакалы,
И это годится.
Так поднимем же с вами бокалы
Минеральной водицы.

Все равно будем пить по-гусарски.
(Кто из нас алкоголик?!)
Пью бокал отвратительной "Вярски"
Против почечных колик.

И скорей приезжайте обратно
И неоднократно,
Потому что без вас отвратно,
А с вами приятно.

Феномен Козакова

Доктора дошли до точки -
И у Миши, например,
Обнаружилось три почки,
Хорошо, что не три-пер.

Ну, а если б (для примера),
Не как у простых людей,
Обнаружилось три хера?
Что б наделал он злодей!

Сентябрь 1985

Летнее пребывание Козакова в Пяру завершилось острым недомоганием и отъездом в Москву. В Москве светила установили, что боли были вызваны не разрушением почки, а наоборот, наличием лишней (Прим. редактора).

Раз в сто лет

Рассказ-быль

Егор Исаевич Обозов приехал к своему другу Евграфу Пантрыгину в город Пярну. Приехал он, чтобы вместе отпраздновать 40 лет Победы, поскольку воевали они не вместе. У них договоренность такая была. Ибо оба служили в саперах.

С жильем ~~жизнь~~ у Пантрыгина ^{обстояло хорошо. Но он любил ремонтировать и рожать детей. От ремонта было грязно, а от детей шумно.} было ~~тесно~~ в виду многочисленности семейства и построенного ~~ремонта~~, Обозов устроился у ^{знакомой} ~~хорошо~~ директорши (Гостиницы ^{Нина} Александровна, тоже ветеранши, ^{которой в} войны, его уже хорошо знала по ~~книжке~~ прошлые наезды, в ^{артистиче} ~~как~~ Обозов без подарка не являлся, то ^{поселила} его ^{до} первой категории. Вот и на ^{сей} раз он привез книжку ^{французского} знаменитого писателя Жоржа Сименона, за что и ^{был} ^{поселен} в номер-люкс с телевизором и ^{ванной}. По телу ^{А телевизор был все же сломан, а по запаху "Мук"} ^{звук} правда, ^{повозинно} ^{пиден} был один ^{"сиг"}, хотя звук ~~маленький, а в ванне не имелось проблем.~~

Рука Д.С.

С жильем у Пантрыгина обстояло хорошо. Но он любил ремонтировать и рожать детей. От ремонтов было грязно, а от детей шумно. Обозов устроился у знакомой директорши гостиницы, тоже ветеранши, которой в прошлые наезды привозил польский дезодорант "Вонявка", а сейчас, ввиду особого случая, ценную макулатурную книжку "Следствие ведут знатоки" про знаменитого сыщика Сименона, перевод с французского, за это и получил номер-люкс с цветным телевизором и действующей ванной. А телевизор как раз не действовал, но издавал звук.

- Это хорошо, что с ванной, - сказала супруга Пантрыгина Капитолина Ивановна, - мы тут из-за ремонта замурзались. Я у тебя хоть детей отскребу да исподнее состирну.

Егор Исаевич, брезгливый к детям, согласливо промолчал.

- А теперь пора решать, чего на праздник брать будем, - строго предлужила Капитолина Ивановна, как обычно, приглашая поиграть в народное мнение, заранее, впрочем, его решив.

Обозов, уже хорошо знавший нрав хозяйки, помалкивал, делая вид, что он гость и имеет лишь совещательный голос, когда спросят.

Пантрыгин понимал, что ему молчать унизительно, и потому сказал бодро:

- Бутылочку, - имея в виду по бутылке на рыло, включая и Капитолину.

- Вот и правильно, - утвердила та мнение мужа. - Все равно нажрется.

Ступайте, возьмите ее, а заодно получите ветеранский продукт. В гастронOME выдают. Документы не забудьте.

Друзья вышли наружу и, рассуждая о разных предметах, двинулись к винному магазину.

- Чего торопиться, - сказал Обозов. - Праздник-то послезавтра, и она может до того дня не дожить. Сам знаешь, что для сохранения в домашних условиях она не очень способная. Мы ее и завтра купим. Пойдем прямо за продуктом. Но - с заходом!

- Это уж натурально. Бутылка без захода - не бутылка. Инициатива ценная.

Друзья зашли в одно место и попробовали по сто. Исключительно коньяку, так как последние полгода здоровье не позволяло обоим употреблять крепкие напитки. То есть они принимали и их, но всегда с огорчением из-за здоровья. А ввиду военных ран и контузий огорчаться им было еще вредней, чем принимать.

Приняв по сто, они снова направились к гастроному на улице Хоммику, но у витрины книжного магазина их внимание привлекла брошюра "Грибы и травы Эстонии".

- Гриб, ежели он хорошего засола, так лучше закуски нет, - вздохнул Обозов.

- А травка, она придает, - согласился Пантрягин. - К примеру, зверобой.

Книгу они, впрочем, не купили, но не сговариваясь, вернулись и приняли еще по пятьдесят.

- Для разговору способнее, - объяснил этот поступок Пантрягин, имея в виду предстоящий разговор в магазине.

А разговор в магазине оказался предельно коротким. Ветеранам выдавалась палка сухой колбасы, банка зеленого горошка и две бутылки кетчупа. Но колбаса уже кончилась, как сообщила молоденькая продавщица эстонской национальности, глядевшая на обоих ветеранов без уважения к их прошлому. Не то что лет двадцать назад. Тогда такая была колбаса, что шла без бутербродов.

- А завтра будет?

- Утром.

- Вот мы завтра и придем, все в ассортименте получим.

Друзья направились к гостинице, в которой остановился Обозов, приняв по дороге еще не то по пятьдесят, не то по сто пятьдесят.

- Зря книгу не купили, - вздохнул Пантрягин.

При гостинице существовало заведение, у людей обычно называемое "забегаловка" или, если по-научному, "буфет". Здесь же в силу национальной политики, неблагозвучно и неубедительно, именовалось "эйнелауд". Но Пантрягин с этим названием давно освоился, поскольку к иностранным языкам был способен и мог назвать все "эйнелауды" на территории города, в том числе и в акватории порта.

По этому поводу местный журналист Б. Карамазов стих сочинил "Назови мне такую обитель, где б Пантрягин Евграф не пивал". На что находчивый Пантрягин тут же врезал ему: "Карамазов жрет говно, намазав".

Заказали снова, то ли по сто, то ли по сто пятьдесят и, сидя за столиком, продолжали обсуждение разных проблем, в том числе и международного масштаба, так как давно уже привыкли мыслить с размахом. Оба были уверены, что если бы помкомвзвода в свое время послушался их, то события в мире пошли бы совсем иначе и война, возможно, кончилась бы дня на два раньше. Словом, им было о чем потолковать.

Курить в "Эйнелауде" почему-то было нельзя. Посетители выходили для этого прямо за дверь - в парк. Пантрягин торопливое курение не уважал и сказал, что лучше пойти в номер, а чтобы не бегать, взять с собой графинчик. Буфетчица знакомая, доверит.

В люксе было тихо и приятно, так что Пантрягин даже позавидовал Обозовской жизни. Но зависть эта не смогла подавить дружеского расположения к близкому человеку, хотя тот подозрительно легко умеет уstraиваться в жизни.

- Однако волынить не надо, - заметил он вскорости. - Скоро моя с ребятами должна прийти. Мыть их будет.

Обозов попробовал кран с ванной, подождал, когда вода пойдет погорячее. Но вода становилась все холоднее, хотя и была хорошего напора.

- Ну и ладно. Не их праздник. На каникулах помоются, - легкомысленно снес этот удар судьбы Пантрягин.

Вышли в коридор, собираясь по пути занести буфетчице Мэри графинчик. Но из глубины коридора уже надвигалась Капитолина Ивановна с детьми. Их было семеро.

Здесь надо пояснить, что Капитолина Ивановна была сильно моложе ветерана Пантрягина и за это себя уважала. Когда он на ней женился, у нее уже было двое от первого мужа - Катя и Вася. Все остальные (Витя, Костя, Алеша, Элеонора и Робик) пошли уже от Пантрягина - причем как-то выстреливались беглым огнем. Витя, правда, появился в промежутке между первым мужем и Евграфом и причину его появления Капитолина Ивановна объясняла просто: "Все вы сволочи". Но Пантрягин не особенно в это вникал:

- Что ж его, утопить, что ли? Пусть живет.

Евграф любил детей.

Итак, в конце коридора появилась Капитолина Ивановна с дружиной. Робик ехал на педальной машине, остальные, как водится, вели себя цинично. И все это приближалось, как татарское иго. Проворный Егор тут же сунул графинчик Пантрягину. Пантрягин же, хотя и был обычно нерасторопен, нашелся: выдернул из пластмассовой вазочки цветок-маргаритку и сунул в графинчик, держа его после этого на виду.

- А водички-то горячей нету! - сказал игриво Обозов.

- Врете! - И Капитолина Ивановна ринулась в ванную.

Действительно, из крана по-прежнему хлестала холодная вода. Ее было много. Очевидно, это изобилие воды и заставило Капитолину Ивановну твердо, но опрометчиво заявить:

- Все одно! И такой водой можно мыться от грязи.

Дети на всякий случай взревели, ибо как юные люди не только горячей воды не любили, но и любой воды вообще, кроме лужи или канавы. Это, конечно, недостаток школьного воспитания. Даже привычная Капитолина Ивановна поморщилась от их рева и отступилась.

- Лопнуть бы им! - покорно сказала она. - Заткните их пепсиколой и пусть хрюют домой. А мне для успокоения нервов чего-нибудь. Вот кстати и графинчик есть, - и она выбросила увядший цветок на постель Обозова.

Надо сказать, что "чего-нибудь" следовало понимать исключительно однозначно. Капитолина Ивановна также предпочитала коньяк, но уже из иных идейных обоснований - из интеллигентности, стремления к добру и женской нелюбви к крепким напиткам.

Обозов сбежал с графинчиком, Пантрягин вывел из гостиницы детей, подзатыльниками придал им направление к дому и велел вести себя пристойно или хотя бы не устроить пожар. Отец он был, в общем, заботливый.

В номере воцарилась благодать. Даже Капитолина Ивановна расслабленно сказала:

- Мужики, если их привести в порядок, они тогда бывают в порядке.

Графинчики в городе Пярну были явно с браком: вмещалось в них мало. Причем меньше с каждым разом. Поэтому Капитолина Ивановна сказала:

- Ну что вы по граммам носите, ташите сразу сколько надо. - И к этому почему-то добавила непонятное: - От дерьма добра не ищут.

Потом, оттолкнув от двери Пантрягина, решительно заявила:

- Лучше я сама схожу.

В буфете оказалось, что коньяк весь выпит, осталось одно шампанское.

Капитолина Ивановна усмотрела в этом знак судьбы: ведь шампанское вполне соответствовало ее положению и развитию.

- Жрите, ироды! - воскликнула она, входя в номер, держа тяжелые бутылки, как охапку дров.

Остаток дня прошел содержательно, хотя мало что запомнилось. Лишь какие-то отдельные моменты. Так Пантрягин утверждал, что в войну он был бомбардир-фейерверкером и сражался именно здесь, на валах города Пернова. Точное значение своего звания он объяснить затруднился, да и имел ли в виду первую Отечественную или нашу, не было ясно. Обозов все порывался станцевать и спеть из оперетты "Марица", памятной ему с довоенных времен. А Капитолина Ивановна просто хохотала, повторяя: "Ох, не могу!"

Проснулись кто где. Пантрягины в номере Обозова, а Обозов в доме Пантрягиных на газовой плите, которую в этот момент пытался зажечь, чтобы приготовить завтрак.

Придя в свой номер, он установил, что Пантрягины шампанское допили и легли досыпать. В ванной текла вода. Егор Исаевич попробовал - горячая. Он уже хотел было сполоснуться, но потом от пьяной сентимен-

тальности решил сберечь эту воду для юных Пантрягиных. "Дети, они ведь все грязные", - подумал он с добротой в сердце.

Наконец, Пантрягины проснулись и Капитолина Ивановна заторопилась домой: все-таки праздник на носу, а дел еще выше головы. Обозов поплелся за ними. Вскоре оба друга отправились выполнять вчерашнюю невыполненную программу, а заодно купить сметану, необходимую для кулинарии.

Егор Исаевич сунул в карман куртки фотоаппарат, решив между делом увековечить Пантрягина и себя на фоне великого времени.

Первым делом зашли в винный и купили армянского коньяку три звездочки. Нести бутылку на виду было неловко. Поэтому Обозов сунул ее в пластиковый пакет с ручками. Туда же опустил и аппарат: цеплялся объективом за окружающие предметы.

Туда, где принимали вчера, решили не заходить, чтобы не привлекать внимания. Обратят внимание и сочтут за пьяниц. А пьяниц Обозов с Пантрягиным не уважали. К пьяницам же причисляли людей, которые пьют не столько много, сколько неаккуратно. На этот счет у них даже мотивировка была выработана:

Пьяница не тот, кто вовремя пьет,
А кто пьет когда попало,
И жену бьет куда попало,
А еще кто пьет в подворотне и там валяется.
Таких уважать не позволяется.

Словом, зашли в другой "эйнелауд" с кличкой "Телевизор" за широкое окно в широкий мир.

И уж только тогда двинулись к гастроному на улице имени Хоммику. Обозов заботливо, как делается во всех магазинах самообслуживания, поставил пакет на столик для личных вещей. Крутанулись в турникет и подошли ко вчерашней юной продавщице, на ходу, по привычке старых "ходоков", кладя на нее глаз. Правда, она проявила столь же мало интереса, как и вчера. Ассортимент несколько изменился в лучшую сторону: кончился зеленый горошек, зато была одна палка копченой колбасы. На одного ветерана. Второму продавщица предложила взять вместо колбасы ананасовый компот и хоть восемь бутылок кетчупа. Игриво настроенный Обозов согласился.

Расплатившись в кассе, друзья подошли к тому краю стола, где находился их пакет, но пакета не было. Ветераны растерянно оглядели весь стол - не было. Подождали, может, кто взял по ошибке и сейчас вернется. Никто не возвращался. Попросив кассиршу прибрать этот пакет, буде кто вернет его, и купив для приобретенных продуктов новый, друзья вышли на улицу.

- Это что же, Евграф, значит, в твоём городе воры водятся! И на праздник, значит, им насрать. А ведь это уже пахнет политикой.

- Да вот бывает еще такой пережиток. Политпросвещение у нас тут плохо поставлено, - смущенно ответил Евграф, испытывая стыд.

- Нет, этого дела я так не оставлю! - вскипел Обозов. - Сейчас же пойду в милицию. Где тут у вас милиция?

- Милиция где-то вон там, за автобусной станцией. Я в ней только два раза был. В бессознательном состоянии. А так у меня с ними дела нет. Ты вот что... Ты ступай туда один, а я пока принесу Капе сметану и другую бутылку куплю, вместо исчезнувшей.

Дежурный и сидевший рядом с ним в штатском сосредоточенно, не перебивая, выслушали Обозова и ничего не сказали. По закону вызвали переводчика, ибо по-эстонски Обозов не изъяснялся. Егор Исаевич кашлянул и повторил свои показания: мол, сперли фотоаппарат и, что особенно возмутительно, коньяк.

Наконец дежурный открыл рот и сказал с сильным эстонским акцентом:

- Это хорошо, что пришли с повинной. Так что вы украли?

- Да не я украл. У меня украли.

- А-а! Это совсем другое дело. Тогда нужен протокол. Что украли?

- Фотоаппарат. И бутылку коньяку. Армянского.

- Это цыгане, - меланхолически сказал переводчик.

- А где аппарат был? На шее?

- В сумке.

- А коньяк?

- В сумке. С надписью "Привет из Пярну".

- Ну, кто же кладет вместе аппарат и коньяк. Коньяк всегда надо держать отдельно, - сказал дежурный.

Сразу было видно, что дежурный в чине майора с неожиданной фамилией Мазепа большой эксперт по таким делам. Задав еще ряд уточняющих вопросов, в частности, какого разлива был коньяк, сделав ряд замечаний и рекомендаций на будущее и поняв, что от Обозова не отделаться, майор вздохнул и сел за протокол.

- Значит, цыган там не видали?

Выйдя из милиции, Обозов растерянно постоял на главной улице, не зная, что дальше предпринять. На всякий случай позвонил Пантрянину. Трубку взяла Капитолина Ивановна.

- Знаю я ваши дела. Не болтайся попусту, а зайди в гостиницу насчет горячей воды, а потом иди обедать.

Вода, которая еще утром была горячей, вновь охладела. Егор Исаич хмуро посмотрел на струю и плюнул в нее.

В коридоре он столкнулся с администраторшей, которая шла в эйнеланд за кофеом.

- Что это у вас второй день горячей воды нет?

- Есть, но только с утра.

- Что так? Авария?

- Кочегары с одиннадцати начинают праздновать сорокалетие. А чтобы котел не лопнул, отключают его.

Егор Исаич покрутил головой. С одной стороны, почин истопников понять можно, все-таки большой праздник. Чай, и за него пьют. Но, с другой стороны, невытymi приходится ходить. И кому - детишкам, у которых одна радость - поплескаться.

- Ты не переживай, Егор, - встретила его Капитолина. - Конечно, вещь ценная, но ведь ты-то сам ценнее. И вот живой остался.

- Это, брат, точно, - подхватил Пантрягин. - Хрен с ним, с аппаратом, не видали мы, что ли, на войне этого говна. Часы там всякие, аппараты, мы их и за трофей не считали. Обидно только, колбасы на тебя сегодня не хватило...

- Да ладно вас... колбаса! Пирог сейчас поставлю, лучше любой колбасы. Натуральный продукт! - воскликнула Капитолина Ивановна молодецки. - Ладно еще, что на одного хватило. Сейчас вон по телевизору говорили, что двадцать миллионов вашего брата положили. А останься они в живых - это сколько же колбасы надо... - И тут же она перевела взгляд на Евграфа. - Ты купил бутылку на завтра?

- Вон на серванте стоит.

- Ставь на стол. Надо же человеку от переживаний подкрепиться.

Понимающий человек была Капитолина Ивановна, за что и уважал ее Евграф.

Но этот день, конечно, не был главным.

На утро главного дня Егор и Евграф надели выходные пиджаки, звеневшие медалями. Почти строевым шагом с несколько геморроидальным ритмом двинулись они на звуки оркестра. Пришли вовремя. Шествие организованных ветеранов уже закончилось, и на валу по талонам выдавали "наркомовскую норму" - по 100 грамм и гороховый солдатский суп из походной кухни. С настоящим армейским поваром. Дело осложнилось тем, что Обозов как приезжий талона не имел. У бледного непьющего старика купили за два рубля талон. Это навело на мысль купить еще несколько.

- Эй, мужики, кто здесь непьющий? - выкрикнул смелый Евграф.

Оказалось, что непьющие есть, даже больше, чем можно было ожидать. Во-первых, женщины из того поколения, которое еще не пило. Во-вторых, ветераны, страдающие желудочными заболеваниями, а некоторые даже по принципиальным соображениям.

Вокруг Егора с Евграфом образовалась небольшая давка, и цену на талоны быстро сбили до рубля.

Подошли к раздатчику - молоденькому прапорщику, и хитроумный Евграф нашел сходу объяснение десяти талонам в двух руках:

- У нас тут однополчане из дивизии встретились. Десять человек всего и осталось в живых. Нет, ты нам в котелок налей. А супу возьмем пять порций, у многих гастрит. На войне заработали.

Друзья отошли в сторонку, нашли свободную скамейку и хлебнули из котелка. Суп, собственно, не ели, а так, для видимости, заедали. Четыре порции отдали неизвестно откуда вынырнувшим детям Евграфа. Громко играл оркестр, с разных концов вала долетали песни. На эстраде пытался петь хор ветеранов, им подпевали из публики.

Собственно, на этом официальная часть праздника для друзей закончилась. Сдав котелок, миски и ложки, друзья отправились домой, но уже не строевым шагом, а несколько зигзагообразно, как бы медленно преодолеваемая простреливаемое пространство на сильно пересеченной местности. В самом опасном месте Обозов предложил даже ползти по-пластунски, но ему помешали Витя и Костя, удержав в вертикальном положении.

- Вырастили мы все-таки поколение, глядишь, поддержат в нужный момент, - сказал брезгливый обычно к детям Обозов, что, конечно, стоит поставить ему в вину как неправильность.

А дома Капитолина Ивановна уже накрыла роскошный стол, где стояли и пироги, и грибочки, и яичница с салом, а в перспективе где-то маячила индейка. И уже томился местный друг Евграфа журналист Б. Карамазов. Пришла соседка с безмолвным мужем.

Капитолина Ивановна была в новом платье и вообще понимала значение и торжественность праздника.

- Мой-то, ледащий, заслужил, тоже не последний человек.

С Обозовым расцеловались. Заодно Обозов поцеловал и зазевавшуюся соседку, почему-то держась за ее грудь, под неодобрительным взглядом молчаливого мужа.

И здесь гремела музыка из телевизора.

Сунув детям по куску пирога с капустой, Капитолина Ивановна проводила их на улицу, запретив приходить до конца трапезы. Дети ушли, а Робик выехал на своем трехколесном велосипеде. Но о нем речь еще пойдет ниже.

- Ну, давайте по первой! - нетерпеливо сказал истомившийся Б. Карамазов.

- Да уж, по первой... - прокомментировала Капитолина Ивановна, но вполне добродушно, понимая, что сегодня ветераны как бы вне ее юрисдикции, что им все дозволено.

- В общем, за победу и за наших славных ветеранов, - ораторским голосом произнес Борис.

Выпили молча и стали закусывать, похваливая изделия хозяйки. Так дошли до четвертой, после чего темп питья замедлился, и приступили к ветеранским воспоминаниям.

- А ведь сегодня праздник особый, - сказал мудрый Егор. - Взять 50-летие, этих два в столетии. А сорокалетие только раз в сто лет бывает.

О войне вспоминали почему-то только хорошее, как будто не было осенней грязи, весенней распутицы, обстрелов, бомбежек, вшей, голода и военного трибунала.

- А какие люди были! - вздохнул Евграф. - Вот взять нашего старшину. Сделай его Председателем Совмина - свободно бы потянул. И все было бы в порядке. Он пайки всем раздавал - и точно. Себе не брал. А сделай его министром иностранных дел - он бы все державы объеб и держал бы в дисциплинке.

Вспомнили и несколько боевых эпизодов, но они почему-то напомнили очерки Б. Карамазова, хотя Обозов, разгоряченный воспоминаниями, выскочил из-за стола, положил на пол стул и показал, как стреляют из станкового пулемета "Максим", образца 1890 - 1930-х годов.

Неизвестно, чем бы закончился пулеметный обстрел всей компании, но в это время с улицы позвали Капитолину Ивановну. Оказалось, что при угловом доме была открыта яма для мазутного топлива, куда и въехал на своем трехколесном велосипеде Робик. Остальные дети занимались мелким разбоем в соседних улицах. Так как в этот час все справляли День Победы, никто бы и не заметил исчезновения ребенка, если бы не старушка-пацифистка, глядевшая в окно. Не зная, как вытащить младенца, она на всякий случай набрала 01, вызвала пожарную команду и побежала за Капитолиной Ивановной. Пожарники прибыли через пять минут, что тоже было характерно для этого дня.

Капитолина Ивановна прибыла на место происшествия, когда Робика уже извлекли и он сидел, черный, как эфиоп, в черной одежде на черном велосипеде.

- Что же я с ним буду делать, с иродом окаянным! - всплеснула руками Капитолина Ивановна.

Пожарные по случаю праздника были настроены добродушно.

- А мы его пеноструйной абразивной жидкостью обрабатываем, - сказал старший и приказал: - Омельченко, действуй!

Пожарник быстро сорвал с машины шланг с раструбом, откуда на Робика хлынула пена, вроде шампуня. Робик побелел на глазах. Он оказался чисто вымытым ребенком на чисто вымытом велосипеде.

В это время вся банда пантрягинских детей уже собралась вокруг машины, подвергая ее опасности быть растасканной по частям.

- Постой убирать шланг! - воскликнула Капитолина Ивановна. Ее осенила гениальная идея. Она быстро выстроила детей в шеренгу и приказала Омельченке: - Давай струю! - Тот послушно включил шланг, но Капитолина Ивановна перехватила его и сама стала обдавать пеной юных отпрысков Пантрягина.

Так была решена проблема праздничного мытья детей.

А дома события развивались так.

- На войне лучше, чем сейчас! - сказал Обозов.

- Конечно, лучше, - согласился Евграф. - Там главное что? Порядок. А сейчас порядок есть? Нету сейчас порядка. Там уж если ты солдат, то свою пайку получи. А если генерал - то две пайки. Ему положено. А сейчас вся-

кое говно по три берет - и все ему мало. Машины покупают, хрусталь. Надо на войну! - заключил Евграф. - Вот, например, в Афганистан. Еду. И семью заберу.

Политический Борис Карамазов, стараясь успокоить Евграфа, предложил выпить по большой. Но действие оказалось обратное. Евграф тут же начал собираться. Первым делом он разорвал на портянки простыню, потом выбросил из трех ученических сумок все школьные принадлежности и положил туда ложки, а также притащил с кухни крупу и соль.

- Э-э! - сказал он наставительно. - Вот жалко, лаврового листа нет.

В этот момент вошла Капитолина Ивановна.

- Где саперная лопатка? - закричал ей Евграф. - Положено для обмундирования. Чего не стоишь по стойке смирно?

- Нажрался, - констатировала Капитолина Ивановна. - Какая тебе еще лопатка? Я вот сейчас возьму садовую, да как огрею!..

- На войну едем. Построить мне личный состав детей. Рассчитаться по двое... Выполняйте!

- Ты чего?

- На войну едем. В Афганистан.

Произнеся эти слова, Пантрягин, тем не менее, прошел к столу и сжевал еще кусок пирога.

- Отложи, Евграф, - посоветовал ему умный Егор. - Еще водка на столе есть. Да коньяк в заначке.

Карамазов подошел с политической точки зрения.

- В Афганистане, - сказал он наставительно, - ограниченный контингент. А ты хочешь туда с целой оравой. Это может быть политически неверно истолковано.

Евграф неожиданно согласился.

- Ну, если политически, тогда конечно. Вольно, разойдись! Оправиться и закурить.

Афганский инцидент был урегулирован, как видим, с завидной быстротой, что не снилось политикам и военным самого высокого ранга.

Друзья запели военные песни. В хор включилась Капитолина Ивановна, знавшая многие из них как дитя войны. Некоторые песни были зазорные. Их с особым удовольствием слушали обмытые дети. Обозов сидел в обнимку с соседкой. А молчаливый муж, обняв Карамазова, заснул на его груди.

В общем день прошел хорошо. И это надо отметить во всех анналах и хрониках 40-летия Победы.

На следующий день Обозов, опохмелившись, отправился восвояси, и жизнь потекла бы спокойно и размеренно, если бы не история с украденным фотоаппаратом и коньяком. Через некоторое время Евграф получил повестку из следственной части внутренних дел, по которой ему предлагалось явиться к 14 часам в комнату № 512.

Подлежит возврату в суд

за № 5
(почт. квит.)

ВТОРОЙ ЭКЗЕМПЛЯР СУДЕБНОЙ ПОВЕСТКИ (РАСПИСКА)

По уголовному, гражданскому делу № _____	
(нужное подчеркнуть)	
Повестку на имя <u>Пантрянский, Арсентий Юрьевич</u>	о явке в _____
районный	городской
народный суд на <u>3. X</u> 198 <u>5</u> г.	
в качестве <u>потерпевший</u>	Получил _____ 198 <u>5</u> г. (подпись адресата и дата получения)

Вручена для передачи _____ (фамилия, подпись получателя с указанным отношением к адресату)

Подпись руководителя отделения связи, цеха, участка _____

Повестка не вручена вследствие _____

(календ. шт. дня вручения судебной повестки)

(подпись руководителя отделения связи, цеха, участка)

ОБВЕДЕННОЕ ЖИРНОЙ ЧЕРТОЙ ЗАПОЛНЯЕТСЯ ОТПРАВИТЕЛЕМ

- Доигрался, - сказала Капитолина Ивановна. - Будешь знать, как пропивать казенную краску. Не являйся. Пусть лучше приводом. А может, и не придут, забудут. Если там одна-две банки.

Струхнувший Евграф на сей раз полностью подчинился авторитету супруги.

Дня через три раздался резкий звонок.

- Здесь проживает Пантрянгин? - и человек предъявил документ.

- А в чем дело? - насторожилась Капитолина Ивановна.

- Дело № 430.

- А его дома нету, - соврала Капитолина Ивановна. - В командировку уехал.

В это время Евграф лежал под диваном.

- Тогда пусть явится в комнату 512, когда вернется.

На вызов пошел не Евграф, а Капитолина Ивановна. И как ни финтил следователь, а она сумела выведать, что дело идет об украденном аппарате, что Евграф проходит свидетелем и нужна его собственноручная подпись.

Капитолина Ивановна, будучи женщиной трезвого и скептического склада, выслушала эту версию с недоверием. Будут они из-за какого-то засранного аппарата заводить дело с таким большим номером - страшно сказать, 430! Нет, тут все-таки больше пахнет краской. В доме воцарилась атмосфера напряженного ожидания чего-то неведомого.

Слава Богу, неожиданно ввалился Егор Обозов.

- Вызывают для опознания. А там и в суде потерпевшим выступать. Пойдем опознавать вместе.

Осторожный Евграф уклонился, о чем, конечно, потом пожалел:

- Ты ступай один, а я пока схожу...

Опознание происходило следующим образом. Следователь сидел за столом, а перед ним лежали шесть фотоаппаратов.

- Находите здесь свой?

Егор сразу же увидел свой старенький "Зоркий-3".

- Вон тот.

- Распишитесь.

Егор расписался и собрался уже было уходить.

- Погодите, гражданин Обозов. Теперь будем опознавать коньяк.

Следователь выставил на стол 6 бутылок без наклеек, в которых находилась жидкость коньячного цвета, и две рюмки.

- Начнем, - и он налил рюмку из первой.

Егор неуверенно отпил и, подышав, уверенно сказал:

- Старка.

Следователь налил себе, выпил и подтвердил:

- Точно.

Налил из второй.

- Перцовка, - сказал Обозов разочарованно.

Следователь снова налил себе, выпил и подтвердил:

- Истинно перцовка.

В третьей бутылке оказался портвейн.

В четвертой был коньяк.

- Азербайджанский, хоть и четыре звездочки, но все равно говно, - определил Егор Исаич.

Следователь выпил рюмку, заглянул в блокнот и сказал: - Действительно так.

При пятой пробе Обозов весело сказал:

- А вот это мой. Армянский три звездочки.

- Повторим пробу, чтобы ошибки не вышло.

Выпили еще по рюмке.

- Что ж, распишитесь, - сказал следователь с некоторой заминкой. - И можете забирать.

- Товарищ следователь! - воскликнул Егор. - Куда же ее, початую, по улице тащить. Добьем здесь.

- Я при исполнении, - неуверенно сказал следователь.

- А вы сделайте обеденный перерыв. Есть здесь неслужебное помещение?

- Здесь все служебные. Вот разве что вырезвитель свободен. Днем там пусто.

Они прошли в чистенькое помещение с деревянными скамьями и почему-то с двумя банными шайками на стене.

- Вот здесь, - сказал следователь.

Допили аккуратно армянский. Потом следователь сказал:

- По факту азербайджанского следственный эксперимент уже закончен. Все равно его спишут.

Он сходил, принес азербайджанский. Допили и его. А потом подремали на лавках, подложив под голову шайку.

Часам к четырем Егор вернулся к Пантрягиным и победно показал свой фотоаппарат.

- Все-таки у нас милиция исключительно хорошо работает, - сказала Капитолина Ивановна и почему-то погрозила пальцем Евграфу.

На этом, собственно, и кончается наша история. А празднование Дня Победы запомнится навсегда.

Рассказ этот записан со слов и по просьбе Обозова и Пантрягина и одобрен как соответствующий принципам социалистического реализма. Обозов как человек бездетный полагает, что рассказ продолжит во времени его одинокое и неизвестное существование. Пантрягин же полагает его ценным для своего шумного потомства, чтобы оно правильно выросло, несмотря на крупные недостатки школьного воспитания, и пошло по стопам отца.

Д.С. и Ю.А.

Интервью,

данное Евграфом Пантрягиным корреспонденту газеты "Пярну Линнатраливали" Б. Кармазову

Кармазов: Евграф Мокеевич, мы остановили свой выбор на вас, поскольку Вы выражаете взгляды наиболее типичной среды трудового населения нашего города. Как Вы относитесь к антиалкогольным мероприятиям?

Пантрягин: Что касается антиалкогольной политики, то она совершенно правильная. Жалко только начальство, потому что на банкетах им теперь дают один компот, а это может отразиться на состоянии их здоровья. Главное, чтобы власть нас пережила, а не мы ее. Между тем недавние факты говорили о другом. А это политически неверно. А так все верно.

Работаем лучше - до 2-х часов. Раньше в 9 начинали, а уж с 11 - точно. И это тоже на руку международному сионизму. Ведь они, евреи, тоже раньше 2-х никогда не пьют, а некоторые так только к 7 вечера напиваются. А нужно перенимать правильный опыт Запада, а не какой придется. Всякие там виски, джины, кока-колы, советскому человеку это ни к чему.

С одной стороны, произошли значительные улучшения. В кафе и буфетах сейчас стало чисто, пусто, тихо. Вот сейчас бы в самый раз и продавать, что пользуется спросом. А тут имеют место разночтения и огорчения со стороны населения.

Вообще-то я к водке отношусь отрицательно. Но, как учили нас в кружке политобразования, каждое явление имеет две стороны. Хотя водка, считается, отрицательное явление, но положительная сторона в ней тоже есть. Какая? А то, что ее можно употреблять.

Подорожания значительного, и это положительный факт, не произошло. То есть это тоже правильно. И в связи с этим я вижу перспективы. Сейчас в ход пойдут самогонные аппараты модернизированного типа, вроде телефонных, на батарейках и на транзисторах. У меня лично такой уже имеется. Потому что русский умелец, он тебе даже непьющую блоху подкует. Гонит он из морковки. А по вкусу не отличить от "Солнцедара".

Капитолина Ивановна, жена моя, в 2 часа включает, а к концу рабочего дня набегает не меньше пол-литра. А больше нам и не надо.

Появился тут недавно участковый. Понюхал, с чего бы это у вас морковкой пахнет?

Я, говорю, соки гоню для детей.

- Можно попробовать? - официальным голосом говорит и достает мензурку.

Дали ему стакан. Попробовал. Говорит, консистенция неясная. Дали второй. Он свалился и мензурку разбил. К утру проснулся, говорит, у вас все в порядке.

Так что с этим у нас вообще все в порядке, есть протокол о наличии аппарата для выгона сока по случаю авитаминоза у детей.

Нет, закон этот правильный. Нечего все на государство надеяться. Самим надо дело делать. И без шума.

Мы с Капитолиной Ивановной купили на сэкономленные деньги хрустальную вазу. Конечно, государственному бюджету ущерб. Но можно на моратории сэкономить. Все равно, если они хуякнут, то и мы хуякнем. И поэтому лучше выпить заранее.

Нет, закон этот правильный, только он не для дураков. Его правильно понимать надо. А дуракам хоть какой издай, они все равно в дураках останутся.

Инскрипты на книге "Голоса за холмами"

Ф. Искандеру

В грядущее гляди, Фазиль -
Etre ecrivain est difficile.

Ю. Карякину

Каряка! Лечить человечество
Не стоит страданием крестным -
Само, если хочет, излечится,
А если не хочет, то хрен с ним.

Б. Окуджаве

Между нашими домами
Пусть Литфонд создаст холмы, -

Голосами за холмами
Сообщаться будем мы.
- Эй, Булат! Ты жив-здоров?
- Да! - ответит нам Костров.

В. Фисгееру

Фисгеер, короткая ода вам.
Желаю Вам жить на Руси
И зваться при сем Пешеходовым,
Хоть ездить при этом в такси.

М. Козакову

Ты, Миша, Фауст и Арбенин,
Был Гамлет, будешь и Полоний,
А для меня ты, Миша, ценен
Тем, что всегда не посторонний.

Готов тебя в стихах прославить,
Воздать таланту и уму..
Дай Бог тебе играть и ставить
(Но лучше "что-то", чем "кому").

Регина - Миши Министерство
(Тяжелое Мишестроение!) -
Руководит без мини-стервства
И исправляет настроение.

Ю. Абызову

Однажды в студеную зимнюю пору
Из криза я вышел, судьбою храним,
И Нине, и Юре, а также Егору
Сей труд вдохновенный послал заказным.

Туда я вместил то, что было вмести́мо,
Прочтите, пожалуйста, книжку мою.
Откуда стишата? - из Пярку, вестимо.
Сперва их рубаю, потом издаю.

27.11.85

Ю. Киму

Любимым
Кимам,
Ирине, Наташе и Юли-
Ку,

Читайте, пока не заснули
(ку!).
А "ку" здесь причем? Я отвечу
(ку),
Что есть здесь стишок и про печеч-
Ку.

В. Баевскому

О Вадиме Соло-
Моньче
Распеваю соло
До ночи.
А к утру поем ду-
Этом
(В том году,
А также в этом).

А. Чернову

Андрей! Вам предназначено
Одно простое правило:
Порой пишите начерно,
Всегда живите набело!

Белобровцевым

Ремонт - гораздо больше, чем ремонт.
Он означает жизни перемену,
Похож и на любовь, и на измену,
Особенно когда на полный фронт.

Так ремонтировать учитесь сами.
Учитесь сами красить потолок.
Старайтесь уложиться в краткий срок.
А лучше все пошлите к этой маме.

Полезные советы в книге есть,
Как управляться с собственной квартирой.
Дарю вам книжицу¹, Виталий с Ирой.
Узнаете, как на стремянку лезть.

Галя и Дезик Самойловы,
жертвы ремонта

¹А.Вески, Я.Вески. Ремонт квартиры. Таллинн, 1984, стр.190, тир. 250 000.

22 июня 1985, в день, когда некогда началась война. Окончилась через четыре года.

Белобровцевы - таллинские литераторы. Переводят эстонскую прозу. Когда заказа на перевод нет, Ирина пишет статьи, а Виталий в очередной раз меняет квартиру. Когда они со временем прославятся, каждый третий дом в Таллинне будет иметь доску: "Здесь жили Белобровцевы".

В. Баевскому

В ответ на Ваше милое рондо
Я все ж сонетом рассчитаюсь с Вами.
Ленился я, а нынче замордо-
Ван бесконечными статьями.

Я бы послал их к этой самой маме,
Но детям нужно что-нибудь съедо-
Бное, и обувь, и пальто,
За что расплачиваются деньгами.

А летом написал не два, не три
Стихотворения, а целый ворох
(Не знаю сам, откуда взялся порох)

И циклу дал название "Беатри-
Че". (Как всегда "шерше ля фам"!)
Надеюсь, что пришлю его и Вам.

1985

Генуг

Из цикла стихов, посвященных Гене Гутману

1.

Гену звали
Генацвале.

2.

Съев таблетку баралгина,
Диссидентку барал Гена.
А она была невинна.
Это необыкновенно.

3.

Не е..., Геннадий,
Блядей.

Потому что это, Гена, -
Высшим принципам измена.

4.

Раньше Гена был генсек¹,
А теперь - геноссе.
Может этот человек
Не решать вопросы.

5.

Скажу тебе, Гена, я,
Что Пярну не Генуя.
Загрязнен залив,
Нет вина в разлив,
А за водкой, Гена,
Очередь ох...на.

6.

Геннадий Крокодилыч,
Выпьем полбутылыч.
И съешь при том, Геннадий,
Картофельных оладий.

7.

Дружба, Гена, -
Основное.
Остальное -
Это пена.

8.

Гена, худший аллерген -
"Морбус руссо-рустикум".
От него прими пурген
И присядь под кустиком.

9.

Ты, Гена, не искатель званий,
К примеру - доктора наук.
И так в тебе избыток знаний.
Генуг!

¹Генсек - шутка Ю. Д. Левитанского, а вообще имеется в виду тот период, когда Гена формально был оформлен литературным секретарем Д.С. (Прим. Ю.А.).

10.

Не любит Гена геноцид,
На геноцид Геннадий ссыт.

11.

А что такое, Геночка,
Хорошенькая девочка?
Хорошенькая девочка
Всегда срывается с крючка.
И надо с нехорошенькой
Иметь, Геннадий, дело.
Пускай глаза горошинкой,
Зато какое тело!

12.

Евграфов любит Ев и графов,
А Гутман любит лишь простых,
Для упрощения этапов
Предпочитая холостых.

13.

В литературе, Геночка,
Снимать приятно пеночку.
Но где ты снимешь пеночку,
Когда уткнешься в стеночку?

14.

Он всегда в плену эмоций,
Потому и детям близкий.
С коньяку он - Песталоцци,
А с сухого - Сухомлинский.

15.

Пишу стихи. Издалека
Ожидая Гену!
Вдруг бутылку коньяка
Привезет взамену²!

¹Летом 1988 года Гена летел к Д.С. в Пярну из Москвы.

²Взамену чего - не ясно. Вероятно - для рифмы (Прим. редактора).

16.

Тебя изобразил я гуманистом
Широкого масштаба.
При этом думал, будучи марксистом:
Была бы баба.

Выражансы вслух,
*записанные соседями по 531-й палате в клинике
I ММИ им. Сеченова в апреле 1986 года*

Идеологическая диверсия

Как говорят в Америке,
Полезней для эротики
Не юные венерики,
А старые склеротики.

Призыв

Я вас искала
По части кала.

О впечатляющей враче Петуховой

Ему приснилась Петухова -
И он проснулся
И ... своего сухого
В слезах коснулся.

Детский вариант

Ему приснилась Петухова
И вслед за этим...
Во сне видать такого
Не надо детям.

О вреде болезней

Ребята, не надо болезней,
Поскольку намного полезней,
Тайком закулив папиросы,
Решать половые вопросы.

Тоска по родине

Женя, Женя, мой голубчик,
Надоел больничный супчик,
Есть с Олегом или с Борей
Отвратительную муть.

Свежих хочется калорий
И кого-то взять за грудь.

Из Пярнуских скорбных элегий

Раздумья

Шла в распахнутых бушлатах
Ребятня из мореходки.
Им хотелось выпить водки.
Но нигде не продают
И нигде не подают.

Если выпить запрещают
Или пить недешево,
Это нам не предвещает
Ничего хорошего.

Говорят, что Русь спилась
Уж в девятом веке,
Когда плыл какой-то князь
Из варяг во греки.
(Русь-то, впрочем, не спилась,
А спились узбеки).

В ресторане холодно и трезво,
В ресторане нет вина,
Так за этим делом сбегай резво,
Сбегай, Юра, старина.

19.3.86

Кого бы это мог наладить в магазин поэт столь категорично? Ю. Карякина? Ю. Давыдова? Ю. Левитанского? Ю. Лотмана? Кажется, ни один из них в Пярну не бывал. Я бы, может, и сбегал бы, не чинясь, но меня в марте в Пярну не было. Остается один Ю. Ефремов (Прим. Ю.А.).

В обиде на жизнь!

Допиваем последнюю водку
И коньяк допиваем.
Доедаем к тому же селедку,
Все, чем мы заедаем.

Колбасу, и сыры, и сардины,
Масло, мясо, сметану.
А питаться - какие причины.
Я питаться не стану.

Будем есть, что дадут нам в столовой,
Пить - что будет в продаже.
И питаться лишь пищей готовой.
И не есть будем даже.

Есть ведь лишняя только забота,
А готовка - работа.
Потому-то и есть неохота,
Но выпить охота.

Будем пить самогон
Из крупы, из картошки и лука.
Ибо можно не есть,
Но не пить - это чистая мука.

Ну, а если не пить,
То закусывать тоже не буду.
В общем, дайте мне жить
И рюмаху мне к каждому блюду!

21.6.86

Сочинено в состоянии полного (но не абсолютного!) опьянения и обиды по случаю того, что общество и Галина Ивановна воспрепятствовали дойти до абсолюта. Огорченный поэт ушел в кабинет и долго тыркал пальцем в клавиши машинки, почти не глядя на то, что получается. Думается, что текст может представлять интерес для исследователей психологии творчества, в частности В. Баевского, которого чрезвычайно занимает вопрос "как рождается стих" (Прим. редактора).

В КРУГУ СЕБЯ

Том IV

Предисловие к 4-му тому

Четвертый том "В кругу себя" представляет собой именно четвертый том. Он, как и прежние, создан тщанием Юрия Ивановича Абызова и издан на его средства. Сам того не зная, Юрий Иванович оказался спонсором и простит мне, если это слово означает что-либо неприличное.

Я всегда шагал в ногу со временем. Но его ноги оказывались длиннее моих. Мне приходилось опережать его мыслью.

Особенность данного тома в том, что мне надоело всех и вся опережать мыслью. Это не по моим годам.

Я шагаю в ногу с моим спонсором и самим собой.

Не будучи врагом перестройки, я все же считаю, что попойка лучше, чем перестройка, пиво лучше, чем альтернатива, ясность лучше, чем гласность и т.д.

Именно в этом духе написан четвертый том.

Умеренный консерватизм всегда отличал мои воззрения, и на моем знамени начертано: "Тише едешь, дальше будешь". А на гербе: "Поспешишь - людей насмешит".

Впрочем, людей может насмешить и мой четвертый том. Но зато без спешки. Поспешай, но не торопись, мой Читатель.

Четвертый том отличается большей зрелостью и глубиной мысли, т.е. меньшей незрелостью и легкомыслием.

В этом легко убедиться, перелистав мои страницы. Поэтому - приятного сна.

Уважающий себя и даже тебя, дорогой Читатель,

*Д. Самойлов,
член всего*

Д.С. и Юрий Абызов

В ногу со временем

Пишет тебе, уважаемый Егор Исаич, твой друг, ветеран Евграф Мокевич Пантрягин. Прости, что давно не писал. Но тут такие дела пошли, что и в очереди постоять некогда. Сообщаю тебе, что я нынче стал общественным деятелем. А вышло это опять-таки через Сельдерей. Приходит он как-то и говорит:

- Ты, Евграф Мокеич, человек с образованием, а нам сейчас такие нужны, потому что интеллигенция получила полную посмертную реабилитацию и сейчас составляет передовой отряд нашего общества. Мы, говорит, теперь не то чтобы пить не должны, но и закусывать скоро перестанем, потому что перестройка перешла на хозрасчет и на подряд, поэтому нужно двигать вперед духовную сферу. Так вот, говорит, я до конца перестройки пить почти бросил, пью один самогон индивидуального изготовления и не в общественных местах, а в разных других. Таких тоже довольно. Но не в этом дело. Дело в том, что если разные эстонцы и карабаховцы выдвигают народный фронт, то и мы, ветераны войны и труда, должны тоже создать свое движение. И мы тут подумали с Карамазовым (не с Борькой, а с его старшим братом, он на пенсию вышел), подумали и решили создать движение в защиту.

- В защиту чего? - спрашиваю.

- В защиту всего. Например, в защиту тех, кто за. Или среды обитания. Ну и мира, конечно. И детей. И старинных обрядов и обычаев. А также зданий... В общем, много есть чего защищать. Говори коротко - согласен или нет?

Я недолго подумал и согласился. Потому что если так сидеть, то бюрократия все расхватает и нам схватить уже будет нечего.

Так что работаю сейчас активистом движения в защиту. И много уже сделали. Например, создали фонд на постройку памятника Неизвестному Ветерану-Пенсионеру. Ну, конечно, и дирекция фонда. Сельдерей у нас лидер, поэтому стал директором фонда, а я его первый заместитель. У нас их первых шесть штук. И одна секретарша. Зарплата приличная. Защитили одно строение на снос, сами же снесли и построили на этом месте здание дирекции. На втором этаже помещается инициативная группа в защиту. Это тоже мы. Но там по совместительству получаем полставки. С премиальными получается 550 р. За такие деньги можно и потрудиться для родного народа.

Защитили мы также, но только отчасти, и окружающую среду обитания. Организовали кооператив "Не плюй в колодец". Если кто плюнет в водоем или бросит окурочек на газон, мы его немедленно отводим в отделение милиции и по договору получаем 33% с общей суммы штрафов. Деньги эти по отчислению за амортизацию одежды и в случае сопротивления и лечения, если кто сопротивляется и нам наносит, идут на культурные нуж-

ды населения. Общепит недавно закрыл одну столовую ввиду недостатков в подвозе продуктов и их гниения на складе, а также засухи в отдельных регионах, а так же бюрократического торможения в привесе скота; а мы в этом помещении открыли кооперативную библиотеку под названием "Макулатурная литература". Берем книги только макулатурные, для чего купили списанные собрания сочинений писателей прошлого времени Льва Никандровича Толстого (кстати, граф) и Федора Достоевского в местной читальне. Сейчас у нас есть "Королева Марго" с французского и писателя Пикуля, забыл, правда, с какого. Народ валит валом. У нас очередь. А если без очереди, то наценка на тариф 67%.

Вот что значит культурно вести дело. Всем выгодно. Всем удобно.

Средства у нас уже есть. Теперь собираемся арендовать здешний мясокомбинат и перепрофилировать его с изготовления колбасы на изготовление вегетарианских сосисок из моркови.

Видишь, брат, какие великие дела. Так что приезжай. Я тебя устрою. Как будет время, напишу еще.

*Твой друг Евграф,
первый заместитель председателя разных дел*

P.S. Я для иностранных связей заказал визитную карточку. На одной стороне: "Евграф Мокеевич Пантрягин. Член всего." А на другой (по-иностранным, мне перевели): "Eugraf Pant, omnium penis".

Каково!

Философема о текущем моменте

Не пою свободу слова
Или гласность.
А пою сегодня снова
Непричастность.

Не причастен ни свободе,
Ни террору,
А мечтаю о природе
В эту пору.

Потому что эта гласность -
Просто частность.
Избежит сию опасность -
Непричастность.

Говорят мне: ты есть скептик,
Хватит лая.
Предлагают выпить пепсик.
Не желаю.

Демократии желаю
Только пьющей.
"Помоги, - к тебе взываю, -
Всемогуший".

Ведь когда еще очнутся
Бюрократы.
А у нас еще найдутся
Аппараты.

Не на водку поднимайте цену,
Братцы.
И зачем вам лезть на стену?! -
Скажем вкратце.

Демократия и гласность
Под спиртное, -
Обретет себе прекрасность
И иное...

Поэтическая здравица времен Застоя

От Сибири и до Буга
Не отыщешь калача...

Это личная заслуга
Леонида Ильича!

Где любимая севрюга,
Где родная чавыча?

Это личная заслуга
Леонида Ильича!

Родила его Калуга¹,
Превратила в москвича...

Это личная заслуга
Леонида Ильича!

Подобных четверостиший множество родилось на Балтийском берегу,
но, незаписанные вовремя, все они канули в море.

¹Имеется в виду татарский писатель Станислав Юсупович Куняев, активист Союза Тохта-Миши-Архангела (Прим. автора).

Из посланий М. М. Козакову

1.

Регина, утомясь от катаклизмов Миши,
Решила улететь куда-нибудь повыше,
Короче, подалась отсюда за рубеж,
Точнее, в США. Она забыла меж
Тем, что муж ее, хотя и неврастеник,
И на хозяйство хоть дает не много денег,
Зато он режиссер, артист и патриот,
До двух часов он в рот спиртного не берет,
А ежели берет, то значит - накануне
С народом вместе был, не тратя время втуне.
Забыла ли она, что даже Дюрренматт
Готов переносить порою Мишин мат,
Ведь Миша же артист и даже бывший Гамлет,
Как Пастернак сказал - он на ногу не храмлет.
Зачем же, баба, ты уехала в Техас,
Покинула зачем и родину, и нас,
Особенно его, печального артиста?
Не кажется ли вам, что дело тут нечисто?
Не сионизма ль здесь татарский вариант?
А Миша между тем терзает свой талант
И ставит... Ставит что? Кому?.. Тьфу!.. Мне скабрезность
Рассадин подсказал, что презирает трезвость,
И вполпьяна статьи рубает в "Огоньке",
И люди чешут лоб, твердя: "Шо цэ таке?"
А ты, Рассадин Ст., напрасно б пыл не тратил,
А бабу Мишину в статье удюренматил.

2.

Миша, Миша! Как прекрасны
Соловьи!
Миша, Миша, мы несчастны
Без любви.

Надо, Миша, не жениться,
А любить.
Ибо брак - любви граница,
Может быть.

Перейдя сию границу,
Козаков,

Попадаешь вновь в темницу,
В груз оков.

На свои худые почки
Не взирай,
А вдвоем в лугу цветочки
Собирай.

Пей и пой, пляши бессонно
На лугу.
А о марше Мендельсона -
Ни гу-гу!

3.

Твоя жена, космополитка,
Отбыв надолго в США,
Немало родине убытка
Своим поступком нанесла.

В Нью-Йорке или же в Бостоне
Она свои проводит дни.
А к нам стремится даже Рони.
Но, Миша, мы с тобой одни.

Где суп протертый? Где котлета?
Кто стирает нам белье?
Никто. Ответственность за это
Я возлагаю на нее.

Послание М. Козакову о браке

Басня

Законный брак, любезный Козаков,
Для умных, а не мудаков.
Вот взять хотя бы блядство.
Вне брака даже в нем нет полного приятства.
Хотя бы ты: чуть застегнул штаны
И сразу же: адье! А ежели красotka
Кричит: "Постой, Мишель!" Ты отвечаешь кротко:
"Остался бы, мой друг, кабы не нрав жены!
Мерси".
И - прыг в такси.
Ну, а супруга, Боже упаси,
Чтобы тебя ругать, когда сама не в духе.
Так разве, две отпустит оплеухи.

Но оплеуха - вздор,
Коль с давних пор
Спать у себя привык, а не у шлюхи.
А если только разнесутся слухи,
Что стал ты холостяк,
То все уже не так.
Иные дамы
Начнут устраивать трагедии и драмы,
Домой не убежишь - так делают лишь хамы.
А будешь слушать, как она: "Мишель!
Куда вы в эту страшную метель,
Тем более, что здесь готовая постель,
И утром я сварю вам вермишель.
Как яйца любите - вкрутую или всмятку?
Да и в одежде вашей много беспорядку.
Снимите брюки - я отглажу складку".
И вот уж ты в сетях. А выпрыгнешь в окно,
Распустят слух, что ты говно,
Раствитель, импотент, обманщик,
И не актер, а балаганщик,
Не режиссер,
А крохобор.
И выставят тебя, беднягу, на позор.

Михаил Козаков

Вот брака смысл каков,
Любезный Козаков.

Из посланий З. Гердту

1.

Беседуя с друзьями
О людях и судьбе,
Мы вспомнили о Зяме,
Конкретно о тебе.

О том, как в Ленинграде
Ты произвел фурор.
Здесь рифму я бросаю
В избытке лучших чувств.

Тебя я, Зяма, славлю,
Любя сверх всяких мер.
Здесь рифму я поставлю,
Но чувства не лезут в размер.

Ты не влезашь в ямбы,
Прекраснейший из Зям.
Как написал Хайям бы...
Но не при чем Хайям.

2.

Ах, Зяма, ты - шалун!
К какой подъехал дате!
Ты не совсем уж юн,
Но не растрочен, брате.

Тебе еще шутить,
Тебе еще кутнуть,
И, может быть, схватить
И, может быть, шипнуть.

Ну, может быть, чуть-чуть,
Но с рвением надлежащим,
Кого-то где-нибудь
Ласкать по подлежащим.

Гердту и Якуту

по поводу "Костюмера"

Всеволод и Зяма,
Поздравляю вас,
Ибо эта драма
Очень удалась.

Каждая минута
Смыслом налита.
Смотришь на Якута,
Смотришь на Гердта.

Среди всей рутины
Трудно быть людьми...
Жаль, что магазины
Только до семи.

Барду в завязке стихи без развязки

(а точнее, Ю. Киму)

Хорошо тебе, Юлик, непьющему
И, быть может, уже некурящему
И поэтому пышно цветущему,
И к тому же высоко парящему.

Если, Юлик,
Ты съешь пару килек,
То теперь уж не в качестве закуси.
Вспомнишь, Юлик,
О том, что ты лирик,
И в тетрабочке сделаешь записи.

Будет первое о бестабачности,
А второе о безалкогольности.
Ах, ушли времена бесшабашности,
Где они, наши древние вольности!

Если, Юлик,
Ты сядешь за телек,
То увидишь страну изобилия...
Сценарист есть такой Саша Хмелик,
На хрена ему эта фамилия.

Мы отменим актера Хмельницкого
И, конечно, художника Водкина,
И героя Богдана Хмельницкого,
И (для рифмы) писателя Теткина.

Сядешь, Юлик,
На стулик, за столик,
Полный радости и умиления.
Ибо, Юлик,
Ты не алкоголик
И достоин за то прославления.

Вспоминай, когда напьешься пьяный,
Кто твой собутыльник постоянный.

Пусть становится нам
Все ясней и ясней:
Выпьешь первую сам,
А последнюю с ней.

Гляди, пропойца бесшабашный,
Кто собутыльник твой всегдашний.

Гляди, что ждет
Того, кто пьет.

Хлебниковым

Скажу об Анне и Олеге:
Люблю от альфы до омеги.

На Астраханском переулке
 Порой мы делим общий кров,
 И Гена делает прогулки
 Для покупанья пол литров.
 И хоть икрою осетровой
 Не заедаем мы вина,
 Но на бутылке пол литровой
 Напишут наши имена!

Актрисе, начисто забытой автором

Я полюбил актрису Люду,
 Людмилу, Люсю и т.д.
 И стал подобен я верблюду,
 Мечтающему о воде.

Как сын пустыни одногорбый,
 Верблюд породы дромадер,
 Хожу непонятый и гордый,
 Но не желаю полумер.

О, пусть я лучше преломлюся,
 Пускай я лучше пропаду,
 Но не могу напрасно, Люся,
 Ходить у страсти в поводу.

Пусть лучше буду есть колючки,
 Репейник и чертополох,
 Когда, целуя ваши ручки,
 Я не услышу нежный вздох.

Льву Озерову

Да, Лева, нам, наверно, поздно
 С тобою говорить серьезно,
 Давай же говорить шутя
 И рифмы легкие крутя.
 Наверно, говорить всерьез
 Нам надо о любви и смерти.
 Но это роковой вопрос,
 А в нас еще гуляют черти.
 Не будем важны. Я живу,
 Приехав в милую Литву.
 Здесь будет дружба, будет пьянство,
 Зачем по улицам бродить?
 Мы можем с этим погодить.

А в "Гинтарас" иль в "Драугисте",
Где много разного вина,
Глядеть, как упадают листья
И дождь струится вдоль окна.
С твоим Эугениушем славным
Часок поговорить о главном
И Альфонсосу позвонить,
Чтобы не прерывалась нить.
Вокруг красавицы Рамуне
Повишься, вроде комарья...
И вдруг понять: все это втуне,
И я почти уже не я...

Абызову по случаю дня рождения

Увидев образ глинкин¹
И многое вокруг,
Давай с тобою тринкен,
Абызов, милый друг.

Есть повод - день рожденья.
И в наши времена
Такое наслажденье
Быть вместе, старина!

Увы! Мой краток выезд
И близок мой отъезд.
И все же Бог не выдаст,
Да и свинья не съест.

В кругу не очень шумном,
За славною едой
Поговорим об умном,
Товарищ мой седой.

Все наши разговоры
Ты занеси в тетрадь.
Дней наших хроникеры
Их будут разбирать.

Но чем мы больше выпьем,
Тем будет им трудней,
Тем больше им насыплем
Загадок наших дней.

¹Подаренная книга о Глинке.

Тем более сюрпризов
Найдут они притом.
Поэтому, Абызов,
Не надо "на потом".

Пускай я буду бражник
И худший из повес,
Но выставляй загашник,
Ведь времени в обрез.

Мы выпьем для порядка,
Поскольку есть в нас прить.
Сидеть мы будем кратко,
Но длинно говорить.

Жить по своим законам,
Другие отменя.
Мой друг, не будь бурбоном,
Не огорчай меня.

Так за твое рождение
И за твою семью
Давай без рассужденья
Хлебнем, Абызов Ю.!

И чтоб не по последней,
Как и не в первый раз,
Чтоб кое-что из бредней
Еще осталось в нас!

Ноябрь 1987

Послание Абызова Самойлову

с присовокуплением даримых пластинок

Не спи, не спи, Самойлов,
В кругу своей семьи,
Крути, крути, Самойлов,
Пластиночки мои.

Тебе ко дню рожденья
Я их преподношу
И высказать сужденья
При встрече попрошу.

Поспи, поспи, Самойлов,
И музыку включи,
Томленье и похмелье
Гармонией лечи.

Послание интересно с точки зрения рифмы. В I строфе рифма тавтологическая: Самойлов - Самойлов. Во II грамматическая: рожденья - сужденья. В III ассоциативная: Самойлов - похмелье (Прим. Ю.А.).

Слабость рифмы - отличительная черта нахального стихотворного манья Ю. Абызова.

К "Самойлову", конечно, трудно подыскать рифму, но не для мастера. Вот пример:

Зачем, Самойлов,
Съел сам мой улов?

Вот так, Абызов! (Прим. Д.С.)

Два варианта благодарности

Егору Ивановичу Абызову за подаренные пластинки

Я стал, Абызов, меломаном
Под влиянием тебя.
А прежде был я графоманом
Для убажания себя.

Теперь я только брамсов-гайднов
На проигрывателе кручу,
А исполнителей эстрадных
Даже слушать не хочу.

Стали для меня Высоцкий, Окуджава
Лишь носителями скверн.
Вот у кого заслуженная слава -
Это Д. Ойстрах и Ван-Клиберн.

Тот нежно скрипочку ласкает,
Тот тихо по роялю бьет.
И весь оркестр им помогает,
Как нашей партии народ.

А эти роки - лишь сплошные шумы-гамы,
И крик, как будто это стадион.
Послушали бы, какие в Бахе гаммы,
Как деликатно сочиняет он.

Да, Юрий Иванович, сколько ни кричи,
Тебя не вспомнят будущие поколения.
Недаром Ленин и Чайковский - Ильичи.
И Брежнев, если б не сбили застойные явления¹.

¹Здесь надо сказать резче: "служебные злоупотребления" (Прим. Д.С.).

Ты, Абызов, мне помог духовно,
Говорю тебе как ветеран:
От неправильной политики в искусстве, безусловно,
Вкус мой был достаточно засран.

*

Ты, Абызов, теперь не считай меня Ванею
И не сравнивай меня с каким-нибудь Афонею,
Поскольку приобщил меня к музыкальному образованию
И я слушаю не Пахмутову, а сплошную симфонию.

Я теперь, Абызов, не тяну из полмитрича,
Как прежде, когда забывал свое имя и отчество,
Ведь я слушаю Шостаковича Дмитрия Дмитрича.
Но если по совести, выпить хочется.

Зато я в очереди стою с магнитофоном
И слушаю, к примеру, Людвиг Бетховена.
Но иногда приходится обходиться самогоном.
Вот она с музыкой какая петуховина!

С тобой я согласен насчет Баха:
Большой он мастер по части токкат.
Но при этом хорошо, чтоб была какая-нибудь деваха,
Ну, чтоб напиток был не так слабоват.

Вот, понимаешь, какое ты на меня оказываешь влияние.
Культурно расту, достигая гор.
Спасибо за внимание.
Спасибо, Егор.

Из "букета" для Аллы Борисовны

*

Резник певицу ужасно любил,
А Кондратович их употребил.
Правильно, значит, народное мненье,
Что развивается употребленье.

*

На столе лежит говно
Под названьем Резник.
Удивился Кондратович:
Почему же он возник?!

*

На плоту плывет певица
В сторону Чугуева,

А ей песни сочиняет
Ирина Волобуева.

*

Ты горишь с ужасной силой
И сгораешь, как свеча,
Из тебя, мой Резник милый,
Песни льются, как моча.

Потому что, милый Резник,
Есть в тебе приятный звук,
Потому что ты скабрезник,
Потому что ты говнюк.

*

Варя Резника любила
Толстого и рыжего,
И за Резника убила
Бедного Абызова.

"Букет" сочинялся за обеденным столом. Поводом послужила статья об Илье Резнике, присяжном песеннике Аллы Пугачевой. Инспиратором являлась Варвара, поклонница певицы. Моделью четверостиший в известной мере служил "черный юмор", приносимый домой Павлом (Прим. Ю.А.).

Послание Абызову, *подавшемуся моде на инфаркты*

Мой друг! Прекрасно жить в больнице!
Лежишь себе спокоен, тих.
И шупают тебя сестрицы,
Как ты когда-то шупал их.

Они - девицы или дамы -
От пациента без ума.
Волнистые кардиограммы
Они читают, как Дюма.

И знают, что вблизи аорты,
А что внутри, а что вокруг.
Итак, теперь моей когорты
Прибавилось, Абызов-друг.

Теперь плясать не будешь шимми
И задыхаться от любви.
Итак, живи в моем режиме:
Глотай таблетки и живи!

7.12.87

Дубулты

Абызов здесь с женою Ниной
Цветет, как лук-порей.
Порой питается свининой,
Поскольку не еврей.

Но он свинину ест не часто,
Желудок берега,
И знает, что земные яства
Имеют берега.

Живет почти анахоретом,
Хоть рядом есть Домтвор,
Поскольку он решил при этом
Не всех пускать во двор.

В Домтворе быт не запьянцовский
И тяги нет к гульбе.
Живет порою там Чаковский,
Порой Куняев Б.

Куняев Б. совсем не классик
И никакой не босс.
Большая Б. - Куняев Стасик
Сюда не кажется нос.

А может, иногда и кажется
Сей главный патриот.
Но что Абызову расскажет,
Чего не знает тот?

Под "тот" подразумевается Абызов. Можно и не понять, ввиду темноты поэтических выражений. Далее даю стихотворение в кратком пересказе. Поносится С.Куняев. Заодно Глушкова. Неблагородство такой расправы туго ложилось в стихи, ибо поэзия - дело благородное. Оканчивается стихотворение морским пейзажем в духе Айвазовского, что мало интересно и давно уже известно читателю.

Октябрь 1987

Здесь сделана попытка обрисовать существование Абызова на даче в Дубултах, которая действительно находилась неподалеку от Дома творчества и на которой неоднократно находил приют Самойлов (Прим. Ю.А.).

Марусе

1.

Понравилась мне дама М.,
Хотя и националистка,
Она пригодна для поэм,
Когда ее увидишь близко.

Когда б ее я раньше знал,
Она меня бы полюбила,
И под "Интернационал"
Мы время провели бы мило.

26.2.88

2.

О, Маруте!
Кошмары те,
Которые мне снятся!..
Причины их -
Мужчины,
Что вокруг тебя теснятся!..

3.

Давай с тобою встретимся
Вблизи границ республики,
Давай с тобою встретимся,
Желательно без публики.
Возьмем с собой Обозова,
Чтоб он нам рвал цветы
И чтоб от этих роз его
Пьянели я и ты.

Передано по телефону

4.5.88

4.

Марута - красавица,
Но запретный плод.
Я бы мог расплавиться,
Но она, как лед.

И скажу заранее
Прямо и сполна:
Не люблю Германии,
Где теперь она.

5.

"Марута" будет по-русски "Маруся".
Можно, Маруся, я Вами упьюся?
Если же мне невозможно упиться,
Может такое во мне накопиться,
Что я нитроглицерину нажруся
И перед Вами взорвуся, Маруся.

27.9.88

6.

Марута! С теченьем дней
Страсть моя все возрастает.
Есть такие дрожжи в ней,
Коиx в жизни не хватает.

Если б не сухой закон,
Из меня в тиши подвала
Можно б выгнать самогон,
Чтобы ты попиrowала.

Знаешь, сколько в нем огня
И в страстях какая сила!
Ты бы выпила меня
И кем хочешь закусила.

7.

Я стану браконьером,
Ей-Богу, милый друг.
И Вашим кавалерам
Тогда придет каюк.

Пусть будет в Красной книге
Их гнусный вид и род,
Но не увидит в Риге
Их весь честной народ.

В Вас вызову досаду,
Но шуток не люблю.
Засяду я в засаду
И всех их истреблю.

8.

Маруся! Были Вы в Германии,
А я Вас ждал на берегу.

Моя любовь подобна мании -
Я исцелиться не могу.

Моих стихов ждала редакция,
Но я не мог писать никак,
Что страсть моя - почти абстракция...
Увы, Маруся! Это так.

3 декабря 1988 года,
снежным утром, когда чувство
еще безнадежнее, чем обычно.
В шестьсот тридцать третий день
после счастливого знакомства.

Цикл порожден безответным влечением к секретарше Союза писателей Латвии Маруте Мелберг, которая проживала на одной даче с Абызовым (Прим. Ю.А.).

Удачный ответ историка Карамзина

Юрию Абызову

Когда историк Карамзин
Достал из шкапа карма-зин,
Чтоб вывести перхоть,
С ним что-то вдруг произошло,
Под горло что-то подошло -
Он начал перхать.

Он перхал, перхал до утра.
А тут приказ от импера-
Тора: собратья,
Скакать скорей сквозь снег и тьму,
Чтоб суть истории ему
Поведать вкратце.

Историк перхать перестал.
"Теперь держись, - он прошептал, -
Моя головка!"
Царь молвил: "Не пори мне дичь!"
"Сейчас скажу вам, ваш велич,
Хоть мне неловко".

"Но только кратко, без прикрас!"
"История начнется с Вас!"
"Весьма толково.
Возьми брильянт сей, милый мой".

Историк поскакал домой
И перхал снова.

Май 1988

Наставительное послание Абызову

Надо думать, брат Абызов,
Чтоб мозгами не скудеть.
И глядеть не из-под низов -
Сверху надобно глядеть.

И не верить пропаганде
Этих разных би-би-си.
Надо жить подобно Ганди,
Быть полезным для Руси.

Он бы верил в перестройку,
Не устраивал бы хай,
И к назначенному сроку
Получилось бы бхай-бхай.

Ты не видишь, в чем опасность,
Лишь бы, брат, тебя не трожь.
Ты не ценишь нашу гласность -
Несогласностью живешь.

Спесь в тебе, как в бывшем гранде,
Друг, Абызов-велика...
Не хватает, братец, Ганди,
Не хватает старика...

Никифор Тверезо

Книга стихов "Балденская¹ бабья осень"

*

Что лошади едят овес -
Вот это несомненно.
А получается навоз,
Но также и от сена.

*

Вонять и некрасивых звуков
Из зада выпускать не смей! -

¹Болдинская уже у кого-то была. Надо будет поискать первоисточник. Впрочем, это не имеет принципиального значения, так как книга все равно написана в Доме творчества в Дубултах. Ник.Тв.

Так учим быть детей и внуков
Не откровенней, но честней.

*

Не хотите всех,
А кого-нибудь,
Ибо это грех
И неверный путь.

*

Не надо ковырять в носу -
Оно влияет на красу.

*

Безо всякой просьбы, сами,
Если тесно в транспорте,
Уступите место даме
И при том скажите: "Здравствуйте!"

*

Если взял рукой котлету,
Непременно, милый мой,
Съев котлету, руку эту
Оближи или обмой.

*

В любви прекрасно постоянство.
Непостоянство хуже пьянства,
Но хуже пьянства - наркоманство,
А еще хуже - вольтерьянство.

*

Пьянство разрушает личность,
А на печень глянуть жутко.
И рождает хаотичность
В отправлениях желудка.

*

Когда жениться цель - прописка,
Не будет доброго конца.
Такому субчику без риска
Я дал бы имя подлеца.

*

Ни за что не ешьте много жирного,
Не глотайте сахар и пирожные.
А от сосуществованья мирного
Не грозят последствия тревожные.

*

Атомные излученья,
Как, к примеру, в Хиросиме,
Губят много населенья,
Потому боритесь с ними.

*

В любви должна быть чистой кожа,
Здесь мыло может сослужить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню нелегко сложить.

*

Когда благоухает роза,
Старайся нюхать поскорей.
Она погибнет от мороза,
Став недоступной для ноздрей.

*

Вчера, взирая на восход,
Стихи во мне родились.
Сегодня, глядя на закат,
Вновь рифмы возбудились.

*

Нет, бюрократов не люблю я,
Они вреднейшее сословье.
О! - крикну, женщину целуя. -
Не надо справки о здоровье!

*

Любовь не понимает цифр,
Поскольку нету в ней расчета.
И утверждаю я, Никифор,
Что в ней есть нечто, а не что-то.

*

Грязь прилипает к башмакам,
Дождь прилипает к башлыкам.
Коль снизу грязь,
А сверху мразь,
То ты, мой друг, не безобразь!

*

Любовь не превращай в трагедию,
Покуда цел,

А прочитай энциклопедию
На букву Л.

*

Ежели ты не псих, -
Мысли от сих и до сих.

*

Из молока готовят простоквашу,
А иногда кефир.
А ежели взглянуть на душу вашу,
То в ней один эфир.

*

Орел летает высоко,
Но, собственно, зачем?
Червяк копает глубоко,
Но, собственно, зачем?
Дает корова молоко
И знаменита тем.

*

Когда я думаю про общество,
То я не ем.
Другие жрут. А мне не хочется,
Ввиду проблем.

*

Вы вся среди осенних веток
Мне кажетесь декоративной.
Но мне не нравится ваш метод
Командно-административный.

*

Искал я рифму к слову "истина".
Не без труда.
В конце концов нашел: "Подчищена".
Вот это да!

*

Излишество в еде
Вас приведет к беде,
Ищите витаминов,
Которых нет нигде.

*

Я вас увидел за столом,
Вы ели грациозно,

И я подумал о былом
И зарыдал бесслезно.
Вы, сидя за столом,
Так ели деликатно,
Что вспомнив о былом,
Я захотел обратно.

*

Пейзаж поэту нужен,
Необходим пейзаж - да! Нам!
Как, предположим, ужин
Обыкновенным гражданам.

*

Поедьте в город Лиепая,
Увидим вдали паруса.
Я буду там жить, прилипая
К вам, словно к варенью оса.

*

Одобрю этот лозунг новый.
Плюрализм полезен в каждом деле.
В ресторане или же в столовой
Я беру котлеты, вы - тефтели.

*

Какая странная идея
У Пушкина, не дурака -
Что будто бы грядя, редея,
И почему-то облака.

*

Любовь, это когда две личности
Соединяются в одну,
Но, впрочем, не до неприличности,
Чтоб вместе не пойти ко дну.

Прощальное

Отдыхать надоело. Мне трудно
Пребывать в этом обществе дам,
Потому уезжаю в Пицунду,
Где я ценное что-то создам.

Дубулты
Октябрь 1988

Никифор Тверезо

Орест и Пилад

Как Орест при ПилADE,
При ПилADE Орест,
Ест Абызов олады
И Самойлов их ест.

Вместе жрут геркулесы,
Потребляют салат,
Относительно прессы
Выражаются в лад.

Но одна есть досада,
Что в единый присест
Гонорары Пилада
Пропивает Орест.

Народная песня

По небу два сокола
Пролетали хмуро:
Первый сокол Дезик,
Второй сокол - Юра.

Озирали местность,
По небу летая,
А вокруг кружилась
Соколяток стая:

Михалков и Марков,
Бондарев, Проскурин,
Каждый чей-то деверь,
Каждый чей-то шурин.

Не схотелось соколам
Так летать высоко
И спустились выпить...
Яблочного сока.

Соседкам по столу

Мы бы не заскучали,
Любезная Зоя,
Если б встретились с Вами в начале
Эпохи застоя¹.

¹Имелась в виду З. Н. Яхонтова. Если начать отсчитывать эпоху застоя с 1968 года, то, конечно, 20 лет назад автор был куда шустрее и своего бы не упустил.

*

Валентина Михална Вилкова
О политике судит толково
И о первом, втором и о третьем,
Что в анкете мы тоже отметим.

*

Валентина! Неужели
Вспомнив здешние меня¹,
Вы не вспомните тефтели,
Вы не вспомните меня?!

Из репертуара агит-бригады
хреноводческого кооператива имени Хренникова,
напечатанного в стенгазете "Будет хрен у всей страны"

*

Эй, девки синеокие
С родимой стороны,
Пойдем в хрены высокие,
В цветущие хрены.

*

Для работы договорочной
Не пора ли в поле нам,
Там комбайн хреноуборочный
Направляется к хренам.

*

Разлюбила Петьку
Нашего не-члена,
Потому что редьку
Ставит выше хрена.

*

В хреноводческом звене
Все мечтают о хрене
И желают всей душой,
Чтобы вырос он большой.

*

Не к заморской же царевне
Бегать нам за продовольствием -

¹"Меня", как известно, множественное число от "меню" (Прим. Ю.А.).

Двинем хреном по деревне,
Чтоб обедать с удовольствием!

Экспромт

Ах, не лечитесь, Валя,
Ах, не лечитесь, Лена, -
Ведь вылечат едва ли,
Залечат - непременно.

20.10.89

Прощальное

До свиданья, Дом им. Райниса!
С Богом, милые подруги!
И в разлуке постараемся
Долго помнить друг о друге.

Ели мы цыпленка сизого,
Ели блинчики в сметане.
Может в Доме им. Абызова
Будет лучшее питание.

Балденская осень,
октябрь 1988

Воспоминание о детском отделе

Лене Гавриловой

Играла Юля на виолончели,
Маклак, быть может, на фортепиано.
Нередко я бывал у вас в отделе,
Где не завел ни одного романа.

Хотя манила красота Ядровой,
А иногда фигура Ильиной.
Я рад увидеть Вас живой-здоровой,
Когда ушли другие в мир иной.

На Путинках, на Пушкина, а позже
На ул. Качалова встречали нас
Улыбками. Пусть мы томилась все же
На Пятницкой у гонорарных касс.

Но разве дело только в гонораре!
Ведь были дни, когда играли нам
Демыкина, быть может, на гитаре,
Вартанова, быть может, на там-там.

Жизнь развела нас! Никуда не деться.
И никого я в этом не виню.
И, может быть, еще, впадая в детство,
Для деток передачу сочиню.

Когда порой бывают будни горьки,
Когда растрочен мой былой азарт,
Мне снятся звуки "Пионерской зорьки",
А иногда "Внимание, на старт!"

Играла Юля на виолончели,
А Вы, быть может, даже на рояле,
Куракина, возможно, на свирели...
А мы под эту музыку плясали.

Дубулты
14.10.88

Сочинения,

*связанные с пребыванием в Доме творчества
искусствоведа Олечки Тугушевой*

*

Люблю я искусство античное
И больше почти ничего.
А, Олечка, Вы симпатичные:
Вы любите тоже его.

*

Золотое сечение -
Есть основа пропорций античности,
А простое сечение -
Помогает развитию личности.

Античные частушки

*

Полюбила я Гермеса -
Никакого интереса,
Потому что в том и в этом
Он не смыслит ни бельмеса.

*

Были ноне в Парфеноне,
Топали в Акрополе,
Поглядели капители
И ушами хлопали.

*

У Милосской у Венеры
Почему-то нету рук.
И подобные примеры
Не встречаются вокруг.

Прощальное

Ах, прощайте, Олечка!
Или до свидания.
Мне приятна долечка
Вашего внимания.

Оказалось, что сестра Олечки Тугушевой, навестившая ее в Доме творчества, работает в издательстве "Радуга". С нею немедленно были посланы

два приветствия Майе Коневой

От имени Абызова

Майя! Майя! Ты забыла,
Как когда-то я любил.
Ах, меня ты не любила!
Ах, тебя не позабыл!

А теперь, пожалуй, поздно.
Разошлись, как корабли.
И живем с тобою розно -
Ты в столице, я - вдали.

Но я помню милый профиль,
Перед взором ты стоишь.
Без тебя я годы пропил
И закусываю лишь.

Так вот вышло, Майя, Майя,
Майя, фий де марешаль.
И живу я, вспоминая,
И чего-то очень жаль.

От имени Самойлова

Мая Иванна!
Вам пишет поэт Вам известный.
Мая Иванна!
Я помню Ваш образ прелестный.
Мая Иванна!
Люблю и целую Вас крепко.

Мая Иванна!
Как жаль, что мы видимся редко.

Дубулы
13 октября 1988

Сочинения,
*связанные с пребыванием в Доме творчества
Литфондовского невропатолога Эммануила Орла с женой*

*

Прометей на то пошел,
Что богов взбесило, -
И клевал его Орел...
Эма! Некрасиво!

*

Кавказ подо мною,
Орел предо мной,
Ест вместе с женою
Омлет с ветчиной.

*

Я - сокол, перья чищу,
Абызов - дрозд, поет,
Орел терзает пищу,
А Олечка клюет.

Жене Орла, шибко знающей английского языка

Похвали меня, Люся: учебник английского
Изучил я до дыр.
А теперь приведи мне кого-нибудь близкого¹,
Чтоб сказал я: "май дир".

За завтраком обсуждали известие, громом поразившее всю общественность:

Президиум Верховного Совета СССР освободил т. Гаврюшкина Владимира Ивановича от обязанностей Чрезвычайного Полномочного Посла СССР в Королевстве Лесото в связи с уходом на пенсию.

Газ. "Известия"

Мнение общественности Д.С. выразил так:

А в России нету Пушкина,
А в Италии Горация,

¹Разумеется, в смысле "женского" (Прим. Ю.А.).

А в Лесото нет Гаврюшкина...
Вот такая ситуация!..

Стихи чукотского поэта Чайвургына

Доктору Орлу

Доктора! Пастернака
Хорошо писал, однако.
Ты меня лечил, однако
Я пока еще живака.

Ты, Орел, летал, как туча,
Чайвургын по тундра шел,
Ты, наверное, не чукча,
А еврея ты, Орел.

Молитва Чайвургына Литфонду

Литфонда! С пишем худо!
Я голодный, как собака.
Литфонда! Дай мне ссуда,
Очень бедный я, однако.

Литфонда, добры люди,
Жили чукчи на посуде,
А теперь у нас, однако,
Ни посуды, ни коньяка!

Литфонда, Литфонда!
Ты поставь мне телефон, да.
Буду я звонить оттуда,
Когда надо будет ссуда.

Наказ чукотского народа депутату Г. Кановичу

Гриша, ты теперь Григорий,
Ты скажи в Балшой Совет,
Что на нашем территорий
Мало-мало водка нет.

Нет у нас, однако, водка,
Ой, как плохо, Гриша, ой,
Потому на всем Чукотка
Экология плохой.

Ты скажи в Совет, однако,
Недовольный Чайвургын:

Есть у вас в Совет Каряка¹,
Нету чукча ни один.

Чукча хочут отделяться
От каряк и юкагир
И не хочут поселяться
В пятикомнатный квартир.

Чукча хочет жить в яранге,
Как и старый поколень,
И не хочет есть баранки,
Хочет есть тюлень-олень.

Звать тебя мы будем Гришком,
Будем Яков, как Свердлов,
Не вели, однако, слишком
Забират у нас улов.

Будет пусть у нас свобода,
Чтобы было чем кормичь.
Будем звать тебя Володя,
Как Владимира Ильич.

И хороший есть культура,
И культура есть плохой.
Например, медвежий шкура
Или шкура никакой.

Ты скажи им на собрание,
Виноват во всем систем,
Скушал все до основанья
И не знает, что затем.

Почему порадок мало
От Чукотки до Качатки?
Потому что неформала
Любят очень беспорядки.

За тюленя, за оленя,
Надо сделат выше плата,
Потому что помни, Гриша,
Ты ведь наша депутата.

Сочинял, однако, Чайвургын, апрель месяс 1989.
Есть такой дом творчест Дубулт.

¹Надо думать, имеется в виду депутат Юрий Карякин (Прим. Ю.А.).

Ой, еще забыл сказать:

Мы всегда стоим за дружба
И еще стоим за мир,
Мир и дружба очень нужно,
Но не нужно юкагир!

Чукча, на тебя шибко, однако, надеются, Гриша!
Чайвургын

Письмо писателю Григорию Кановичу

Дорогой и обожаемый писатель Григорий Канович!

Пишет Вам Люда Вовкодав из города Конотопа. Я Ваша читательница. А Вы мой любимый писатель. Раньше мой любимый писатель был Тургенев. Но тогда я еще была девушка. Я поняла, что Вы лучше, потому что пишете современно и еще живы. Классиков я, конечно, уважаю, но большинство из них уже умерли, поэтому написать им нельзя. Писала я Евгению Евтушенко, но он мне не ответил, а сейчас женился. Так что писать не стоит.

Вы, я слышала, тоже женаты. Но это для меня, как Вашей читательницы, не играет значения.

Коротко о себе. У меня незаконченное высшее. Училась в мединституте. Но когда стали изучать анатомию мужчин, мне стало стыдно и я ушла в сферу обслуживания.

Я блондинка, рост 165, талия 64, стройная, с серыми грустными глазами, с духовными запросами, люблю музыку и многое другое.

Если нужно, пришлю фотографию.

Ответьте мне или познакомьте с каким-нибудь Вашим товарищем-прозаиком.

Крепко жму руку. С товарищеским приветом

Людмила Вовкодав

Мой адрес: Украинская ССР, г. Конотоп, ул. им. Коротича № 64-а, кв. 101.

Стиховеду Петру Александровичу Рудневу

Дружище Руднев! Вы напрасно
Так написали фун Одесс.
Здесь море тоже очень грязно
И дождик льется фун небес.

Здесь ваш почтенный организм
Схватил бы несколько простуд,
Поскольку ветер дует низом,
К тому ж еще евреи тут.

Они скупили все журналы,
Все булки слопали в кафе.
При сем на наши идеалы
С презреньем произносят "Фе"!

Скажите, Руднев, не беда ли
Для населения страны,
Когда в шаландах нет кефали,
А на прилавках ветчины?

А это все они, масоны,
Засрали сушу и моря.
А где сады? А где газоны?
Погибли им благодаря.

А Вы на Рижский берег плоский
Уже нацелились, пострел.
Сидите же в Петрозаводске
Среди ижоры и карел.

Был Руднев в городе Пернове,
А после отбыл в город Дерпт.
Его узнал я. И не внове
В нем оказалось много черт.

С ним провели мы день с немногим.
Казался он сначала строгим,
Оказывается - не так.
Мил, беззащитен и чудак.

У нас он, кажется, отмяк...

Из прикладной поэтики

Пишу и я для Вас акrostих,
Если хотите - акrostих.
Тружусь, чтобы поймать за хвостик
Ряд строк простых и рифм простых.
Уже я, кажется, постиг
Разбег стиха, который - мостик,
Упавший с берега на брег,
Дабы течение бурных рек
Не разлучало двух живущих
Единодушно, но вдали -
Вас и меня, чтоб мы могли
Услышать смысл бесед грядущих.

Члену дуэта "Старик и Морис"¹

Якову Костюковскому

Твое стремление к глубине
Завидно, Костюковский, мне.
Поверхность же мало понятна,
Поскольку видятся на ней
Одни лишь нефтяные пятна,
А глубь скрывает окуней.

Ты, удочкой вооружась,
Живешь в предчувствии удач -
Кто клюнет: линь? А может, язь?
Случится так или иначе.
И жизнь, выходит, удалась.

Смысл жизни, Яша, в том и есть,
Что в ней возможны варианты:
Ту или эту рыбку съесть.
Но с этим спорят обскуранты.
И рыбного не ест мудаки
За то, что рыба - не судак.

Я этим, Яков, не чета,
Съем что угодно - хоть уклею.
Всего важнее, чтоб мечта
Осуществлялась помаленьку:
И вот свершилось полмечты -
Мне наловил закуску ты.

Теперь вторую половину
Добыть сравнительно легко.
Схожу - совсем недалеко,
Пятерку из кармана выну,
Куплю бутылку, а затем
Твоею рыбкою заем.

А лучше б было вместе, Яков,
Под рыбку - белого винца.
А нету рыбки, так под раков,
А нету раков - под тельца,
А нет тельца - под помидоры,
А нет - то так, под разговоры.

¹Под Морисом следует понимать Мориса Слободского (Прим. Ю.А.).

Ведь перебарщивать не стоит
Ни в чем, хотя бы в ловле рыб.
Поскольку в этом мире стоит
Лишь то, что мы поймать могли б,
Но, не поймавши, упустили.
А выпить - это в нашем стиле
Или, по крайности, в моем.
Но пить мне нравится вдвоем.

Итак, смотай на время лески,
К причалу лодку пришвартуй.
Закусим не по-королевски,
Но будет славный сабантуй.
Приди ко мне совместно с Фирой
И приглашеньем не манкируй.

Почтительность

*Ю. И. Абызову по случаю присвоения ему
звания Заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР*

Ты почти уже сенатор,
Ты почти уже артист,
Ты почти уже оратор
И почти не конформист.

Ты почти что враг хмельного
И почти уже адепт,
Ты почти художник слова
И почти обут-одет.

Ездишь ты почти в карете,
Излечил почти колит.
Ты почти что в высшем свете
И почти не инвалид.

Носишь ты почти что брюки
И уже почти что смел.
И почти что все науки
Ты почти что одолел.

Ты живешь почти что прочно
И почти что заслужён.
Потому что очень точно
Мной почти изображен.

Ты уже почти что славен
И уже почти велик.

И со мной почти что равен,
И меня почти достиг.

И тебе совсем как другу
Отдаю я свой металл.
И протягиваю руку
Чтоб ты влез на пьедестал.

Д.Самойлов

Лауреат Государственной премии СССР

Р.С. На твоём, Абызов, месте
Помолчал бы, оттого
Что за мной миллионов двести,
За тобой - ни одного.

Д.С.

Послание Абызову, *имеющее целью ускорить его приезд*

О, юрмальский житель! Тебе какво?
Я - пярнуский житель. И мне ничего.
Давно я тебе не писал. Почему?
Давно я тебе не писал потому,
Что жарко в природе и худо уму.
Вот и не писал оттого-потому.
Природа ликует, цветет огород.
А я не цвету уже, наоборот.
Все думаю: как получается так,
Что что-то со мною не то и не так.
Спасибо за книжки. Я их получил.
Удовлетворенье от них получил.
В них счет телефонный лежал невзначай.
Его оплатил ты, я думаю, чай?
Галина Иванна готова в отъезд.
А Петька закашлял, не пьет и не ест.
Уедут ли правда шестого числа?
Всегда огорчениям нету числа.
Надысь напечатавший "Таллинн"-журнал
Статьку о Тооме, ее обкарнал.
Он выкинул Ригу, а с нею тебя,
Придется особо писать про тебя,
Ведь ты же особо писал про меня.
Дожала ль Марута мой коньячок?
Авось ты достанешь другой коньячок.
Его положи в свой баульчик-мешок.

Ко мне привози свой баульчик-мешок.
Его ты в автобусе не забудь.
Прошу - не забывчив, а внимателен будь.
Звонил Левитанский. Он болен весьма.
И жизнью своей недоволен весьма.
А жизнью моей он доволен весьма,
Твоею, наверное, тоже весьма.
Редактор "Авроры" намерен прибыть.
Пришлось мою прозу слегка подрубить.
Я все же решил ему не нагрубить,
Ведь мне гонорар он пришлет, может быть.
Я буду богатый. Куплю "Жигули".
К тебе я приеду. Спойем ай-люли.
Покуда же нет у меня "Жигулей",
С баулом ко мне приезжай поскорей.
Но только прошу тебя - внимателен будь,
В автобусе этот баул не забудь.
К тому же на дно не клади ты коньяк,
Ведь может разбиться-разлиться коньяк.
Ты в мягкие вещи закутай коньяк
И с кокою-колою не спутай коньяк.
Ведь он же, собака, теперь дорогой...
На том обнимаю тебя, дорогой!

Начало июля 1989

Абызьянник¹

или Абызов в басне и иножанровых поношениях

Абызов и ваятель
Басня

Заслуженного деятеля культуры
Абызов получил. И возмечтал
Себе воздвигнуть пьедестал
С изображением скульптуры.
Итак,
Был у Абызова приятель,
Ваятель,
Весьма известный модерняг.
Нашли гранит. Ваятель двадцать дней

¹Название "абызьянник" Абызов несколько раз отвергал. Признавая в принципе теорию Дарвина, для себя он делает исключение, утверждая, что произошел не от обезьяны, а от лиц достойных и не подлежащих осмеянию (Прим. Д.С.).

Рубил усердно и толково.
Зовет Абызова: "Готово.
Как получилось, вам видней!"

В глазах тщеславца помутился свет.
Он закричал: "Нет! Нет!
Ведь это же Самойлова портрет.
Себя не признаю такого!"
Ваятель принял этот вызов.
Залез на пьедестал
И начертал:
"Се не Самойлов, а Абызов!"

Не будь тщеславен, друг. Не торопись. Да!
Заказывай портрет у реалиста.
Хотя ты мне, Абызов, не чета,
Народ не смыслит в этом ни черта.
Но я не скрою,
Что начертал ваятель чепуху.
Ведь тот, кто знает ху из ху, -
Меня не спутает с тобою.

Абызов захворал
Басня

Абызов захворал. С чего? Да просто так.
Лежит, как рак,
Залезший под корягу.
Депрессия замучила беднягу.
Тут Верный Друг ему и говорит:
- Вставай, Абызов, огляди окрестность.
И здесь бывает интересность.
Вон, погляди, к примеру, что за лань! -
Абызов поглядел на лань.
И молвил: "Дрянь!"
- А погляди, какая львица!
- Мне эта львица не годится, -
Абызов молвил.
- Ну, а белка?
- Давно отвык я плавать мелко, -
Абызов молвил.
- А газель?
- Тоша, туды ее в качель. -
Так он хулил прекрасных незнакомок.
Но тут гудок послышался, негромок.

На неотложке прибыл врач.
 И в зад ему влил бодрящего из шприца,
 Чтобы Абызов мог взбодриться
 И прыгать вскачь.
 И что ж вы думаете? В самом деле
 Наш аксакал
 Внезапно засакал.
 И заорал: "Хочу к газели!"

Недаром говорят,
 Абызова в виду имея:
 "Коли через башку в него нейдет идея,
 Внушайте через зад!"

Абызов выздоровел
 Басня

После известной процедуры
 Абызов выздоровел. И,
 Хотя и знал, что бабы дуры,
 Решил попробовать любви.
 Надел штаны. Побрел на пляж.
 Идет и зиркает глазами наш папашка.
 Глядь, встречу ему - канашка
 (Канашек смолоду любил папашка наш).
 Смеется, подлая. Он к ней:
 "Хау ду ю ду!
 Чего смеетесь? Славная погодка!"
 На что ему в ответ красотка:
 "У вас ширинка на заду!"

Так получил Абызов шиш.
 Надев штаны, мой друг, проверь ширинку,
 Не то блондинку
 Или брюнетку рассмешишь.

Наказанное лукавство
 Басня

Абызов был лукав.
 К Самойлову прибывши
 И чемодан раскрывши
 И стопку книг достав
 Из чемодана,
 Припрятал то, что было долгожданно.
 "Совсем я позабыл

В проклятой этой Риге
То, что с трудом добыл.
И вот привез лишь книги!"
Самойлов отвечал: "Ну, это не беда!
Я думал, друг, что ты приедешь в среду
К обеду.
А нынче кончилась еда!"
Услышав те слова, Абызов испугался
И в сей момент
Достал презент,
Который другу полагался.
"Теперь я накажу
Тебя, ханжу", -
Сказал с улыбкой друг. И, не любя обмана,
Немедля выхлестал не менее стакана.
Абызову же выпить дал чуть-чуть.
Вот в этом суть.

Абызов в лучшем виде

Абызов - ученый, писатель, поэт,
Лингвист, переводчик, докладчик,
Филолог, философ, знаток, сердцевед,
Высоких идей передатчик.
Он честен, правдив, благороден, умен,
Воспитан, красив, остроумен,
Он прост и доступен, он щедр и скромён,
Воздержан и строг, как игумен.
Не бабник, не пьяница, не вертопрах,
Не лжец, не скупец, не хапуга.
Спасибо тебе, всемогущий Аллах,
Что дал мне подобного друга.

Абызов в худшем виде

Зануда, ругатель, педант, буквоед,
Завистник, ханжа, зашатель.
При этом еще мой приятель.
Таков его полный портрет.
К тому же зазнайка, тщеславец, пижон,
Тиран и бумагомаратель.
При этом еще мой приятель.
Таковыми вот я окружен.

К тому же еще совратитель, злодей,
 Всех гнусностей изобретатель.
 К тому же еще мой приятель.
 Что ж делать! Нет нужных людей!

Акrostихи

Нам хорошо. Есть в доме пища.
 Абызов же всегда брюзжит.
 Так он же счастья не ищет,
 А он от счастья бежит.
 Шалун, он стал анахоретом.
 А мог бы лучше быть при этом.

*

Не обижайтесь, что не Вас,
 А толстяка избрал предметом
 Того стиха. На этот раз
 Акrostих не анахоретом
 Шесть строк наполнил, как бурдюк,
 А только Вами, милый друг.

Сочинялось поэтом, празднично сидевшим в саду, в то время, как Абызов сидел на втором этаже и прилежно читал "Вопросы философии".

Под "Наташей" именуется в виду Наталья Петровна Мирская, секретарша Самойлова, жившая в июле с мужем и дочерью в доме поэта (Прим. Ю.А.).

Укоризна Юрию Давыдову

Напрасно ты, Давыдов,
 Не навещаешь Дезь, -
 Каких прекрасных видов
 Увидел бы ты здесь.

26.7.89

Сочинено по случаю отказа приехать в гости вместе с Абызовым (Давыдов в это время проживал в Доме творчества в Дубултах). Ради пушного уязвления прозаика начертано на фотографии, запечатлевшей прекрасный дом поэта (Прим. Ю.А.).

Послание Ю. Давыдову

- Как там Давыдов поживает?
- Все острит.
- Передай ему, что он на волоске висит:
еще раз сострит - и его выберут депутатом.
Из разговора Самойлова с Абызовым

Давыдов - исторический писатель -
Лопатина всего перелопатил,
В Успенском досконально преуспел,
За что награду получить успел.

Давыдов скоро станет депутатом,
Расстанется тогда с привычным матом
И выраженье: "Ах, какая блядь!"
Не станет никогда употреблять.

Совместно с социологом Карякой
Обласкан будет он московской клакой.
И на весь мир объявит в интервью:
"Пусть продают, но я ее не пью!"

Как гуманист и как парламентарий
Поедет в США на семинарий,
Бороться будет там за демократь,
А виски-соду в рот не будет брать.

Такая ждет прекрасная карьера
Давыдова, когда-то пионера,
Известного сейчас на всю страну.
На выборах его не зачerkну.

31.7.89

Разочарование в друге

"Абызов настоящий друг,
Он мне прислал коньяк.
Он уберег меня от мук!" -
Я утром думал так,

Когда спеша на почту шел,
Неся с собой квиток.
А что в посылке я нашел?
Всего лишь книг пяток.

Дождя холодная струя
Текла за ворот мой.
"Какая сволочь!" - думал я,
Бредя к себе домой.

Август 1989

Поводом для написания явилось трагическое недоразумение: из Риги в Пярну была послана бандероль с книгами, оцененная в пятнадцать рублей. А "в те баснословные года" именно столько стоила бутылка коньяка. И посему имело место, как было принято говорить, "кви про кво".

Обращение к Б. П. Захарчене¹

Захарченя, ешьте зелень²,
Витаминов много в ней.
Так советовал Зеленин³,
А ему оно видней.

Не страшна нам станет стужа,
Грипп, простуда и бронхит.
И Руслана⁴ вас как мужа
Еще выше оценит!

Сочинивши сто теорий⁵,
Воспарите до небес.
Называть Вас станет Борей⁶
Сам заносчивый Жорес⁷.

Вот о чем, Борис Петрович,
Надо знать, едя салат.
Ешьте зелень, ешьте овощь,
Прокляните сервелат⁸.

Стихи написаны по случаю дружеского ужина 8.7.89, к которому Захарченя принес бутылку коньяка чрезвычайного качества.

Летом 1989 года Самойлов ужасно гордился своим огородом, где произрастали почти все овощи, в чем заслуги самого Самойлова не было ни-

¹Захарченя. Человек известный. Стихи написаны не для профанов, которые его не знают.

²Витамины. Часть полезной еды. Совсем небольшая часть, а какая полезная! Так и в поэзии бывает. Например - я.

³Зеленин. Профессор-терапевт. Известен как изобретатель капель Зеленина, по которым и назван.

⁴Руслана. Супруга Б. П. Захарчени.

⁵Теория. Философский термин. Обозначает всем известное, но впервые изложенное.

⁶Боря. См. примечание 1.

⁷Жорес. Имеется в виду не Медведев, а Ж. Алферов, академик и депутат. Удачливый соперник Захарчени.

⁸Сервелат. Пища. Оказывается, пишется через "е" (Прим. автора).

какой. Все вырастил Иван Гаврилыч Иванов, первый механикус, вроде Ползунова, и садовник вроде самого Мичурина (Прим. Ю.А.).

Забота

Марута - Маруся,
Перл души моей!
Лучше я сопьюся,
Лучше ты не пей.

За тебя готов я
Выпить все пятьсот.
Выпей лучше кофья,
Бог тебя спасет.

Будь святой и строгой
И себя прославь.
А коньяк не трогай,
Для меня оставь!

Август 1989

Написано в связи с сообщением Абызова о том, что коньяк, ожидающий прибытия Самойлова в Дубулты, может понести урон, если Марута попросит Нину налить ей по случаю каких-нибудь переживаний. Как давно известно, "открытая бутылка - уже не бутылка".

Встревоженный этим сообщением, Д.С. и отправил это послание "Марусе" (Прим. Ю.А.).

Инскрипт на книге "Беатриче", *подаренной Абызову*

Дорогому другу Юре
Эту книжку "Беатрис":
Если не найдешь в натуре, -
Поищи среди актрис.

26.2.89

Размышления по поводу¹...

Абызов задал тему:

А был ли Андре Жид жидом? -
Покуда не доказано.

¹ Поводом послужила публикация в журнале "Звезда" "Возвращения из СССР" Андре Жида, в связи с которым мы слышали обличения в течение 50 лет, но которого не читали (Прим. Ю.А.).

И был ли им Сюлли-Прюдом -
В анкетах также смазано...

Вступает Самойлов:

Отправить бы их всех в дурдом,
Да не было приказано!

А Жид был вовсе и не жид.
И хоть похож на вид,
Писал не то, что надлежит,
А что не надлежит.

Тот Жид, предался он жидам,
А может, не жидам...
За всю его мазню, мадам,
Я и гроша не дам.

В его мазне и правда есть,
Но слишком много лжи.
Коль тебе дали пить и есть,
Хорошее скажи.

Ему давали есть икру,
Поили "Цинандали",
А он враждебную игру
Затеял, и так дале...

А надо быть всегда людьми
И ведать, что творишь.
Нет, сколько волка не корми,
Он все глядит в Париж.

Он опозорил наш Союз,
И каждый здесь решит,
Что он, возможно, и француз,
Но несомненно жид!

21.9.89

Дубулты

Виктору Перельгину

Вас, Виктор, мать произвела не зря,
А именно к назначенному сроку
И точно - на пороге сентября,
Чтобы успели к первому уроку.
Вся Ваша жизнь, как страдная пора,
И Вас ведет нелегкая дорога,

Ведь редкостней, чем черная икра,
Великое призванье педагога.

Позвольте, Виктор, и на этот раз
От нас двоих признаться Вам в любви.
Поскольку хуже было бы без Вас
В столь нелюбезном городе Пернове!

Перелыгин В. - учитель русского языка и литературы. Знаменит тем, что фотографическим образом запечатлел всю жизнь Самойлова в Пярну (Прим. Ю.А.).

Два послания про запас - в предвидении нужной ситуации

Девиз: Держи порох сухим.

Блондинке

Люблю Вас и в общем и в частности,
Люблю до упора.
Но не представляю опасности
Для Вашего пола.
Ввиду моей безалкогольности
Веду себя строже.
Ведь мне не позволены вольности
И прочее тоже.

Брюнетке

Люблю Вас в виде исключения,
Наказан Богом.
Боюсь, что это увлечение
Мне выйдет боком.
Не Вашим боком, примечательным
Во время шага.
А унизительно-страдательным -
Моим люмбаго.

12.10.89

Дубулты

Айне Карловне

Айна Карловна, встретились поздно мы...
Наша даль превратилась бы в близь,
Не инфарктными и не склерозными
Разговорами мы б занялись.

Не дошли бы, быть может, до крайности,
А быть может, палимы огнем,
Говорили бы с Вами о Райнисе,
И, конечно, совсем не о нем.

Но не будем в плену проблематики,
На которую я намекал, -
Вы не дочь же марксистской догматики,
Хоть и Маркс был по имени Карл.

18.10.89

Причиной написания послужила врач Дома творчества, отменившая прием таблеток, при которых противопоказан алкоголь. На радостях Самойлов тут же сочинил этот стих и пригласил Айну в бар, как он светски выражается, тяпнуть по сто, а может быть, и по сто пятьдесят, не будем мелочны... (Прим. Ю.А.).

Еще одно обращение к доктору Айне Карловне

Айна Карловна! На удивление
У меня нормальное давление.
Рядом с Вами - норма, а не взлет.
А должно бы быть наоборот.

Сам не понимаю - в чем причина.
Неужели просто пыл угас?..
Если Вы аналог резерпина,
Пропишите мне таблетку Вас.

20.10.89

Из новых афоризмов Куурво Мудика

Удачная политика похожа на тот вид инсульта, когда поражается левая сторона.

Надо сохранять разум даже в тех обстоятельствах, когда он совершенно ни к чему.

Скажи мне, кто твой друг, и я тебе скажу, кто он.

Мы не произошли от обезьян. Мы просто многому у них научились.

Изменять жене безнравственно. Не изменять - глупо. А ведь известно, что причина безнравственности - глупость. Порочный круг.

Баварское пиво отличается от чешского, как двугорбый верблюд от одnogорбого: я употребляю в два раза больше.

Господь поступил благоразумно, наделив людей разными вкусами. Иначе госпожа Заад могла бы возгордиться.

Один мой приятель сказал, что в госпоже Заад есть изюминка. Я спросил - где именно. На что он погрозил мне пальцем. Сегодня я дважды искал изюминку к удовольствию г-жи Заад.

Вдова советника Кюхелькранца поверила в переселение душ, когда после смерти ее супруга на кличку "дурак" стала отзываться их собака.

Моя экономка фройляйн Фюнф напоминает кентавра: она умна, как лошадь, и вынослива, как человек.

Непознаваемость природы: по вкусу яйца невозможно установить, что из него могло бы вылупиться, - петушок или курочка.

Народ - это население с амбициями.

Важен путь, а не результат. О Наполеоне никто бы не знал, если бы он сразу уехал на остров Св. Елены. Это прекрасно понимает фройляйн Фюнф, отказавшись от поставки продуктов на дом и предпочитая ежедневно ходить на базар.

Фройляйн Фюнф утверждает, что когда я женюсь, она покинет мой дом. Но прежде чем она не покинет мой дом, я не могу жениться. Типичный порочный круг. Впрочем, мне и так хорошо.

Наблюдая порхающих мотыльков, госпожа Заад воскликнула: "О, как бы я хотела так же вольно порхать!" На что я возразил, что у нее есть другие, более фундаментальные достоинства.

В другой раз, наблюдая резвящуюся в ручье форель, она воскликнула: "О, как бы я хотела быть резвящейся форелью!" Я заметил, что подобной форелью можно было бы кормиться десять лет ежедневно. "Вы вечный комплиментщик!" - отнеслась ко мне госпожа Заад. А это был как раз не комплимент, поскольку не таил в себе ни грамма неправды.

Русский философ Абызов разъяснял мне, что в заповеди "не пожелай жены ближнего" таится осуждение не только пожелавшего, но и самой жены. Логическая несообразность. Например, в выражении "не ходи по мокрой траве босыми ногами" вовсе не содержится осуждение травы.

У некоторых женщин высокие понятия, как туфли на высоком каблучке, - они надевают их, только когда идут в гости. Я же гораздо выше ценю тех, в ком высокие понятия проявляются, когда они снимают туфли и, натурально, лишнее.

Поваренная книга не хуже другой литературы. Она своими описаниями возбуждает в нас желание, отвращение или оставляет равнодушными.

Вы можете возразить, что порой желание отведать могут возбудить и вредные блюда. Но это уже вопрос вкуса. Романы маркиза де Сада, к примеру, породили садизм. Я же предпочитаю цветную капусту в соусе.

Лгут по двум противоположным причинам: от фантазии и от отсутствия оной. Из первых иногда получаются писатели, из других политические деятели или те, кого бьют скандалами в игорных домах.

Представьте себе блоху ростом с человека. Это господин Заад. Теперь представьте себе госпожу Заад. Нет! Это невозможно!

Человек отличается от говядины тем, что с увеличением веса не растет на него цена.

Если бы фройляйн Фюнф служила в цирке, все бы видели, как она изрыгает пламя и на нем жарит котлеты.

Но вернемся к высокому. Свобода должна быть дарована сверху, а не захвачена снизу. Иначе произойдет безобразие.

Но что есть свобода? Ах, если бы я знал!

Старость - такое состояние, когда каждый шаг: справить большую нужду, принять ванну, переспать с женщиной - является мероприятием.

Греческий идеал несколько худосочен. Я сравнил бы его с постными сосисками. Идеал Рубенса и Тициана - более аппетитный и напоминает сочную сардельку. Мне лично ближе ветчина с розовым жирком. Замолкаю!

В грамматике любви подлежащее должно согласовываться с подлежащим, но только в числе, а не в роде.

Аппетитность! Зря Гегель не обратил на это внимания, сочиняя свою эстетику.

Уравнительность. Я с ужасом подумал, что было бы, если бы г-жу Заад разделили поровну между ее поклонниками. И сколько бы досталось мне.

Г-н Заад выразился еще более энергично. Приложив руку в причинному месту, он бросил:

- А этого не хотите!

Из неопубликованного наследия

Куурво Мудика

О сочетании прекрасного с приятным,
а приятного с полезным
Эстетический трактат

§ 1. Прекрасным является все, что ублажает наши чувства.

§ 2. Не все прекрасное является полезным. Например, свиные выжарки с луком для людей преклонного возраста.

§ 3. С другой стороны, не все полезное прекрасно. Например, очистительная клизма.

§ 4. Прекрасное есть высшая степень приятного.

§ 5. Русский писатель Гоголь утверждает, что есть просто приятное и приятное во всех отношениях. Скромность не позволяет мне привести примеры.

§ 6. Прекрасное в природе - завтрак на траве. Прекрасное в обществе - ужин в "Золотом льве" в обществе пастора Пыльда. Прекрасное в искусстве - тот же завтрак на траве, изображенный художником без некоторых подробностей. Прекрасное как таковое - ужин с одной моей знакомой дамой, когда ее муж находится в отъезде.

§ 7. Связано ли приятное только с употреблением пищи? Бесспорно, нет. Это следует из стихотворения господина тайного советника Гете: "Ты знаешь край, где зреют померанцы?" Господин Гете не указал, созрели ли померанцы до нужной кондиции. В этом тайна прекрасного.

§ 8. При всем том необходим талант.

§ 9. Талант - высшая способность извлекать приятное и полезное там, где другие не догадываются извлечь. Например, извлечение жемчужины из навозной кучи есть прямое назначение таланта. Однако некоторые таланты, не отыскав жемчужины, начинают поносить устройство мира, вместо того чтобы перейти к разгребанию другой навозной кучи. Это скептики. Здесь я имею в виду талант как таковой. О таланте стихотворца или художника скажу ниже.

§ 10. Поэтический талант состоит в умении излагать то, что давно известно в столь приятных выражениях, что кажется, будто слышишь все в первый раз.

§ 11. Талант прозаика состоит из умения извлечь из обыкновенного нечто занимательное или даже захватывающее, как фройляйн Фюнф, когда она рассказывает о покупке телятины.

§ 12. Драматург должен твердо знать, что комедия оканчивается свадьбой, а трагедия убийством. Талант же его состоит в умении придать ненатуральной ситуации вид натуральный.

§ 13. Талант актера состоит в том, чтобы убедить зрителей в том, что он говорит и думает одно и то же. Исполнитель ролей Гамлета и Кина господин Рецпетер уверял меня, что ему иногда так кажется. Но это уже великий актер. К этому я еще вернусь.

§ 14. Талант зодчего состоит в умении строить полезное, не забывая при этом о приятном.

§ 15. Таланты живописца и ваятеля так наглядны, что не требуют дополнительных пояснений.

§ 16. Реалисты и романтики изображают действительность лучше, чем она есть. Декаденты - хуже, чем она есть.

§ 17. Что́ есть образ, лучше всех объяснил один сумасшедший: это полый шар, внутри которого находится другой шар, значительно больших размеров.

§ 18. Идеал - нечто недостижимое, воображаемое и постигаемое только интуицией. Например, сидя у г-жи З., я ощущаю запахи, доносящиеся с ее кухни, угадываю блюдо, но не приглашаюсь к столу из-за дурного воображения г-на З. Вы возразите, что кухня моей экономки не хуже. Да. И только это утешает.

§ 19. Аристотель отмечает в искусстве чувственное начало. Платон - идеальное. Тут мне нечего добавить.

Трактат не окончен, как и большинство творений почтенного философа (Прим. Ю.А.).

Стихуэзы Куурво Мудика

1.

Классическая ваза совершенна,
Но мне не интересна совершенно.
Латышка Айна лучше всяких ваз.
Я это знаю. Уверяю вас.

2.

Порядок есть в движении планет.
В движении людей порядка нет.
Я мог бы разлюбить людское племя,
Когда б не знался с госпожою Зед.

3.

Кто истину найти напрасно тщится,
Скажу: ищи и дальше, старина!
Пусть истина горька. Она горчица,
С которою вкуснее ветчина.

4.

Достоинством считаю я умеренность,
Уменье ограничить аппетит,
А недостатком - глупую уверенность,
Что неумеренность не повредит.

Ко дню рождения Абызова

19 ноября 1989 года

Абызов! Ты родился.
И это мудрый шаг.

Как я бы обходился
Без друга? Да никак.

Как обошлась бы Нина,
А также и Егор.
Вот есть в семье мужчина,
А был бы недобор.

И как литература
Могла бы процветать?
С кем Чихаленко Юра
Мог в шахматы играть?

Кто бы умел, не чванясь,
Стяжать себе почет?
Где мог бы Имерманис
Стрельнуть четвертачок?

Кто был бы работяга?
Кто бы духовно рос?
Вот видишь, сколько блага,
Абызов, ты принес!

О величии

Посвящается г-ну Эгору Абызову

Великие люди малой страны
Не хуже великих великой страны.
Они по утрам надевают штаны
И слушают нравоученья жены.

Выводят собаку. Глядят на забор.
- Как ваше здоровье, почтенный Эгор?
- Да так, ничего, - отвечает Эгор.
И шепчут вокруг: "Это наш Киркегор!"

Эгор за цветком отправляется в бор.
А вслед ему шепчут: "Да это наш Бор!
Наш Стриндберг! Наш Гамсун!" Поскольку нет гор, -
Над всем возвышается этот Эгор.

Эгор к президенту приходит во двор,
Эгор с президентом ведет разговор,
Того-то министра позвать на ковер,
С такой-то державой создать договор.

Эгора подальше послала бы власть,
Но держится, чтоб без него не упасть.

Народ за Эгора, толпа за Эгором,
Теперь на него не положишь с прибором.

Сочинение Засл. деятеля культуры
Эстонской ССР Д. Самойлова

Козакову - творцу

Твой "Фауст", Миша Козаков,
Прекрасный образец работы,
Ведь ты представил нам, каков
Был замысел Володи Гете.

Володя этот (Вольфганг тож)
Был гением от мачт до кия,
И он не ставил ни во грош
Любые ухищренья стилия.

Он знал, что Зяма - это черт,
Что Дьявол он по сути самой,
Что вовсе он не Гердт, а Герт,
Что черт в аду зовется Зямой.

Он видел со своих вершин,
Что это все не затируха.
Ты и Кирилл - отец и сын.
А он поддал Святого духа.

И Гретхен - лакомый кусок,
Прелестной простоты образчик.
Такую хоть бы раз в висок
Поцеловать, а там хоть в ящик.

К тому же так переведен
Твой "Фауст", что не изувечен.
И до утра пленяет он
Интеллигенским просторечьем.

Тебя поздравить, Козаков,
Стремится старый алкоголик
(Я дал бы рифму "Табаков",
Хоть вовсе не при чем здесь Лелик).

Михаилу Козакову

по случаю премьеры "Визита старой дамы" по телевиденью

А эта Дама не стара.
И будь я несколько моложе,

Я б ей сказал: "Тари-тара!
Хоть легкомысленно, но все же..."

Мишель, ты показал всем нам,
Нравоченья в нос не тыча,
Что посещение неких Дам -
Иносказанье, то есть притча.

Да, Миша! Мы дошли до притч!
А что касается реалий,
Ты их имел в большом колич...
В своем блестящем ареале.

Ах, все поводит не туда!
Но нету у меня сомненья
В успехе твоего труда,
Ума, таланта, вдохновенья.

Ведь ты влезашь на кряжи,
Как альпинисты по канатам!..
А Даме все-таки скажи:
"Тарим-тарам! Тарим-тататам!"

Последние числа декабря 1989

Послание Гердтам...

после того, как они прислали поэту Самойлову кофе и фломастеры

Зяма, Танечка, спасибо!
Славно быть знакомым с мастером.
Вроде все в порядке, ибо
Кофий пью, пишу фломастером.

Только кофий стал мне горек
И не пишется статья.
Зяма, я не алкоголик,
Но нельзя же без питья.

Иногда бывает кто-то,
Проживающий в Москве,
Привезет мне не компота,
А бутылку или две.

Я не пью их сразу, Зямочка,
Хоть хочу, но не могу.
Наливаю два-три граммочка,
Остальное берегу.

Берегу ее до вечера.
Есть же воля у меня!
Но терпенья человеческого
Все ж хватает на полдня.

И, когда совсем подперло,
Дорогие Зяма-Танечка,
Я беру ее за горло,
Наливаю полстаканечка.

А потом еще стаканчик,
Не обычный, а гранененький,
И его глотаю, Зямчик,
Под огурчик, под соленький.

И тогда и кофий к делу,
И фломастер по руке.
И слагаю я новеллу
На эстонском языке.

8.1.90

Из новогоднего послания

Не спи, не спи, Абызов,
Готовь себя к труду.
А я, как башня в Пизах,
Пока не упаду.

20.12.89

Запечатленные или упомянутые

АКИМ Я. - Яков Лазаревич Аким, поэт, переводчик, верный и преданный собутыльник Д.С.

АЛФЕРОВ Ж. - Жорес Иванович Алферов, физик, академик, ныне Нобелевский лауреат, преуспевающий приятель Б. Захарчени, каковой полагал себя приятелем Д.С.

БАГРОВ Я. - врач, приятельствовавший с Д.С.

БАЕВСКИЙ В. - Вадим Соломонович Баевский, ученый стиховед, отчасти структуралист. Профессор Смоленского педагогического университета. Автор книг "Давид Самойлов. Поэт и его поколение" и "В нем каждый вершок был поэт..."

БАСМАНОВ М. - Михаил Иванович Басманов (Иртанов), поэт, переводчик.

БАЧЕЛИС Т. - Татьяна Израилевна Бачелис, театровед. Жена театроведа К. Рудницкого.

БЕЛОБРОВЦЕВЫ - Виталий Иванович Белобровцев, журналист, издатель, переводчик с эстонского. Ирина Захаровна Белобровцева - профессор Таллиннского педагогического университета. Близкие Д.С. люди.

БРЕЖНЕВ Л.И. - Леонид Ильич Брежнев (1906 - 1982), трагикомический символ "Эпохи застоя".

ВАРТАНОВА - чем-то запомнилась Д.С., если он сохранил ее имя.

ВИЛКОВА В. - Валентина Михайловна Вилкова, давняя редакционная знакомая Д.С.

ВИНОКУРОВ Е. - Евгений Михайлович Винокуров (1925 - 1993), поэт-фронтовик, не входивший в окружение Д.С. из-за густой мизантропии.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. - Андрей Андреевич Вознесенский, поэт, автор бессмертных произведений "Лонжюмо" и "Оза".

ВОЛОБУЕВА И. - Ирина Георгиевна Волобуева (Тер-Аракелян), по Справочнику Союза писателей СССР поэт.

ВЫСОЦКИЙ В. - Владимир Семенович Высоцкий (1938 - 1980), актер и громко поющий исполнитель своих песен.

ГАВРИЛОВ Л. - сведений найти не удалось.

ГАСПАРОВЫ - Гаспаров М. Л. - профессор МГУ, Гаспаров Б. М. - бывший профессор Тартуского, а ныне - Колумбийского университета (США). Не родственники!

ГЕРДТ З. - Зиновий Ефимович Гердт (1916 - 1996), актер и друг Д.С.

ГЛАЗКОВ Н. - Николай Иванович Глазков (1919 - 1979), поэт, прошедший жизнь бок о бок с Д.С.

ГЛУШКОВА Т. - Татьяна Михайловна Глушкова, поэтесса, самозабвенная хулигательница Д.С. Выведена им в стихотворении "В духе Галчинского" ("Бедная критикесса...") и "Памфлет" ("Публицист Сыгоняев, критикесса Слепцова...").

ГОЛЬДЕНШТЕЙН Б. - Борис Гольденштейн, главный бухгалтер издательства "Художественная литература".

ГОРЕЛИК П. - Петр Захарович Горелик, профессиональный военный, долголетний друг Д.С. Живет в Санкт-Петербурге.

ГОРОДНИЦКИЙ А. - Александр Моисеевич Городницкий, доктор-океанограф. Наряду с этим научился сочинять песни и собственноручно исполнять их под гитару. Но играть на гитаре так и не научился.

ГРАФОВ Э. - Эдуард Григорьевич Графов, журналист. Муж Лидии Графовой.

ГРИБАНОВ Б. - Борис Тимофеевич Грибанов, писатель, редактор, издатель. Свой человек в литературном мире. И крепкий собутыльник Д.С.

ГУБИН Д. - Дмитрий Павлович Губин, журналист.

ГУНДОРОВА Р. - Роза Александровна Гундорова, врач-окулист, дочь генерала Гундорова, возглавлявшего Всеславянский комитет, изобретенный Сталиным.

ГУТМАН Г. - Геннадий Рафаилович Гутман (псевд. Евграфов), работник пера, редактор. Несколько лет был секретарем Д.С.

ДАВЫДОВ Ю. - Юрий Владимирович Давыдович, прозаик исторического масштаба.

ДЕМЫКИНА - лицо из давней молодости.

ДИКОВ Ю. - Юрий Павлович Диков, доктор-геолог. Зять Елены Ржевской.

ДОБРОХОТОВ Н. - Николай Николаевич Доброхотов, начальник литературно-чтецкого отдела Московской филармонии.

ДОЛГИН Ю. - несостоявшийся поэт.

ДОРИЗО Н. - Николай Константинович Доризо, поэт, песенник, вдохновивший Д.С. на создание цикла "Балденская осень".

ДУБИНЧИК А. - сведений обнаружить не удалось.

ЕВСЕЕВА С. - Светлана Георгиевна Евсеева, поэтесса и подруга многих поэтов.

ЕВТУШЕНКО Е. - Евгений Александрович Евтушенко, поэт на все руки.

ЕЛЬЦИН Б. Н. - Борис Николаевич Ельцин, партийный, а потом и государственный деятель, случайно завернувший в переписку Д.С.

ЕФИМОВА А. Л. - сведений найти не удалось.

ЖДАНОВ И. - Иван Федорович Жданов, авангардист-заумник.

ЗАХАРЧЕНЯ Б. - Борис Петрович Захарченя, физик, член-корреспондент АН. Входил в круг пярнуских знакомых.

ЗИГЕЛЬ Ф. - Феликс Зигель (? - 1988), астроном. Приятель Д.С. с детского сада.

ИВАНОВ А. - Александр Александрович Иванов (1936 - 1995?), поэт-пародист и пересмешник.

ИЛЬИНА - сведений найти не удалось.

ИМЕРМАНИС А. - Анатолий Адольфович Имерманис (1914 - 1998), член Союза писателей Латвии. Поэт-оригинал и в некотором роде городская достопримечательность.

ИСКАНДЕР Ф. - Фазиль Абдулов Искандер, прозаик, да и поэт тоже. Хороший человек.

КАГАРЛИЦКИЙ Ю. - Юлий Иосифович Кагарлицкий, критик.

КАЗИН В. - Василий Васильевич Казин (1898 - 1981), благонамеренный советский поэт.

КАНОВИЧ Г. - Григорий (Яков Семенович) Канович, литовско-еврейский прозаик. Был избран в Верховный совет, но после его упразднения "свалил за бугор" - в Израиль.

КАРИНЦЕВА И. - Инна Николаевна Каринцева, переводчик.

КАРЯКИН Ю. - Юрий Федорович Карякин, мыслитель, литературовед, социолог. Частенько сживал с Д.С. за рюмкой минеральной, обсуждая проблемы.

КАЦНЕЛЬСОН - врач-окулист.

КИМ Ю. - Юлий Ким, поэт-песенник, человек близкий по духу Д.С.

КИРСАНОВ С. - Семен Исакович (1906 - 1972), советский поэт. О нем стихотворение Д.С. "На смерть кузнечика".

КЛЕЙНЕР Р. - Рафаил Клейнер, тещ-декламатор, облик которого отражен в образе Рафаэля Малых. Народный артист.

КНОРРЕ В. - Вадим Федорович Кнорре, физик, пытавшийся стать поэтом под псевдонимом Сабинин.

КОЗАКОВ М. - Михаил Михайлович Козаков, актер, режисер и любвеобильный выразитель художественного слова.

КОНДРАТОВИЧ А. - Алексей Кондратович, второй заместитель А. Твардовского в журнале "Новый мир".

КОНЕВА М. - Майя Ивановна Конева, редактор-полонист издательства "Прогресс". Дочь маршала И. С. Конева.

КОПЕЛЕВ Л. - Лев Зиновьевич Копелев, германист. Бывший диссидент и прогрессист.

КОСТРОВ В. - Владимир Андреевич Костров, поэт, сосед по дому в Астраханском переулке.

КОСТЮКОВСКИЙ Я. - Яков Аронович Костюковский, поэт, драматург, но по истинному призванию - рыболов.

КОТОВ В. - Владимир Петрович Котов (1928 - 1975), поэт, преданный делу партии.

КРАХМАЛЬНИКОВА З. - Зоя Александровна Крахмальникова, бывший литературовед в капище Института мировой литературы. Ныне, отряхнув его прах со своих ног, духовный авторитет.

КУЗНЕЦОВ И. - Исай Константинович Кузнецов, драматург, старый знакомец Д.С. Выведен им в поэме "Юлий Кломпус": Мюр и Мерилиз - Зак и Кузнецов.

КУЛИКОВА И. - Ирина Ивановна Куликова, пярнуская учительница, приятельница семейства Д.С.

КУНЯЕВ Б. - Борис Ильич Куняев (1822 - 1989), поэт, рожденный комсомолом, живший в Риге.

КУНЯЕВ С. - Станислав Юрьевич Куняев, поэт, пытавшийся стать учеником Слуцкого и Д.С., но не оправдавший их надежд. Выведен в стихотворении "Учитель и ученик", а также как "публицист Сыгоняев" в стихотворении "Памфлет".

КУРАКИНА - сведений не имеется.

ЛАДЫГИН Н. - Николай Владимирович Ладыгин, народный артист Узбекской ССР. Чтец-декламатор.

ЛАНДАУ Л. - Лев Давидович Ландау (1908 - 1968), физик-теоретик. Академик. Знакомец Д.С.

ЛЕБЕДЕВ Е. - Евгений Алексеевич Лебедев, народный артист. Лауреат. Сыграл лошадь ("Холстомер").

ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. - Юрий Давыдович Левитанский (1922 - 1996), поэт, один из близких Д.С. по судьбе и по духу, но постоянный объект его подшучиваний.

ЛЕНИН В. И. - Владимир Ильич Ленин (1870 - 1924), попал сюда случайно, несмотря на дух детерминированности его учения.

ЛИФШИЦ М. - Михаил Александрович Лифшиц (1905 - 1983), философ, литературный критик. Марксист.

ЛИБЕДИНСКАЯ Л. - Лидия Борисовна Либединская, прозаик. Попечительница Д.С.

ЛОТМАН Ю. - Юрий Михайлович Лотман (1922-1993), профессор Тартуского университета, литературовед. Семиотик. Структуралист. И вообще ученый в лучшем смысле.

ЛУКИН В. - Владимир Петрович Лукин, китаист, ушедший из науки в дипломатию. Побывал даже послом в США. Ныне депутат Гос. Думы.

ЛУНГИНА Л. - Лиана Зиновьевна Лунгина, перевела "Карлсона, который живет на крыше".

ЛЬВОВ С. - Сергей Львович Львов, журналист, критик.

ЛЬВОВСКИЙ М. - Михаил Григорьевич Львовский (? - 1995), драматург, поэт.

ЛЮБКИНА-ШУПЛЕЦОВА В. - Вера Сергеевна Любкина (1921 - 1989), жена Бориса Всеволодовича Шуплецова, прозванная Д.С. "Малютка-Скуратова".

ЛЮБИМОВ Н. - Николай Михайлович Любимов (1912 - 1993), переводчик, осиливший чуть не всю французскую литературу, в том числе и Пруста.

МАКЛАК - сведений не имеется.

МАРГУЛИС М. - Михаил Моисеевич Маргулис, легендарный парикмахер Центрального дома литераторов, утверждавший, что брил еще Максима Горького.

МЕЖИРОВ А. - Александр Петрович Межиров, поэт-фронтовик. Написав программное "Коммунисты, вперед", "свалил за бугор", т.е. в Америку, посчитав, что все дивиденды с этого уже проедены.

МЕЛЬНИКОВ Н. - Наум Дмитриевич Мельников (Мельман), прозаик.

МЕЛБЕРГ М. - Марута Мелберг, техническая секретарша Союза писателей Латвии.

МИРСКАЯ Н. - Наталья Петровна Мирская, Редактор. Была секретарем Д.С.

МОРГУНОВ Б. - Борис Григорьевич Моргунов, народный артист России.

МОРИЦ Ю. - Юнна Пинсуховна Мориц, поэтесса. Переводчик. Человек ядовитого ума.

МУХИН Л. - Лев Михайлович Мухин, дипломат.

НАЛЬ А. - Анна Анатольевна Наль, поэт. Жена А. М. Городницкого.

НАРОВЧАТОВ С. - Сергей Сергеевич Наровчатов (1919 - 1981), поэт-фронтовик. Входил в круг общения Д.С. Единственный человек из этого круга, вошедший в номенклатуру.

НЕКРАСОВА К. - Ксения Александровна Некрасова (1912 - 1958), поэт большой доброты, человек житейской неустроенности, потому и век ее был недолог.

НИКОЛАЕВ А. - Александр Маркович Николаев, поэт-фронтовик. Отец поэтессы Олеси Николаевой.

НИКУЛИН В. - Валентин Юрьевич Никулин, артист глубоких переживаний. Любитель читать стихи.

ОГОРОДНИКОВА И. - Ирина Федоровна Огородникова, переводчик и функционер Союза писателей СССР.

ОЗЕРОВ Л. - Лев Адольфович Озеров (Гольдберг) (1914 - 1996), поэт, переводчик.

ОЙСТРАХ Д. - Давид Федорович Ойстрах (1908 - 1974), замечательный скрипач. Несколько лет отдыхал в Пярну, по случаю чего на доме по улице Тооминга, по соседству с домом Давида Самолова, висела памятная доска. Поэтому шутники называли улицу "Давыдовской".

ОКУДЖАВА Б. - Булат Шалвович Окуджава (1924 - 1997), бард, ненавидевший это слово.

ОРЕЛ Э. - Эммануил Орел, врач Литфондовской поликлиники, пользовавший московских литераторов.

ПАСТЕРНАК Б. - Борис Леонидович Пастернак (1890 - 1960), поэт.

ПАХМУТОВА - Александра Николаевна Пахмутова, композитор, чьи песни уже не поются.

ПЕРЕЛЫГИН В. - Виктор Перелыгин, пярнуский учитель, фотограф-энтузиаст, благодаря которому был запечатлен весь цикл пребывания Д.С. в Пярну.

ПЕРСИК В. - Виктор Михайлович Персик, мастер художественного слова. "Свалил за бугор".

ПЕТРОСЯН А. - Абрам Аркадьевич Петросян, заслуженный артист Армянской ССР. Парторг литературно-чтецкого отдела Московской филармонии.

ПОМЕРАНЦ Г. - Григорий Соломонович Померанц, философ-экуменист.

ПУЗИКОВ А. - Александр Иванович Пузиков (1911 - 1996), автор очерков о французской литературе. Главный редактор издательства "Художественная литература".

РАДИШЕВСКИЙ Д. - Дмитрий Радишевский, собственный корреспондент "Московских новостей" в Нью-Йорке.

РАСПУТИН В. - Валентин Григорьевич Распутин, сибирский прозаик.

РАССАДИН С. - Станислав Борисович Рассадин, критик, литературовед. Человек знающий.

РЕЗНИК И. - Илья Резник - автор "текста слов" для "попсы", главным образом для Аллы Пугачевой.

РЕЦЕПТЕР В. - Владимир Рецепттер, актер. Пишет и стихи. В это время гастролировал в Риге, проживая в Доме творчества в Дубулты.

РИФТИНА А. - Ада Рифтина, заведующая Домом грампластинок в Риге.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р. - Роберт Иванович Рождественский (1932 - 1994), поэт. Боролся за мир. Автор нужных песен.

РОЗАНОВ И. - сведений не имеется.

РУДНЕВ П. - Петр Александрович Руднев (1925 - 1995), стиховед.

РУДНИЦКИЙ К. - Константин Лазаревич Рудницкий (1920 - 1988), критик. Театровед. Муж Т.Бачелис.

РЯШЕНЦЕВ Ю. - Юрий Евгеньевич Ряшенцев, поэт, драматург, прозаик. Мастер на все руки.

САМОЙЛОВ Н. - Николай Павлович Самойлов, пярнуский житель. Моряк. Однофамилец.

СЕВЕРЦЕВ С. - Сергей Леонидович Северцев, поэт, переводчик.

СИМИС К. - Константин Симис, Юрист. Муж известной защитницы правозащитников Дины Каминской. Оба "свалили за бугор". Живут в Америке и выступают по радио.

СЛОБОДСКОЙ М. - Морис Романович Слободской (1913 - 1991), поэт, сатирик, драматург, избличавший все, что мешало советской власти.

СЛУЦКИЙ Б. - Борис Абрамович Слуцкий (1919 - 1986), поэт-фронтовик, долгие годы воплощение образа "литературного комиссара" в окружении Д.С. Был стальным, отчего и сломался, - считал Д.С. Выведен в поэме "Юлий Кломпус" под именем Игнатий Твердохлебов.

СМИРНОВА О. - Ольга Сергеевна Смирнова - заведующая редакцией литератур стран народной демократии издательства "Художественная литература".

СМОЛЕНСКИЙ Я. - Яков Михайлович Смоленский, мастер художественного слова.

СНЕГИРЕВ - сведений нет.

СОКОЛОВ В. - Владимир Николаевич Соколов (1928 - ?), поэт, ценный Д.С.

СУРКОВА Л. - Лидия Суркова, редактор издательства "Иностранная литература".

ТАБАКОВ О. - Олег Павлович Табаков, популярный актер и режиссер.

ТИМОФЕЕВ Ю. - Юрий Павлович Тимофеев, редактор. Человек, служивший "дрожжами" в среде начинающих литераторов. Выведен в поэме "Юлий Кломпус".

ТОКАРЕВ В. - Валерий Абрамович Токарев, чтец-декламатор.

ТОЛМАЧЕВА Л. - Лидия Михайловна Толмачева, актриса. Жена Виктора Фогельсона.

ТООМ Л. - Леон Валентинович Томм (1921 - 1969), переводчик с эстонского. Любимый друг Д.С.

ТУГУШЕВА О. - Ольга Тугушева, искусствовед.

ТУШНОВА В. - Вероника Михайловна Тушнова (1915 - 1965), поэтесса. Жена Ю. Тимофеева.

ФИСГЕЕР - Виктор Семенович Фисгеер, таллиннский знакомец Д.С., который перевел его фамилию как "Пешеходов". Ныне в Германии.

ФОГЕЛЬСОН В. - Виктор Фогельсон (? - 1994), редактор издательства "Советский писатель", лучший друг всех настоящих поэтов. Свояк Д.С.

ХАРИТОНОВ М. - Марк Сергеевич Харитонов, прозаик.

ХЛЕБНИКОВ О. - Олег Никитьевич Хлебников, поэт. Некоторое время снимал квартиру у Д.С.

ХМАРА П. - Павел Хмара, поэт-юморист, подвизавшийся в "Литературной газете".

ХМЕЛИК А. - сведений нет.

ЧАЙКОВСКИЙ П. И. - Петр Ильич Чайковский (1840 - 1893), композитор. Попал сюда только благодаря отчеству.

ЧАКОВСКИЙ А. - Александр Борисович Чаковский (1913 - 1994), ученый еврей при генерал-губернаторе. При всех губернаторах сохранявший свой пост большой калорийности.

ЧЕРНОВ А. - Андрей Юрьевич Чернов, поэт. Литературовед.

ЧЕХОВСКАЯ И. - Ирина Чеховская, редактор издательства "Художественная литература", несколько лет курировала книгу Д.С.

ЧИЖИК - муж Татьяны Юрьевны Чижик, пярнуской учительницы.

ЧИСТОВЫ - Кирилл Васильевич и Белла Ефимовна Чистовы, ленинградские знакомцы Д.С.

ШАПИРО А. - Александр Шапиро, по профессии врач-рентгенолог, по призванию ценитель поэзии. Ему посвящено стихотворение "В последний раз со старым другом сiju и пью вино..."

ШИРЯЕВ И. - Иван Иванович Ширяев, редактор издательства "Художественная литература". Лилипут. Обрисован только в воспоминаниях Н.Старшинова.

ШОСТАКОВИЧ Д. - Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906 - 1975), великий композитор, но сюда попал случайно.

ШТЕЙН Б. - Борис Самуилович Штейн, русский поэт, живший в Таллине. Выведен в рассказе С. Довлатова. "Свалил за бугор", в Москву.

ШУПЛЕЦОВ Б. - Борис Всеволодович Шуплецов (1913 - 1983), богемист. Редактор издательств "Иностранная литература" и "Прогресс". Покровительствовал Д.С. как "распределитель кредитов" (в смысле переводов). Один из его близких друзей.

ШИПАЧЕВ - Степан Петрович Шипачев (1899 - 1980), поэт скромной любви. Но и автор поэмы "Павлик Морозов".

ЯДРОВА В. - Валентина Ядрова, сотрудник радиоредакции времен юности.

ЯКУТ - Всеволод Семенович Якут (1912 - 1991), народный артист.

ЯХОНТОВА З. - Зоя Яхонтова, давняя издательская знакомая Д.С.

Содержание

<i>Ю. Абызов</i>	
"О, какие то были года!.."	3
От составителя	15
Том I	16
Том II	80
Том III	144
Том IV	191
Запечатленные или упомянутые	248

В КРУГУ СЕБЯ

